

ОПЕРКРЮК

№2.49с.5

БРАТЯ АЛОВЫ

СМЕРТЬ
ЗА ЗЕРКАЛОМ

ОЛМА-ПРЕСС

Смерть за зеркалом //ОЛМА- ПРЕСС, Москва, 2003
ISBN: 5-224-03861-8
FB2: ve51, 30.01.2023, version 1.0
UUID: CAD0F419-BE15-4FD1-875F-FD93602AA3F8
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 18, 2023

Константин Алов
Сергей Алов
Братья Аловы

Смерть за зеркалом (Опер Крюк #4)

Выдающийся разгильдяй и супермен опер Крюков, постоянный герой цикла Братьев Аловых «Опер Крюк», расследует убийство своего друга. Он устраивается в охрану телешоу «За зеркалом», чтобы проникнуть в гостиницу «Башня смерти» — место, где произошло убийство. Но несмотря на постоянный контроль телекамер при загадочных обстоятельствах гибнет одна из участниц игры...

Содержание

Пролог.....	0005
Глава первая Башня смерти.....	0011
Глава вторая Вызов.....	0027
Глава третья Убийство.....	0046
Глава четвертая Расследование.....	0066
Глава пятая Новое убийство.....	0080
Глава шестая Война.....	0090
Глава седьмая Снова война.....	0105
Глава восьмая Игры патриотов.....	0129
Глава девятая Новая власть.....	0146
Глава десятая Разоблачение.....	0174
Эпилог.....	0193

Братья Аловы
Опер Крюк. Смерть за зеркалом

Пролог

Зона начинается у трех вокзалов и тянется в северо-западном направлении вдоль железнодорожных путей до Рижской эстакады. Там, возле старого кладбища, она раздваивается: уходит направо, в Сокольники и дальше, в лесные дебри Лосинового острова, и налево — в каменные джунгли промышленного района за Марьиной Рощей. Этот небольшой по московским меркам анклав, исполосованный стальными рельсами во всех направлениях, граничит с тремя столичными округами, поэтому за порядок в нем и прилегающих районах отвечают три линейных и семь территориальных отделов милиции. Многовластие всегда, а в этом случае особенно, приводит к печальным результатам. Больше всего это бывает особенно заметно с наступлением ночи, когда в Зоне начинается страшная, непонятная для посторонних, жизнь. В эту пору суток силы зла властвуют здесь почти безраздельно, и человек стоит еще меньше, чем днем. Охота на людей прекращается только с рассветом, а стражи порядка радуются как дети, если им удастся первыми обнаружить очередной криминальный труп и спихнуть его соседям.

Вот и сейчас, едва настав, ночь уже огласилась предсмертными хрипами, криками боли и отчаяния. Под платформой Ленинградского вокзала группа беспризорников, заглянувшая сюда с Казанского, обложила газетами пьяного бомжа и подожгла. Дети с радостными липами наблюдают за гримасами корчащегося в страшных муках человека и его попытками потушить начавшее тлеть рублище.

По соседству, у пригородных платформ Ярославского вокзала, местная шпана режет выкидными ножами трех подростков, якобы укравших у них велосипед. То, что велосипед украли совсем другие люди, никакой роли не играет.

Чуть дальше, за складскими лабазами того же Ярославского, измайловская братва учит уму-разуму китайских барыг за недоплату в общак.

Возле кладбища проходит стрелка долгопрудненских братков с чеченцами. Южане произвели насильственную приватизацию джипа у одного популярного артиста, находившегося под крышей братвы. Этот джип уже разобран на запчасти неподалеку, в промзоне за Марьиной Рощей. Никакого греха за собой чеченцы не чувствуют и претензий признавать не собираются. До стрельбы пока не дошло, но, зная обычаи гор, подмосковная братва потихоньку взводит курки.

В вагонах отстойников живущие тут нелегалы — украинцы, молдаване, азербайджанцы, китайцы, цыгане — торгуют всем, что приносит прибыль.

Пузатый бизнесмен в кожаном пальто нанимает гастарбайтеров для строительства загородного особняка.

Трое носатых брюнетов прицениваются к проституткам, выставившим на показ свои потертые прелести.

Прыщавый торговец, путаясь каждого шороха, перебирает разложенные перед ним на газете новенькие, в оружейном масле, ручные гранаты.

Старая цыганка пытается всучить наркодиллеру пакет бессовестно разбавленного мукой героина и божится, что товар — «четыре девятки».

Группа нищих с Курского вокзала отбирает для работы в метро партию малолеток.

Обитатели Зоны не любят шума. Но и выстрелы здесь никого не пугают.

Они лишь заставляют аборигенов, как хищников, так и падальщиков, с недовольным ворчанием залечь на время, чтобы переждать опасность. Вот и сейчас три выстрела и крик, расколовшие темноту, сменились настороженной тишиной: обитатели зоны на секунду оцепенели, всматриваясь в ночной туман, плотно окулавший окрестности.

Через железнодорожные пути, ведущие от платформы Каланчевская к станции Ржевская, бежала молодая женщина. Обеими руками она крепко прижимала к себе объемистый сверток. Свет фонарей на мгновение выхватил из темноты детское личико — это был младенец, завернутый в толстое одеяло. Женщина спотыкалась и часто оглядывалась. Наконец она совсем остановилась, замерла и принялась озираться в нерешительности. Потом негромко позвала:

— Стас, ты здесь?.. Где ты?

Из-за угла высокого кирпичного забора, отгораживавшего железнодорожные пути от черной прокопченной громады старого завода, раздался еще более тихий голос:

— Давай сюда! Я здесь!

Женщина бросилась на звук к зияющей в заборе большой дыре, через которую заводские работяги ходили за водкой. Возле пролома на утоптанной тропинке лежал мужчина. Земля под ним успела пропитаться кровью.

— Стас, что с тобой? — испуганно воскликнула женщина.

— Все, мне кранты... Достали, гады, — едва слышно отозвался раненый. — Но я тоже одного успел замочить. Уходи немедленно, они где-то близко. Вот, возьми. Если не понадобится, выбросишь... Спасайся...

Он холодеющей рукой протянул женщине новенький ТТ, от которого сильно пахло смазкой и порохом. Женщина крепко сжала маленькую, как раз по ее руке, рукоятку пистолета.

— Будь уверен, пока я жива, они его не получат!

Но Стас уже ничего не слышал. Женщина перехватила пистолет поудобнее, поправила сверток с ребенком и крадучись двинулась вдоль забора.

Неожиданно за спиной она услышала громкий топот. Следом раздался грозный окрик:

— А ну стой, сволочь!

Женщина оглянулась, направила пистолет на темную фигуру и дважды нажала на спусковой крючок. Преследователь выругался, застонал и рухнул. Похоже, его серьезно зацепило. Перехватив сверток с ребенком, она, больше не скрываясь, бросилась бежать через рельсы.

— Притормози, красавица! Не так резко! Что предпочитаешь? Тебе жакана или картечи? — донеслось вдруг с другой стороны.

— Уж больно ты грозен, вот этого попро...

Не договорив, она обернулась и выстрелила в нового противника. В ответ раздался оглушительный грохот. Женщину отбросило на бетонный столб, сверток с ребенком беззвучно покатился по земле.

Охотник приблизился и наклонился над бездыханной жертвой. Ее тело было почти разорвано близким выстрелом на куски.

— Дурилка, тебя же предупреждали. Не все приятно, что трахает. Это все-таки картечь, — запоздало, с неподдельной горечью в голосе пожурил он ее, перезаряжая обрез двустволки-вертикалки.

И добавил, обращаясь сам к себе:

— Любопытно, и как же я теперь отбазарюсь?

Из ночного тумана донесся хруст гравия и на свет показался патрульный милиционер с автоматом. Увидев человека с ружьем, он не обрадовался, а зарорал:

— А ну подыми руки кверху! Милиция!

— Убавь звук, тут все свои! — человек с ружьем протянул автоматчику красное удостоверение.

Тот отступил на шаг и в свете прожектора прочитал вслух:

— Управление специальной службы МВД России. Капитан Крюков, старший оперуполномоченный. Имя у вас какое странное... — хихикнул патрульный и тут же посерьезнел. — Виноват, товарищ капитан! И кто тут стрелял?

— Многие, — лаконично ответил Крюков, просовывая указательный палец в дырку от пули на простреленном пиджаке. — Под ноги смотри, а то на труп наступишь.

— Ух, ты! — похоже, патрульный только теперь заметил распостертое на земле тело женщины. — И кто же это ее так?

— А ты видишь здесь кого-то кроме меня?

— Вы, значить, ее тово?.. — До патрульного не сразу дошел смысл происходящего. Тут он заметил возле шпала наполовину развернувшийся в падении сверток. — А это что? Никак дите, блин! Не понял! — грозно нахмурился милиционер. — Нешто можно в бабу с дитем палить?

Крюков зло сплюнул на пропитанную гудроном землю:

— А ты распеленай это «дите», может, сам поймешь.

Патрульный почесал затылок:

— Так ведь это, ночь, холодно. Я же не Айсман или Холтоф какой-нибудь, чтобы детей морозить.

— Сильнее, чем есть, оно уже не замерзнет.

Патрульный с опаской наклонился и дотронулся до младенца.

— Так он же совсем холодный! Это он мертвый, что ли?

Крюков выругался и без сил опустился на груды щебня.

— Ясное дело! А ты думал, пакеты с героином внутрь живых детей зашивают? «Дите». Эх, ты, деревня! Это же контейнер для перевозки наркоты. Ты лучше «скорую» вызывай. Эти уроды у меня двух напарников подстрелили, и меня вроде задело. Давай по рации, скорее приедут. А я пока отзвонюсь.

Крюков достал мобильник и набрал номер.

— Игнат? Да, все подтвердилось. Взять не удалось. Валить пришлось наглухо. Резкие больно у тебя знакомые оказались. Двоих моих ребят с собой забрали.

Со стороны улицы слышались громкие сирены милиции и «Скорой помощи». Из темноты слышались шаги и голоса приближающейся группы людей. Это шли санитары...

Буквально в пяти минутах езды от трех вокзалов, неподалеку от станции метро «Красные ворота», в старинном двухэтажном особняке располагалась некогда столовая, известная больше как забегаловка «Зеленый змей». Здесь в интерьерах позднего классицизма среди лепнины и античных фресок трудящийся всегда мог уговорить бутылку «Розового крепкого» под порцию азу или

биточков с картофельным гарниром.

Позже столовку превратили в ресторан с югославской кухней и романтическим названием «Монтенегро». После перестройки ресторан долго ремонтировали. он переходил из рук в руки, пока не оказался штаб-квартирой одной маленькой, но очень влиятельной общественной группы с нестандартной сексуальной ориентацией. Теперь это был ночной клуб «Голубая мечта», который пользовался особой популярностью среди столичной элиты.

На клубной сцене всюду шло представление — сокращенный вариант популярного мюзикла «На дне» по роману «Тайна двух океанов». Вместо декорации стояла подводная лодка в натуральную величину, и вокруг нее отплясывали «Яблочко» десятка полтора накачанных блондинов в тельняшках и бескозырках — шоу-балет «Гей-славяне!». Когда танцоры поворачивались спиной, публика могла созерцать их соблазнительные ягодички, открытые для всеобщего обозрения благодаря вырезам на соответствующих местах их расклеванных брюк. На авансцене диверсант Горелов весьма эротично боролся с чекистом Скворешней. Из одежды на обоих были только пенисхолдеры, ласты и медные водолазные шлемы. Звучала лирическая музыка.

Утонченное постмодернистское зрелище доставляло удовольствие далеко не всем. Один из посетителей клуба явно чувствовал себя не в своей тарелке. Это был маленький толстый человечек, который ни минуты не мог усидеть спокойно. Его обширную лысину обрамляли черные кудри, заплетенные в косичку. Известность этого человека была столь широка, что даже самый отсталый оленевод, видевший телевизор один раз в жизни, причем сбоку, сразу узнал бы в нем знаменитого продюсера Сароева.

Он беседовал с импозантным и величественным типом, манеры которого однозначно изобличали его принадлежность к сексменьшевикам. Этот также постоянно мелькал на телеэкранах, без его присутствия не обходилась ни одна тусовка, будь то презентация нового корма для бабочек или инаугурация старшего кремлевского сантехника. То был великий режиссер Задославский. Правда, знакомые чаще звали его Задосладским, а особо приближенные — Жопенгауэром.

Сароев сверлил своего визави убийственным взглядом.

— Кретин, недоделок! Объясни, зачем ты привел меня к своим жопушникам?

Задославский лишь вяло отмахивался.

— Ах, прекрати, здесь так мило, здесь столько энергии! Мне тут легче думается. Пойми, если настоящий художник вроде меня берется за балаган, за ярмарочное шоу...

— Художник вроде тебя берется за ярмарочное шоу. когда его выгоняют из приличного театра по причине полной творческой импотенции! — перебил его Сароев. — Сделать Гамлета бабой. Дездемону мужиком, а Ромео и Меркуцио педрилами, и все в одном спектакле — еще не значит предложить собственную трактовку! Короче, я не собираюсь здесь больше торчать. Я не могу вздрагивать каждый раз, как только у меня за спиной кто-то проходит.

— В сексшопах сейчас продаются специальные затычки для ануса. Как раз на твой случай, — успокоил его режиссер. — Я могу послать за одной из них прямо сейчас.

— Куда? Все магазины закрыты. Или попросишь у кого-нибудь из друзей

малонадеванную? Спасибо, не надо. Я ухожу. И предложу работу кому-нибудь другому, попроще, пусть и не такому талантливому.

Режиссер не на шутку перепугался.

— Постой! Ну, нельзя же так сразу! Ах, какие мы горячие! Ах, какие мы агрессивные! Я как раз хотел поговорить с тобой о деле. У меня уже есть кое-какие наработки. Значит, ты хочешь устроить шоу типа «За стеклом», но по-новому? Это интересно. Я это вижу примерно так: принцип «каждой твари по паре» — безнадежно стар! Лучше одни парни. Молодые, крепкие.

Можно задействовать солдат. Или зэков из зоны. А? По-моему, гениально! «Месяц в казарме»!

Генитально! Ты можешь думать не жопой, а головой? — прорычал продюсер. — Нельзя же все мерить членом! Я требую от тебя совсем другого!

Режиссер Задославский откинулся в кресле, зажег папиросу и глубоко затянулся. Судя по запаху, косячок «афганки» был вполне приличный.

— Объясни подробнее. Я не совсем адекватно осознаю твою концепцию.

— Меньше колес жрать надо, — проворчал Сароев, но все же решил снизить до разъяснения: — Ты, Задославский, отчасти прав. Та, самая первая передача «За стеклом», надоела зрителю ее до того, как успела закончиться. Ну, сколько можно наблюдать, как люди сутки напролет пьют, едят и несут всякую чушь? К концу все зрители ждали одного — когда же игроки начнут трахаться? Но больше такое не прокатит. Сейчас в каждом институте или кабаке в витринах свои «застекольшики» и «зазеркальшики» сидят. Что-то вроде хомячков или рыбок в аквариуме. А в моем шоу должны быть не хомячки, а пауки в банке. Понял, голубок? Они друг друга жрать должны! Чтобы все как у Шекспира — кровь, смерть! Только в натуре. Въезжаешь в тему?

Режиссер в недоумении затряс головой.

— Я отказываюсь тебя понимать, противный. Кровь, смерть! Что же мне, самому их резать?

— Можешь и сам. Но будет гораздо лучше, если наши хомячки начнут мочить друг друга по собственному почину, — весело оскалился Сароев.

— С какой стати они вдруг станут это делать? — продолжал недоумевать режиссер. — Конечно, если ты хочешь предложить выжившему победителю солидный приз... Долларов эдак миллион, тогда, пожалуй, поубивают... У тебя что, появился миллион?

Продюсер расхохотался так громко, что заглушил звучавшую со сиены трагическую арию Голубого Кита, загарпуненного в этот момент голозадыми блондинами-китобоями.

— У меня нет миллиона, а если бы и был, я нашел бы ему лучшее применение, чем выбрасывать на всяких недоумков, — доверительно сообщил он собеседнику. — Все гораздо проще. Тебе нужно будет не отбирать героев для моей программы, а подбирать. Уловил разницу? Случайные люди среди них исключены. Они должны хорошо знать друг друга. И не просто знать, а смертельно ненавидеть. И место для съемок программы нужно подобрать соответствующее. Такой мрачный проклятый замок, где в каждом углу прячутся тени убийц и их жертв, где у всех уже на второй день нервы будут на пределе.

— Да где же я тебе такой найду? — развел руками режиссер.

— Могу подсказать одно любопытное местечко. «Башня смерти», кажется, так ее называют в народе.

— И где твоя башня находится? В Шотландии или в Бирме?

— Немного ближе. Километрах этак в пятидесяти от Москвы. Гостиница «Наука» в городе Приокске. Это моя малая родина, я там родился и лет тридцать не показывался. А тут на Тверской участницу куртизанского движения снял, землячкой оказалась, она мне про эту башню и рассказала. Вот ее телефон. Заплатишь ей как за сеанс, она тебе все подробно растолкует. Съезди туда и посмотри, детали узнаешь на месте. А мне деньги искать надо, у нас с тобой на все полтора месяца.

Глава первая

Башня смерти

По широкой подмосковной трассе стремительно мчалась старая «Волга» салатового цвета с полустертými шашечками на дверях. Так когда-то красили в Москве такси. Кроме водителя, а им был старший опер Управления спецслужбы капитан Крюков, в салоне сидели двое членов его опергруппы: стокилограммовый гигант Птенчик и шустрый младший инспектор Шурик Папастраки по кличке Грека. Очередной пост ДПС машина проскочила, не снижая скорости. Толстый постовой проводил ее внимательным взглядом.

— Слушай, шеф, твою «рябуху» не только в Москве, и в области знают, — с уважением отметил Шурик.

— Это и плохо, — процедил сквозь зубы Крюков. — В прошлый раз, пока мы до места доехали, эти козлы и сами свалить успели, и весь товар заныкали. Не иначе как кто-то из гаишников с трассы заложил.

— Так у тебя манера езды типично ментовская, — внес ясность Шурик. — Осторожно едешь. Левые колеса — строго по осевой, скорость за сотню. И ни шагу вправо.

Повисла пауза. «Рябуха» с шорохом и свистом рассекала воздух, одинаково охотно поедая бензин и километры. За окнами начали сгущаться сумерки.

— Командир, а что по тем барыгам, которые наркоту в трупиках младенцев прятали? — прервал затянувшееся молчание Птенчик. — Мы с Шуриком тогда как раз в отпуске находились, не в курсе.

— Да, повезло вам, ребята, что вас тогда с нами не было, — хмуро отозвался Крюков. — Напахали мы на «железке» — дальше некуда. Большого Кузю из первого отдела насмерть. Никодимыча на инвалидность, а мне дырку в новом пиджаке и последний строгий выговор. А у наркобарыг два трупа и все концы в воду. Хорошо хоть я Игната, человечка своего, не спалил.

— Мы сейчас к нему едем? — уточнил Птенчик.

— Да, в Приокск. Город каштанов и физиков. Весь город — сплошной секретный объект, «почтовый ящик». То ли от Радиопрома, то ли от Минатома. Сейчас все это производство, ясный пень, накрылось медным тазом.

— Они тренажеры неплохие делают, главное недорогие, — вставил Птенчик. — Я себе такой купил. Скамейка для жима лежа, стойка для штанги — все как положено.

— И сковородки с тефлоновым покрытием, — добавил Шурик.

— Может, дадите досказать? — недовольно произнес Крюков. — Сейчас в Приокске находится крупнейшая перевалочная база «Южного трафика» по поставке чеченского героина. И сегодня в гостинице «Наука» состоится передача кавказцами большой партии наркотиков нашим москвичам.

— «Запорожцам» бы лучше передали. А разве мы втроём сможем их захмутать? — удивился младший инспектор Папастраки. — То есть я, конечно, не против, но...

— Почему втроем? Братъ будешь ты один, а мы с командиром в это время сходим пивком разомнемся, — обнадежил его Птенчик.

Нет, братцы, братъ мы их не будем, — успокоил Крюков. — Горцев сдадим местной конторе, а славян станем пасти до Москвы. У них крыша круче крем-

левской. Если снова поспешим и навалим трупов, меня точно с оперативной работы попрут. В лучшем случае переведут участковым куда-нибудь на БАМ.

Неожиданно кусты справа, росшие вдоль кювета, озарились вспышкой. По машине ударила очередь из автомата. Пули с визгом отрикошетили от стекла, оставив на нем множество мелких царапин. Крюков машинально дал по газам и посмотрел в зеркало заднего вида: на дорогу выруливал черный джип из-под его колес летели фонтаны песка.

— Блин! — инспектор Папастраки, демонстрируя хорошую реакцию, оперативно повалился на сиденье.

— Ты чего? — Птенчик поначалу тоже перетрухнул, но быстро оправился. — Забыл, что «рябуха» бронированная?

«Волга» капитана Крюкова в свое время несла нелегкую службу в «девятке» КГБ, сопровождая правительственные кортежи. После выслуги лет ее перекрасили под такси, и некоторое время использовали в «еемерке» того же Комитета для наружного наблюдения. Крюков выкупил ее по цене металлолома, но с тех пор вся его жизнь превратилась в поиски денег на бензин. Мощный двухсотпятидесятисильный движок тяжелой бронированной машины жрал его ведрами.

— Да, бронированная, — заныл, все еще лежа на сиденье младший инспектор, — а если они из «мухи» или «шмеля» шарахнут? Что тогда будет?

— Будет блюдо «менты в гриле», — обрадовал его Крюков. — Или «шашлык из мусора». Не желаешь попробовать?

Упоминание о еде вызвало у вечно голодного Птенчика обильное слюновыделение.

— Блин, пожрать бы надо, — вспомнил он не к месту. — У меня сейчас этап набора массы, а предплечья-разгибатели отстают. В качкизме питание — первое дело.

Старший опер нахмурился. Он уже привык не реагировать на стрельбу по машине. Но сейчас возникла реальная опасность: огромный джип с непроницаемо-черными стеклами пристроился сзади, чуть ли не подпирая кенгурятником бампер их «Волги»! Уйти от него на пустой трассе не было никакой возможности.

— У нас баланс на хвосте, — поставил в известность подчиненных Крюков. — Интересно, когда и где нас срисовали?

— Это тот жирный «гаишник» стуканул, — уверенно сказал Шурик. — На его же толстой морде поперек написано: «У меня трое детей и жена-учительница. Помогите, кто чем может, по-хорошему!»

Крюков внимательно пригляделся к преследовавшему их джипу. Теперь из его открывшихся окон торчали вороненые стволы «Калашниковых». Но огня преследователи пока не открывали, видимо, догадались, что «рябуха» бронированная. Похоже, они чего-то ждали. Но чего? Вскоре он понял и это.

Далеко впереди полутьму над трассой рассек серебристый луч света. Вскоре Крюков смог опознать его источник: это были фары сворачивавшего на дорогу с боковой грунтовки самосвала с прицепом.

— Было полбеды, а теперь крутом беда! — процитировал Крюков Гайдара-старшего. — Готовьтесь к катапультированию. Кажется, за нас взялись все-рвез.

— Кто? — в один голос спросили члены экипажа.

— Лично я мог бы назвать как минимум десяток соискателей моей шкуры. — Крюков рассуждал так спокойно, словно сидел в пивной «Клешня» за кружкой пльзеньского «Праздроя». — А сейчас внимание, всем на правый борт, открыть пушечные порты! Орудия к бою!

Крюков в детстве мечтал стать капитаном пиратского фрегата, воображал себя, как Том Сойер, черным мстителем испанских морей, и эту романтическую страсть пронес через всю свою жизнь. Оперативники из его команды давно привыкли к своеобразному лексикону начальника.

Птенчик и Грека поспешно опустили толстые пуленепробиваемые стекла на передней и задней правых дверях. Птенчик извлек из под мышки внушительных размеров «Стечкин» и подготовил его к стрельбе. Пистолет был старого образца, из тех, что бьют очередями.

— В коробочку, гады зажать хотят! Эх, полным-полна моя коробочка, есть и порох... — тут Птенчик, пока его руки машинально делали свою работу, задумался над рифмой, но та убежала, а времени на поиски уже не было, — и взрывча... Тка! — не в лад закончил он.

Шурик нервными движениями затолкал в подствольный магазин нарезного помповика три бронебойные патрона, калибром напоминающие маленькие снаряды. Затем передернул цевье, загнав патрон в патронник, и добавил в магазин еще один.

Самосвал уже перегородил дорогу. Расстояние до него сокращалось с каждой секундой и, наконец, дошло до предельного минимума. Объехать препятствие было невозможно. Понимая, что «Волге» сейчас придется тормозить и довольно резко, джип преследователей немного приотстал.

— Канониры, товсь! — Крюков, не сбавляя скорости, пустил машину на обочину и затем вывернул вправо, на тот самый проселок, с которого только что выехал самосвал. — Правым лагом — пли!

На джип преследователей обрушился огонь сокрушительной силы. Очереди из «Стечкина» и громopodobные залпы «карабина специального» буквально на глазах выгрызли из сверкающего чуда заморского автомобилестроения громадные куски железной плоти. То ли водитель был убит первым же выстрелом, то ли вырванная с корнем крышка капота закрыла видимость, но джип на полном ходу врубился в самосвал, прямо в бензобак. Два взрыва прозвучали с небольшим интервалом. Крюков резко затормозил и оглянулся. В свете полыхнувшего пожара он заметил силуэт убежавшего в лес водителя самосвала. Из команды джипа, похоже, не спасся никто.

— Шурик — вызываешь ментов. Птенчик за мной. Того козла берем живым!

Двое оперов выскочили из машины и рванули вслед беглецу.

— Стой, мудила, а то убьем! — на бегу крикнул Крюков.

Но водитель только припустил еще быстрее.

Птенчику было непросто нести по неразличимым в потемках кочкам и колдобинам свое большое тело. Он не удержался от соблазна и выстрелил в беглеца, как ему показалось, по ногам. Тот рухнул словно подкошенный.

Крюков застонал, будто ветер в печной трубе.

— О-о-о! Ну, спасибо, родной! Ну, выручил!

— Я в ноги целился, — виновато сообщил Птенчик.

Они приблизились к упавшему. Тот лежал без признаков жизни.

— Все, — развел руками Крюков. — Трындец котенку. Завтра звоню на вокзал и заказываю билет до Тынды. Прощай, столица, здравствуй. Байкал! Там, где раньше срали тигры, будет мой опорный пункт! Удружил, старик.

Птенчик легонько попинал неподвижное тело. Мертвец вдруг ожил и пролепетал.

— Не надо, не убивайте! — заскулил он, встав на колени и воздев к небу руки. — Я не виноват, меня заставили. Сказали, жену убьют... Я не... Не я это... Заставили меня...

— И кто же тебя, сироту, заставил? — сурово спросил Крюков, с трудом скрывая ликование: бессрочная командировка на БАМ временно откладывалась.

— Не знаю... Я с работы приехал, не успел в дом зайти, а они... Давай, говорят, дуй на трассу, перекроешь дорогу. Мудак, мол, один поедет, тормознуть надо. Тыщу рублей пообещали.

Водитель, несмотря на то, что был потомственным атеистом, три раза истошно перекрестился в доказательство своей невиновности.

— Слышь, Птенчик, он тебя мудаком назвал, — с удовольствием отметил Крюков.

Рулевой самосвала испуганно посмотрел на Птенчика и с помощью гримас и жестов продемонстрировал ему свою лояльность: дескать, он так не думает. Гигант легко перевел стрелку на командира.

— Не, начальник, ты неправ: «рябуха» — то твоя, значит и мудаком, выходит, тоже ты, — авторитетно заявил он.

Крюков тяжело вздохнул, но спорить не стал.

— Может, и так. Короче, мужик, обидел ты нас чисто конкретно. Или колешься, кто тебя нанял, или кердык тебе. Вон твои кореша в тачке догорают, сейчас и тебя к ним присовокупим. Для кворума.

— Я их не знаю! — затараторил водитель. — То есть знаю одного. Сосед мой, Леха. Он, это, пацан крутой. Так они себя называют. У них бригада была — на трассе фуры дальнобойные бомбили. А в прошлом году их какой-то деловой из Москвы под себя подмял. Говорят, с наркотиками связан. Леха с тех пор еще круче стал. Дом перестроил, бассейн завел, иномарки каждый месяц меняет. А больше из них никого не знаю, честное-благородное! Гадом буду!

— Ладно, проваливай, пока я добрый, — разрешил Крюков.

Не помня себя от счастья, водитель с проворством зайца бросился в лес и уже через секунду исчез в темноте.

Крюков и Птенчик направились в сторону горевших машин. Здесь уже собрались люди. Огромный костер перекрыл движение по трассе. Некоторые, правда, пытались объехать его по обочине. У одного, бортового КамАЗа, это получилось, а пара легковушек плотно застряла в кювете. Со стороны Москвы слышались отдаленные звуки милицейской сирены.

— Только разборок с конторой нам сейчас не хватало, — проворчал Крюков. — На трассу не выбраться. Теперь придется ждать, пока все не разъедутся.

Они вернулись к своей машине, где скучал третий член экипажа.

— Получается, нас здесь ждали, — предположил Птенчик.

— Ага, и встречу подготовили, — согласился Шурик. — Как Деду Морозу в бане. Слышь, командир, сто пудов — заложил нас кто-то. А твой Игнат не мог

переметнуться?

— Вряд ли, — возразил Крюков. — У него с наркобарыгами свои счеты. Он говорил, что его сестра плотно на игле сидела. Начала с баловства, а оглянулась — уже «в системе». Еле снял. Так что боюсь, если он нас не дожидается, то сам войну начнет.

— Так позвони ему.

— Набирал, он отключился. Может, он мне сам звонил? Я-то свою мобилу тоже вырубил.

— Зачем? — не понял Птенчик.

— А ты хочешь выйти на связь с руководством и объяснить, почему в рабочее время мы находимся в двадцати километрах от Москвы? Или предлагаешь мне засветить агента? То-то и оно!

Только спустя час, когда железный костер совсем догорел, почерневшие остовы машин столкнули с дороги. Движение на трассе возобновилось. Постояв некоторое время, разъехались и представители власти.

— Нам тоже пора, — сказал Крюков и запустил двигатель. — Вперед, в «Науку»!

Гостиница «Наука» была построена лет двадцать назад для проведения международного симпозиума физиков-атомщиков. По соображениям секретности возвели ее на окраине города, возле трассы, на месте старого кладбища. Накануне открытия в гостинице случился пожар, поэтому симпозиум пришлось перенести в новосибирский Академгородок. Уже после ремонта она превратилась в пятнадцатизэтажный мотель, что экономически не окупалось и по заграничным меркам выглядело нелепо, но у нас сошло.

Действительно, здание, состоявшее из двух корпусов в форме перевернутой буквы «П», чаще всего пустовало. Исторических памятников и достопримечательностей в Приокске не было, а если бы и были, туристов все равно в него не пустили бы. Поэтому гостиница приносила одни убытки. Ее несколько раз отфутболивали с баланса ведомства на баланс города, а оттуда обратно, пока в смутные годы перестройки не заставили трудовой коллектив приватизировать свое обременительное хозяйство. Обветшавшее из-за отсутствия ухода здание было на грани разрушения, когда местный криминальный авторитет Борман, выкупив гостиницу за бесценок, открыл там ресторан, ночной клуб и казино.

Но беды и злоключенья не кончились все равно. Казалось, над несчастным зданием тяготеет какое-то проклятье. То в самой гостинице, то в ресторане, то в казино постоянно что-то взрывалось или горело. При этом гибли люди. Когда число погибших перевалило за третий десяток, какой-то местный остряк нарек пятнадцатизэтажное здание гостиницы «Башней смерти». Название понравилось, прижилось, вошло в моду и со временем получило статус официального. А люди продолжали погибать.

Игнат вел наблюдение за гостиницей из салона старых «Жигулей». Он видел, как по трассе со стороны Москвы к главному входу гостиницы, не скрываясь и не таясь, подъехали две посверкивающие черным лаком «Ауди» — сотки с тонированными стеклами.

Из машин вышли крепыши, одетые в строгие черные костюмы. В руках

каждый держал кейс. Игнат догадался, что только один из кейсов настоящий, с деньгами. Остальные же — камуфляж. Достаточно было нажать рычажок на ручке, чтобы стенки кейса распахнулись, и в руках его хозяина оказался скрытый до тех пор внутри, готовый к бою укороченный автомат Калашникова. Но пока в этом не было необходимости. Из восьми приехавших качков двое остались дежурить у входа, остальные вошли внутрь.

Чуть позже с противоположной стороны, с южного берега Оки по новому широкому мосту прикатили два таких же сверкающе-черных джипа «Мицубиси-Паджеро». Из них тоже вышли крепкие в хороших черных костюмах парни с внешностью, типичной для уроженцев горных аулов. Эти оружия не прятали, а наоборот, выставляли напоказ. Двое из них с «калашами» встали у входа, остальные проследовали в гостиницу. Один из кавказцев нес спортивную сумку. Оставшиеся внизу представители обеих сторон оцетинились антеннами компактных раций. Встреча в верхах началась...

Игнат посмотрел на часы: Крюкова все не было. Но сейчас это было ему на руку. Он мог действовать самостоятельно, без оглядки на напарника. Тем более что с Крюковым его связывала старая дружба, и Игнату не хотелось подставлять капитана. Самому же ему терять было нечего.

Сфотографировав приезд гостей, он завел машину и отъехал подальше от гостиницы, за забор какого-то склада. Там убрал аппаратуру в кофр, достал из бардачка плотный пакет и раскрыл его. Внутри, завернутые в промасленную тряпку, лежали длинный охотничий нож и старый «Макаров».

Игнат протер оружие сухой тряпкой; нож сунул за пояс, а пистолет во внутренний карман куртки. Затем вылез из машины, захлопнул дверцу и направился за угол, к служебному входу в гостиницу. Один из охранников проводил его подозрительным взглядом и что-то передал по рации.

Войдя в холл, Игнат нырнул в дверь подсобки и оттуда вышел на черную лестницу. Он достал пистолет, передернул затвор, загоняя патрон в патронник, и поставил на предохранитель. Звонкий щелчок показал, что курок спущен. Игнат снова отключил предохранитель. Теперь, благодаря системе самовзвода, он мог начать стрельбу в любой момент, не боясь при этом самопроизвольного выстрела. Закончив подготовку, Игнат пружинистой походкой направился к лестнице и неторопливо двинулся наверх...

А на тринадцатом этаже в это время происходил обмен товара на деньги. Обе группы поднялись на лифте и оставили по одному человеку у его дверей. Затем они проследовали по коридору до «президентского» люкса, в котором и должна была состояться встреча. При входе в номер они также оставили по охраннику.

Собравшиеся в номере, по четыре человека от каждой стороны, встали вокруг большого инкрустированного перламутром стола. Высокий блондин выступил вперед и улыбнулся кавказцу, державшему в руках спортивную сумку.

— Салам, дорогой Аслан! Рад тебя видеть с товаром, живым и на свободе! — издевательский тон приветствия явно не соответствовал его содержанию.

Аслан прекрасно это понял: он явно не был расположен к шуткам и не считал нужным это скрывать.

— Здравствуй. Колян. Вот товар, все как договорились. Смотреть будешь? — отозвался он хмуро и бросил тяжелую сумку на стол.

Блондин развел руками:

— О чем базар? Я же тебя уважаю! Но товар посмотрю. Вот бабки. Проверишь или так поверишь?

Он положил на полированную столешницу кейс, щелкнул замками и откинул крышку. Затем расстегнул сумку, покопался в ней и достал с самого низа один из плотных пакетов.

— Я тоже тебя уважаю, — буркнул Аслан и вытащил из кейса наугад несколько долларовых пачек.

Они приступили к исследованию образцов. Оба бригадира были профессионалами и не нуждались в экспертах. Кроме того, каждый из них понимал, что попытка надуть партнера неминуемо приведет к большой войне.

— Порядок, — сообщил Колян своим бойцам, исследовав щепотку порошка. — Товар чистый.

— Хоп! — произнес Аслан, что означало примерно то же самое.

В это время в коридоре происходили незапланированные договаривающимися сторонами события. Двое охранников, стоявших у лифта, не страдали от недостатка бдительности. Когда кабина лифта остановилась на тринадцатом этаже, о чем возвестил тихий мелодичный звонок, оба напряглись и повернулись лицами к его дверям. При этом они не заметили, как у них за спиной беззвучно открылась дверь черного хода.

Темная фигура неслышно преодолела разделявшее их расстояние в несколько шагов. Тускло блеснул клинок боевого ножа. Острие вошло под лопатку кавказца, застывшего в напряжении с автоматом. Он сразу же обвис в руках убийцы и стал заваливаться набок.

Второй охранник обернулся на шум падающего тела и среагировал молниеносно. Он нажал пальцем рычажок на ручке своего кейса, тот распахнулся и в руках боевика остался короткий автомат. В это время за его спиной с легким шипением разошлись створки лифта и вторая темная фигура выскользнула оттуда. Четко поставленным ударом сзади неизвестный вогнал узкий стилет в сердце второго охранника.

Оба нападавших были одеты в свободные черные комбинезоны и вязаные шапки-маски. Убийца, приехавший на лифте, ростом был заметно ниже своего товарища и более мелкой комплекции. Его можно было принять за женщину.

Рослый приоткрыл дверцу подсобки. Видимо, он хорошо знал расположение электропроводки в здании. Он быстро отыскал нужные провода и полоснул по ним ножом. Сноп искр — и весь коридор тринадцатого этажа «Башни смерти» погрузился в непроглядную темноту. Его напарник тем временем достал из сумки на поясе две пары очков ночного видения.

Охранники, оставшиеся у дверей гостиничного номера, не видели того, что произошло возле лифта, так как были скрыты за углом коридора. Смерть пришла к ним из крошечного мрака. Они даже не поняли, что их убивают, и не успели сделать ни единого выстрела.

Находившиеся в комнате ничего не подозревали о творившемся снаружи. Свет в их номере не погас, он подпитывался от другого провода. Внезапно дверь открылась, в нее просунулась рука в черной перчатке, на миг задержалась и что-то подбросила к потолку.

Раздался громкий хлопок, и яркая вспышка света ослепила всех присутствующих. Налетчик рисковал: если бы свето-шумовая граната «Заря» разорвалась у него в руке, он стал бы калекой. Но, как и было задумано, граната сработала в воздухе. Ворвавшиеся убийцы расстреливали ослепших боевиков, словно стадо баранов. Бойня длилась полминуты.

Убийцы не потрудились даже добить раненых. Забрав сумку с наркотиками и чемодан с деньгами, они выскользнули за дверь, но почти тут же вернулись. В руках у них были канистры с бензином. Полив им пол, стены и тела людей, длинный в последний раз окинул взглядом комнату.

— Ничего не забыли? Так и есть!

На столе лежал пакет героина, взятый Коляном для проведения пробы. Убийца подхватил пакет и бросил его напарнику.

— Осторожнее, он вскрыт. Уходи, я поджигаю.

Выпустив напарника — или напарницу — он остановился в дверях комнаты, щелкнул зажигалкой и бросил ее в середину разлившейся на полу лужи...

Игнат быстро прошел вдоль пустого коридора десятого этажа. В одной руке он нес большую спортивную сумку, в другой чемоданчик. Не прошло и пяти минут, как он бегом возвратился к служебной лестнице. Теперь руки у него были пусты. Лестница уже затянулась едким дымом. Даже здесь слышалось, как наверху гудит пламя. Сквозь гул донесся душераздирающий вопль горящего заживо человека.

Игнат остановился, достал мобильник и позвонил Крюкову. Абонент не отвечал. Тогда он набрал другой номер. Здесь трубку взяли почти сразу.

— Алло, сестренка, ты меня слышишь? — спросил он. — Это я. Слушай внимательно и запоминай...

Он говорил недолго и закончил словами:

— Сама в это не лезь ни в коем случае. Расскажи все Крюкову. Он разберется.

Потом отключил связь, бросил телефон на пол и раздавил каблуком.

— Игнат, где товар и деньги? — услышал он за спиной женский голос.

Он медленно повернулся, потянулся к карману и невесело усмехнулся. Пистолета при нем не было, наверное, выронил где-то в коридоре. Перед ним стояла девушка в черном комбинезоне. Черную шапку-маску она держала в правой руке и прикрывала ей нос от дыма. В левой руке у нее был автомат «мини-узи», оружие с фантастическим темпом стрельбы, требующее определенной сноровки в обращении. Черный зрачок дула был направлен на Игната.

— Ты что. не расслышал? — переспросила девушка. — Куда ты дел товар и деньги? Я не шучу! Если не скажешь, прострелю ноги и брошу подышать в огне. Слышишь, как орут наверху?

— Да пошла ты...

Он увидел, как дернулся ее палец на спусковом крючке и невольно подался назад. За спиной у него оказалось окно. Игнат неловко поскользнулся и обрушился на стекло всей своей массой...

«Рябуха» Крюкова подкатила к «Башне смерти», когда пожар начал понемногу стихать. Но три верхних этажа продолжали полыхать довольно ярким

факелом. Вокруг гостиничного комплекса выстроилось оцепление милиции, оттеснившее толпу зевак на безопасное расстояние. Пять или шесть пожарных расчетов безуспешно пытались сбить пламя, над зданием завис пожарный вертолет.

На глазах у Крюкова с карниза последнего этажа сорвался человек и с криком полетел вниз. Собравшаяся внизу толпа бездельников-зрителей возбужденно загомонила.

Капитан оставил своих бойцов в «рябухе», а сам приблизился к оцеплению. «Копейки» Игната нигде не было видно. Капитан показал постовому свое удостоверение. Тот, не вчитываясь, отметил про себя аббревиатуру министерства, принял Крюкова за пожарного и разрешил ему пройти за линию оцепления.

Крюков остановился возле крайней машины. На подножке сидел и курил немолодой мужик в каске и брезентовом плаще. Видимо, офицер.

— Как там? — задал Крюков самый общий вопрос, на какой был способен.

— А! — пожарный устало махнул рукой и затоптал окурок. — Теперь уже ничего страшного. Скоро само потухнет. Все, что могло гореть, уже выгорело, а вниз огонь не пустили. Жалко только народу много погибло.

— А почему, собственно, загорелось? Талиб пролетел?

— Это точно, — усмехнулся пожарный. — Сдача зачетов в аэроклубе имени Усамы Бен Ладена. А там кто его знает? Экспертиза покажет. Одно ясно — опять эта долбаная «Башня смерти» сюрприз подкинула. На мертвецах стоит, мертвецами кормится. Ты сам-то откуда будешь?

— Из министерства, капитан Ёпрсштейн, — невнятно пробормотал Крюков. — Я тут случайно. Мимо ехал, остановился поглядеть.

— Ну, пошли поближе, поглядишь, — пожарный поднялся с подножки и направился в сторону горевшего здания. Крюков последовал за ним.

К ним подбежал молодой парень в защитном комплекте.

— Товарищ майор, мы почти закончили.

— Хорошо, оставь два расчета, остальные пусть возвращаются, — распорядился собеседник Крюкова.

Машины «Скорой помощи» одна за другой увозили обожженных и наглотавшихся дыма пострадавших.

— Если бы не мои орлы, жертв гораздо больше было бы! — не без гордости сообщил майор. — Вон, видал чудо-богатыря?

Откуда-то сверху, вырванный взрывом, со свистом прилетел сверкающий хромом и золотом кран-смеситель от ванной. Со скоростью метеорита он достиг земли и обрушился прямо на каску одного из пожарных, сбив его с ног. Лежа на спине с закрытыми глазами, оглушенный пожарный машинально нащупал кран, лежавший рядом, и принялся заталкивать его в бездонный карман несгораемых штанов.

— Настоящий брандмейстер, — похвалил своего бойца майор. — На автопилоте работает.

Среди чумазых, в копоты, но слаженно работающих пожарных и бестолково суетящихся милиционеров, Крюков заметил подозрительно спокойного атлета в форме лейтенанта милиции. На вид тому было никак не меньше тридцати пяти лет. Крюков подошел к нему, когда лейтенант рассматривал выставленные в ряд на газоне носилки с телами погибших.

— А этих почему не забирают? — спросил Крюков.

— Этим уже не к спеху, — вздохнул лейтенант. — За ними санитарный фургон позже приедет. Тут в основном те, кто из окон спрыгнули. Башня высокая, лестницы до верха не достали.

Внимание Крюкова привлекли останки мужчины, лежавшего вторым справа. Это был Игнат.

— И этот сверху упал? — спросил он.

— Ага, и он тоже, — подтвердил лейтенант. — Только с ним не все понятно. Ребята, которые это видели, говорят, что он с десятого этажа летел. А там огня не было.

— Как это? — удивился Крюков. — Слушай, лейтенант, можно мне с этими ребятами поговорить?

Тот смерил сыщика пронизательным взглядом.

— Ты ведь из Москвы? Поди, из главка, а то и из министерства будешь? И в каком звании?

— Капитан.

— Знаешь, капитан, не обижайся. Но ты мимо ехал, постоял тут мальчика, теперь дальше двинешься. А нам здесь жить и работать.

— Я не совсем понял... — дружелюбно сказал Крюков. — Ты сам-то здесь кто?

Лейтенант закурил и пустил дым колечками.

— Участковый я здешний. Чапаев моя фамилия.

— А зовут Василием Иванычем? — догадался Крюков.

— Откуда знаешь? Настучали уже? — хмуро осведомился полный тезка легендарного комдива. — Может, ты из «Собственной безопасности»? Так имей в виду, мне уже бояться нечего. Дальше фронта не пошлют!

Крюков отрицательно покачал головой.

— Нет, я сам по себе. А тут действительно как на фронте. Может, прояснишь ситуацию?

— Нечего прояснять, — лейтенант не скрывал раздражения. — Вон на «Лендкрузере» с эскортом Расул Мартанов приехал из-за речки. Не знаешь такого? Бывший депутат Верховного совета, Герой Труда, председатель колхоза-миллионера. Сейчас глава администрации соседнего района. Его у нас Большим Расулом зовут. А тот, который из «шестисотого» вылезает, Борман. Этот наш. Был полковником, замполитом отдела спецмилиции, которая все наши «почтовые ящики» курировала. Теперь главный городской бандюк. Под его крышей весь Приокск ходит. И гостиница его. А вон те, на «Ауди» — ваши, московские. Их я не знаю. Ты, часом, не их пасешь?

Крюков изобразил на лице полное недоумение.

— Говорю же, случайно мимо ехал, отлить остановился.

Местный мент недоверчиво улыбнулся.

— Турист, значит? Так какие проблемы? Пописал — и путешествуй дальше. Сникерсни, но не тормози. Ни к чему тебе наши заморочки. Место тут такое, нехорошее. И забудь все это поскорее. А если спокойная жизнь надоела, зайди вон в тот кабак, через дорогу, посиди там, людей поспрашивай. Может, и найдешь что... на свою задницу, — лейтенант рассмеялся.

Крюков поднял указательный палец вверх и наставительно произнес:

— В «Хагакурэ бусидо», кодексе самурая, написано: «Когда есть выбор, вы-

бирай тот путь, что ведет к смерти». Ты, Чапаев, не самурай часом?

Лейтенант рассмеялся еще громче, забыв, что рядом лежат покойники.

— Это точно, капитан, я не самурай. Кем я только не был? Младшим инспектором был, опером был, старшим опером был, замом по розыску был, опять опером был, начальником отдела розыска был. Теперь вот участковым стал. И из майоров в лейтенанты спикировал. А самураем не был и не собираюсь. Они же чуть что — сразу давай харакири себе делать. А я еще пожить хочу. Знаешь, чем я могу быть тебе полезен? Когда мы в следующий раз случайно встретимся, я сделаю вид, что мы не знакомы. — словно в подтверждение своих слов, лейтенант отвернулся и молча зашагал прочь.

Крюков задумчиво смотрел ему вслед. Интуиция подсказывала, что лейтенант относится к той категории казенных людей, которые службу ставят превыше не только собственных, но и корпоративных интересов, и, в силу этого, представляют большую опасность как для продажного милицейского начальства, так и уголовников. И, отзываясь с пренебрежением о самураях, он жил по собственному кодексу чести, близкому и понятному Крюкову. Тем более, что, судя по всему, харакири, в смысле карьеры и служебного соответствия, он делал себе не один раз...

Крюков, вняв совету лейтенанта, перешел дорогу и направился в придорожную забегаловку, гордо именуемую рестораном «Парус». Но, визуально определив курс капитана, его команда подняла бунт на корабле и категорически отказалась ждать в машине. Проворно выскочив наружу, оперативники догнали Крюкова на середине пути к намеченной цели.

— Я всю задницу отсидел, размяться надо, — пожаловался ему Шурик.

— Да и пожрать бы не мешало, — поддержал коллегу Птенчик, показывая капитану руки, как пионер перед едой. — У меня предплечья-разгибатели пальцев совсем похудели.

Требования, выдвигаемые народом в лице оперуполномоченных, звучали абсолютно справедливо, и Крюков вынужден был с ними согласиться:

— Ладно, пошли вместе. Судя по рекомендации участкового, это как раз то место, где можно и пожрать, и размяться...

Они вошли в ресторан. Вышибала на входе с интересом окинул Птенчика взглядом с ног до головы, даже не удостоив при этом его спутников своим вниманием...

Интерьер ресторана вызвал у капитана легкую изжогу. Изнутри заведение напоминало большой сарай, в котором царил такой полумрак, что неподготовленный посетитель без труда мог угодить вилкой в собственный глаз вместо рта. Под низким потолком, словно тучи в непогоду, плавали клубы табачного дыма. Из кухни несло горелым маргарином. Стоявшая в углу модель трехмачтового парусника была сделана отвратительно, без элементарного знания корабельной архитектуры.

Однако все это вместе взятое не отпугивало завсегдаев, народу в заведении было много. Тем более что часть зевак уже вернулась с площади и продолжала обсуждение катаклизма за рюмкой чая. На барабанные перепонки давили приклатненные куплеты про Зою, которая неизвестно почему кому-то давала стоя. Возле пустой эстрады под эти звуки, лившиеся из музыкального центра, дергалось человек пятнадцать, в основном это были девушки. Они

взяли в кольцо небритого знойного самца, похожего на латиноамериканского мачо а-ля Бандерас, но местного производства. Туземные барышни млели и таяли от его выразительных взглядов...

Расположившись за свободным столиком и ознакомившись с меню — его наличие подтверждало принадлежность заведения к ресторанному бизнесу, — сыщики заказали подошедшему официанту джин, два коньяка, много котлет по-киевски, три салата «Сердце Европы» и три порции семги «Дитя Севера».

Чтобы не терять времени зря в ожидании заказа, Крюков с интересом прислушался к разговорам выпивох за соседними столиками.

— Слыхали, что в «Башне смерти» сотворили? — захлебываясь от восторга, докладывал сотрапезникам лохматый абориген в потертой ветровке. — Там расуловцы с москвичами стрелку забили! Всех замочили, гостиницу взорвали!

— Кто замочил? Расуловны или москвичи?

— Кто? Борман, конечно! Наркота же мимо его носа шла, ему ни хрена не обламывалось. Какой дурак будет это терпеть?

Официант довольно скоро принес заказ. Птенчик срочно принялся подпитывать белком у прямые разгибатели на своих предплечьях. Шурик отнесся к местной кухне без всякого энтузиазма и некоторое время вяло ковырял вилок в самом «Сердце Европы», одновременно высматривая в зале, кому бы продемонстрировать свою крутость.

Крюков отпил из большого подогретого фужера гибридного армяно-французского коньяка. К его удивлению, тот оказался действительно неплохим. И лососина, вопреки опасениям, так же была достаточно качественной, во всяком случае, малосоленной, как и было обещано в меню. Продолжая свои изыскания, он понюхал котлету и сморщился.

— Что это? — спросил он пробежавшего мимо официанта и потыкал для наглядности вилок в коричневые слепки на своей тарелке.

— Как что? — ответил тот, всем своим видом показывая, что привык иметь дело с незрячими клиентами. — Котлеты по-киевски, как заказывали!

— А почему они гарью пахнут? Или вы с ними вместе ходили пожар смотреть? — ехидно поинтересовался Крюков.

Официант обиженно засопел, но профессиональный опыт, приобретенный им во время общения с занудами от кулинарии, помог ему выйти из положения.

— Раз котлета по-киевски, она должна быть с дымком, — пояснил он тоном лектора. — Город Киев, как вы знаете, горел неоднократно: при святом равноапостольном князе Владимире, при Юрии Долгоруком, при монголах, поляках и немцах. Так что ваши котлеты пахнут дымком в память, так сказать, этих знаменательных событий.

— Тянет дымком? — Крюков возвысил голос и с презрением посмотрел на полового. — Да от них несет гарью, как от пепелища!

Но официант уже овладел инициативой.

— А это вообще не от котлет! Это дым с пожара, в форточку надуло. Пойду закрою. — И он с достоинством удалился.

Птенчик с удивлением смотрел на своего обычно неприветливого в еде и

питье начальника.

— Командир, если ты не хочешь, я могу их съесть, — решил он пожертвовать собой.

— Спасибо, ты настоящий друг, — расчувствовался Крюков; он решительно вонзил в одну из котлет вилку и едва не обжегся брызнувшим из нее соком. — Но я уж как-нибудь сам справлюсь. Давайте-ка Игната помянем. Что же с ним могло случиться?

Друзья подняли стаканы и выпили, не чокаясь...

В ресторан с шумом ввалилась новая компания. Возглавляла ее юная брюнетка с удивительного оттенка зелеными глазами. Крюков надолго задержал на ней испытующий взгляд.

— Понравилась девчушка? — поинтересовался, заметив это, Шурик.

— Ага, — кивнул Крюков. — Я бы ее удочерил. При условии, что она хорошо учится.

— А мне она не нравится, — вставил Птенчик, принимаясь за следующую котлету. — Злая, сучка.

Действительно, презрительно-высокомерный изгиб ее бровей и прямая тонкая линия губ портили все впечатление. Капризную красотку опекал крепко сбитый парень, ненамного уступавший в росте Птенчику, к которому в компании относились как к главному и величали Лосем.

Пришедшие расселись в дальнем углу. Они вели себя как хозяева здешних мест. С их появлением шум в зале притих.

Вскоре зеленоглазая красавица покинула компанию и присоединилась к танцующим. При этом Крюкову показалось, что девицы у эстрады не сами расступились, давая ей место, а были отодвинуты в сторону ее невидимым силовым полем. Мачо тут же переключил свое внимание на нее. В ритме танца он приблизился к девушке, потерся бедром о бедро и сказал ей на ухо что-то игривое.

Шутка, видимо, получилась не совсем удачной. Красотка выхватила откуда-то, то ли из бюстгальтера, то ли из-за уха, тонкий стилет и неуловимо быстрым движением всадила его в ляжку обидчика.

Визг лжебандераса перекрыл мегаватты музыкальных аккордов. Из группы, гулявшей в углу, к нему подскочили двое крепких парней и уволокли его вон из зала. Тем временем Лось подошел к девушке: после долгих уговоров ему удалось, не без применения силы, вывести ее наружу.

Крюков и компания с интересом наблюдали за этим представлением.

— Запомни, Грека, — назидательно произнес Птенчик, подбирая в тарелке хлебом сок четвертой котлеты, — никогда не шути с наркоманками!

Трое друзей покончили с сдой почти одновременно. Крюков жестом подзывал официанта.

— Подсчитайте наши убытки, — сказал капитан, и пока тот производил арифметические вычисления, попробовал вызвать полового на откровенность. — У вас здесь что, принято пырять друг друга острыми предметами? Нечто вроде народной игры?

— Вы про это? — кивнул официант в сторону выхода. — Так это же Динка. Ее Дикой собакой Динго зовут. Она дочка Бормана. Что хочет, то и делает. Одного такого придурка вообще напрочь зарезала. И ничего, даже дело не возбу-

дили. Типа — сам упал на ножик с вилкой.

Крюков сыто поцыкал зубами и поинтересовался:

— А что за братва с ней была? Папашина гвардия?

— Они, — подтвердил официант, протягивая счет. — Лось у них за главного. Вроде бригадира. Бригада, мать ее, ударного труда! А вы откуда такие любопытные будете? У нас любопытных не любят.

— Мы, батя, не любопытные, мы любознательные, это совсем другое дело, — разъяснил Крюков. — А вообще сами мы нездешние. Отстали от поезда.

Он протянул официанту сотню долларов.

— Сдачи не надо.

Официант принял деньги и со скоростью калькулятора подсчитал размер чаевых — получилось что-то около двадцати долларов. Он с достоинством наклонился к сыщику и тихо, но отчетливо проговорил:

— Тогда на сдачу примите совет. Двигайте-ка вы, ребята, отсюда по-быстрому, пока не влипли по незнанке во что не надо. У нас и любознательных тоже не жалуют.

— А что, уже пора беспокоиться? — с неподдельным интересом спросил Крюков.

— Вот именно, — подтвердил официант. — К вам тут тоже внимательно присматриваются из того угла.

Крюков догадался, что речь идет о ребятишках Бормана. Те и в самом деле проявляли нетерпение по поводу подозрительной троицы.

— Ладно, мы тебя поняли. Спасибо за дельный совет.

Крюков откинулся на стуле и дал команду:

— Маэстро Папастраки, ваш инструмент!

Шурик с каменным лицом откинул полу куртки, под которой у него на плече висел помповый карабин, отцепил его и с грохотом уложил перед собой на стол. Зал замер. Даже музыкальный центр поперхнулся и замолчал. Корчившие угрожающие гримасы братки как-то сразу сникли.

— Зарядите картечью, мой друг, если вам не трудно, — попросил Крюков.

Шурик демонстративно загнал в магазин три картечных патрона.

— Готово, сэр! Прикажете стрелять?

Крюков привстал и с интересом посмотрел по сторонам, как бы выбирая цель. На бормановой братве его взгляд задержался особенно долго. Те, в отсутствие начальника и захваченные врасплох, затаили дыхание.

— Нет, — прервал, наконец, паузу капитан. — Пока стрелять не надо. Может быть, позже...

Под гробовое молчание зала тройка сыщиков покинула ресторан.

До самой Москвы Крюков ломал голову — кто или что заставило Игната совершить прыжок с десятого этажа, если пожар был на тринадцатом и выше?

Спустя месяц после исторической встречи в «Голубой мечте» Задославский снова затащил Сароева в ночной клуб, усадил в угол за столик и открыл бутылку самого дорогого шампанского.

— Что за приступ щедрости? — изумился продюсер. — Ты случайно головкой не ударился? О писсуар, когда стряхивал.

— Имеется причина для неумного торжества, — заверил его режиссер. — Твоя путанка — просто клад!

Сароев удивленно скривился.

— Так ее бы и поил. Вообще-то, она не моя. А ты что, хочешь сказать, что она тебя обратно с мужиков на баб переклинила?

Режиссер отпил залпом полфужера шампанского, поперхнулся и замахал руками.

— Ты не остри, а слушай. У меня все готово. Я с ее подачи место для нашей программы нашел — конфета! Та самая «Башня смерти», о которой ты говорил. Это похлеще любого замка с привидениями. Народ там мрет, как негры при капитализме. Пачками. Представляешь, во время открытия ночного клуба в бассейн упал штатив с осветительными приборами. Все, кто в этот момент были в воде, семнадцать человек, мгновенно погибли. Спустя месяц в кухне ресторана произошла утечка газа. В результате взрыва погибло девять человек персонала и пятеро гостей. Три раза в самом ресторане проходили бандитские разборки. Братва лупила из автоматов, а один раз даже гранату кто-то кинул! Рядом с гостиницей все время находят трупы со следами насильственной смерти. А последний пожар чего стоит!.. Про него даже центральное телевидение репортаж показывало. Три верхних этажа начисто выгорели, восемь обугленных трупов, пятеро разбились, выпрыгнув из окон. Хозяину позарез нужна реклама, иначе гостиницу придется продавать. Он согласен на минимальную оплату.

Сароев довольно усмехнулся:

— Да, судя по всему, недурная получается баночка из стекла и бетона, как раз для наших пауков. А что с пауками?

— И с ними все о'кей. Твоя путанка... Я хотел сказать — землячка — меня с такими персонажами познакомила! Отношения — античная трагедия. Если они не перережут друг другу глотку через неделю, я согласен сделать это сам. А сейчас извини...

Сароев проследил за взглядом Задославского и сразу обнаружил объект его вожделений. От входа к бару, прихрамывая, двигался эдакий мачо. Режиссер вдруг затрясся мелкой дрожью, подобрался, как кот на охоте, и умчался, оставив на столе недопитой бутылку пятисотдолларового шампанского.

Продюсер усмехнулся и достал мобильный. Набрал номер.

— Алло. Это я. У меня полный порядок. Этот мудака заглотнул крючок. Да, можно работать...

За срыв операции и гибель агента плюс старые грехи Крюкова все-таки отстранили от оперативной работы. В Тынду, правда, не отправили, но в компании других страдальцев, выведенных за штат главным образом по причине пьянства, назначили патрулировать улицы столицы. Крюков облюбовал в качестве штаб-квартиры недавно открывшийся торговый комплекс «Рамстор». Здесь были четыре кинозала и масса забегаловок. В одной из них, небольшом кафетерии, он принимал друзей и знакомых, иногда водил их в «Макдональдс», в кебабную или пиццерию. Он стал хорошо питаться и следил за новинками кинематографа. Загадка смерти Игната продолжала беспокоить Крюкова, но, скорее всего, он так и не занялся бы ею, если бы не звонок из Приокска.

Однажды Крюков, как обычно в начале рабочего дня,пил свой утренний

капучино в ожидании киносеанса. Он собирался в третий раз посмотреть второй эпизод «Звездных войн». От важного процесса его оторвал звонок мобильного телефона. В трубке он услышал голос незнакомой женщины.

— Я Ольга, сестра Игната, — представилась она. — Брат говорил, что я могу к вам обратиться в случае необходимости. Если сможете, приезжайте в Приокск, это очень важно...

Глава вторая Вызов

Крюков не раздумывал ни секунды. Отказавшись от просмотра фильма, он направился в свое Управление. Там он потребовал немедленно предоставить ему отпуск за позапрошлый год. Поскольку отпускной сезон еще не начался и желающих загорать при пяти градусах тепла не было, руководство охотно решило его вопрос положительно.

На следующее утро Крюков уже гнал «рябуху» в южном направлении. Все было как в прошлый раз с той лишь разницей, что теперь он был один. Впрочем, он ни на секунду не сомневался, что если позовет, друзья тут же примчатся на помощь и выручат из беды. Если успеют, конечно.

По дороге он позвонил Ольге по оставленному ею номеру телефона и договорился, что будет ждать ее в ресторане «Парус». Других объектов, подходящих для встречи, он в Приокске не знал.

На этот раз он доехал без приключений. То ли мордастый гаишник проглядел его «рябуху», то ли в этот день вообще дежурил другой, но на сей раз по дороге в Крюкова никто не стрелял...

Здание гостиницы закопченными верхними этажами напоминало московский Белый дом после подавления хасбулатовского мятежа. Крюков посмотрел на часы и понял, что приехал рано. Он поставил «рябуху» возле «Паруса» и отправился побродить по окрестностям гостиницы. Ведь где-то же Игнат должен был оставить машину?

Навстречу ему из-за угла невзрачного складского помещения вышел потрепанный жизнью мужик. Под мышками он нес два «жигулевских» колеса. Резина на них была новая, с надписью латиницей «Барум». Игнат недавно хватался, что поставил на задние колеса именно такую. Внутри у Крюкова шевельнулось недоброе предчувствие. Он завернул за угол и сразу увидел «копейку» Игната. Вернее то, что от нее осталось. Вместо задних колес машину поддерживали кирпичные столбики. Лысый крепыш поддомкратил передок машины и собирался проделать ту же процедуру с оставшимися передними колесами. Тощий тип в пузырящихся на коленях джинсах с помощью двух вантузов удалял лобовое стекло.

— Бог помощь, работяги! — поприветствовал Крюков честных тружеников.

— А шел бы ты... дальше, — грубо посоветовал сыщику тощий.

Он поднапрягся и выдрал стекло из паза. Послышался хруст: стекло пошло трещинами. Тощий расстроился.

— Ну вот, козлина, из-за тебя вещь испортил! Слышь. Жора! Этот урод нам стекло загубил!

Лысый бросил возиться с колесом и подхватил с земли монтировку.

— Раз такое дело, придется с него неустойку слупить. Эй, мужик, ты знаешь, почему сейчас лобовые стекла? Короче, гони полштуки рваных и свободен. Только не говори, что бабок нет.

— Ага, с понтом — кошелек на камине оставил! — осклабился тощий и выхватил из заднего кармана грязных джинсов нож-бабочку.

Крюков, не торопясь, подошел к ним, сверкая лучезарной улыбкой, и сде-

лал заявление: Слушайте внимательно, шакалы. Повторять не буду. Если через секунду вы не сдристанете отсюда, как мыши в воду, птицы в землю и рыбы к... такой-то матери, я из вас понаделаю веселых клоунов. У которых колени в другую сторону сгибаются. Время пошло!

Капитан придерживался мнения, что добиться взаимопонимания с этим народом можно только говоря с ним на понятном ему языке. Сию простую истину он сформулировал для себя и своих сотрудников почти что в духе апостола Павла: «Будь эллин с эллином, а с гоблином — гоблин». Эта концепция без всяких сбоев давала неизменно превосходный результат...

Мародеры оказались не робкого десятка. И в определенных навыках им трудно было отказать. Видя, что Крюков мужик крепкий и чтобы не мешать друг другу, они попытались грамотно «растащить» жертву, для чего стали заходить с разных сторон.

Неожиданно лысый крепыш сделал выпад своей палицей. Если бы это была шпага, Крюков несомненно пал бы наземь пронзенный насквозь. Но поскольку нападавший орудовал ломиком в полпуда весом, — разящий удар запоздал. Впрочем, расчет его был в другом. Таким маневром он собирался загнать жертву под нож напарника.

Вопреки тактическим замыслам самодеятельных автомехаников, Крюков не захотел играть роль мамонта с картины Васнецова «Охота в каменном веке». Он сделал вид, что испугался и повернулся спиной к нападавшему. Лом просвистел в сантиметре от плеча сыщика, а лысый получил пяткой в пах. Такой удар способен совершенно огорчить человека, сделав его аполитичным и индифферентным ко всему, что не входит в понятие «низ живота».

— Можно у вас попросить инструмент? С возвратом... — вежливо поинтересовался Крюков и легко вырвал из онемевших пальцев лысого монтировку.

Он проделал это в тот момент, когда тощий уже занес свой клинок для решающего удара. Крюков не собирался фехтовать с ним и устраивать гладиаторский бой «нож против лома». Он просто уронил свое оружие на ногу противнику.

— Блин! — закричал тощий несвойственным ему в обычной жизни тонким голоском.

Он был просто возмущен коварством и неспортивным поведением противника! Как часто человек, в надежде на лучшее, идет навстречу другому такому же человеку, открывается ему, а в ответ получает одни затрещины и пинки! То же случилось и с тощим. От неожиданной боли в ноге он шагнул вперед и открылся. Удар в печень вообще вызывает парализующую боль, а в опухшую печень алкоголика тем паче...

Крюков усадил вконец обескураженных противников к забору и полез в салон машины. Бардачок был вывернут. На полу, возле рычага переключения скоростей, валялась тряпка, пропитанная оружейным маслом. Крюков поднял ее. Под тряпкой лежало несколько фотографий, сделанных «Поляроидом». Сам фотоаппарат, видимо, кто-то уже успел приватизировать.

Крюков бегло просмотрел фотографии. На них были изображены люди, входившие в гостиницу. Знакомых лиц на снимках сыщик не обнаружил и решил отложить более детальное изучение на будущее.

Снаружи послышалось надсадное кряхтение. Поединчики понемногу приходили в себя. Крюков убрал фотографии в карман и подошел к ним.

— Зачем же так жестоко, мужик? — лысый попытался взять его на жалость. — Ну, разули маленько твою тачку, но калечить-то зачем?

Голос человеколюбца звучал так проникновенно и убедительно, словно это не он только что пытался проломить ближнему одну из черепных костей.

— Где ты мужика увидел, плесень? — поинтересовался Крюков. — Мужики на промке план дают. Тачка эта не моя, а моего братана. Он при пожаре в гостинице погиб. А вы, гады, тут крысятничаете! Придется вас дальше ломать.

Вот теперь мародеры поняли, что стоявший перед ними человек не прост, провести его не получится, и круто пошли на попятную.

— Извиняй, братан! — наперебой затараторили оба. — По незнанке косяк упорол! В непонятке были! Скажи, что сделать, мы все вернем!

Крюков помедлил, изображая раздумье, потом сменил гнев на милость.

— Ладно, живите пока. Возвращать ничего не надо. Некому. Если понадобится, где вас найти?

— Ты «Парус» знаешь? — спросил тощий.

Крюков утвердительно кивнул. Все его познания о топографии города Приокска пока не выходили за рамки этого заведения.

— Так вот, — перебил его лысый, — меня там каждая собака знает. Спросишь Миню, это я.

— Или Гриню, это я буду, — поддержал приятеля тощий. — А как твоего братана звали? Раз такое дело, его ведь помянуть полагается.

Крюков протянул вымогателю мелкую купюру и посмотрел на часы. Пора было двигаться на встречу с сестрой Игната...

Несмотря на рабочее время, ресторан ломился от публики. Бармен сразу узнал в Крюкове недавнего посетителя, но радостного энтузиазма почему-то не продемонстрировал. Даже несколько скис лицом, отвернулся к выставке бутылок и принялся изучать этикетки, словно видел их в первый раз.

Во время телефонного разговора Ольга объяснила Крюкову, как ее узнать: высокая, рыжеватая, в джинсовом костюме и зеленой кожаной куртке. Крюков внимательно оглядел присутствующих. Сестры Игната среди них не было. Зато возле стойки опять крутилась длинноногая зеленоглазая брюнетка. Дикая собака Динго, дочка главного местного мафиозо Бормана.

Крюков сел в углу за столик у окна и принялся рассматривать фотографии, сделанные Игнатом. На одной из них были изображены парни в темных костюмах, с типично кавказскими физиономиями. Скорее всего, это были люди бывшего героя-председателя Расула Мартанова, который окопался в соседней области за рекой. Судя по всему, они привезли товар — Крюков отчетливо различил на фото огромную спортивную сумку, которую с трудом тащил парень богатырского телосложения.

«Килограммчиков на двадцать-двадцать пять потянет, — прикинул в уме оперативник. — В оптовых ценах, берем в среднем по десять баксов за грамм, это будет в пределах четверти миллиона долларов. А вот и бабки».

На другой фотографии светловолосый тип тащил довольно объемистый кейс, больше похожий на чемодан.

Крюков напряг память. Тогда, во время пожара, ему показалось странным, что вокруг гостиницы в большом количестве крутится братва. Словно кого-то выслеживают. Значит, товар или деньги, а может быть и то, и другое, так и

остались в здании и сгорели? Или не сгорели?

На заднем плане одного из снимков Крюков рассмотрел случайно попавшую в кадр женскую фигурку в темном комбинезоне. В руках женщина держала предмет, похожий на канистру. Канистру с бензином? Не факт. При этом она как будто пряталась за кустами от приехавших наркоторговцев. Лица было не разобрать: объектив «Поляроида» — это тебе не длиннофокусный прибор с увеличением телескопа.

Несмотря на обрывочность сведений, Крюков сумел составить общую картину происшествия. Люди Расула прибыли на встречу с москвичами, где должны были передать большую партию наркотиков, скорее всего героина. Товар и деньги могли составить в сумме до полумиллиона долларов. На такой кусок позариться любой. Тем более что сделка проходила под носом у местного авторитета Бормана, но он к ней не имел отношения. Мог он организовать налет? Спокойно. Мог это сделать кто-то из самих участников сделки и подставить Бормана? Запросто. Наверняка Расул сам хочет продавать свой товар, а не сдавать перекупщику. А тот, в свою очередь, мечтает выйти непосредственно на поставщика. При этом не исключено, что товар и деньги все еще находятся в полуобгоревшей «Башне смерти».

Крюков еще раз посмотрел на лежавшие перед ним фотографии. Скорее всего, никого из этих людей уже нет в живых. Они погибли при налете на гостиницу. Разве что женщина или девушка, которая пряталась за кустами с канистрой в руках, могла уцелеть.

Оставалось выяснить, какое отношение к налету и пожару имел Игнат. И здесь Крюков рассчитывал услышать что-нибудь полезное от Ольги. Но ее все не было...

У здания городской администрации Приокска выстроилось с полдюжины дорогих иностранных машин. Среди них выделялся «Мерседес-Брабус» Бормана, украшенный позолоченными накладками по черному лакированному корпусу. Рядом припарковалась более скромная восьмицилиндровая «Ауди» темно-синего цвета с номерами Госдумы. Расул Мартанов по старой привычке колхозного председателя прикатил на простеньком аналоге уазика — джипе «Шевроле-Блейзер».

Криминальные короли могли чувствовать себя в относительной безопасности только здесь, в кабинете главы администрации. Сам районный голова учуял запах паленого и уехал от греха подальше на охоту в Приокский заповедник.

В кресле хозяина кабинета расположился депутат Государственной думы Всеволод Адольфович Карпушкин. Хотя он давно перебрался в столицу, связей с родным городом не прерывал и вел здесь бурную коммерческую деятельность. За которую в прошлом отсидел несколько лет в тюрьме. Торговля наркотиками входила в сферу этой деятельности как важная составная часть. Депутат хмурился и готов был метать громы и молнии.

Вдоль длинного стола нервно прохаживался Петр Николаевич Бурмин, для друзей просто Борман. Он часто поглядывал в окно на почерневшие верхние этажи «Башни смерти».

В одном из кресел сидел седой благообразный Расул Мартанов. Отличный серовато-голубой костюм от Кардена, сидевший на нем как влитой, странно

контрастировал с его высокой папахой: казалось, она составляет одно целое с головой хозяина. Его исполненная достоинства, спокойная манера поведения восточного мудреца выгодно отличала Мартанова от нервных и суевливых собеседников.

— Зачем шуметь? Зачем нервничать? — негромко, как бы сам с собой, говорил Расул. — С кем не бывает — кошелек украли? Мне товар не жалко, еще привезу. Хочу собаку найти, который на Большого Расула свою грязную руку поднял. Найду — маме спасибо не скажет, зачем на свет родила.

— Тебе хорошо говорить, — заметил депутат, — у меня выборы, каждая копейка на счету, а тут двести с лишним штук как корова языком слизала! А какие люди погибли!

Расул недовольно поморщился:

— У меня племянник погиб, Аслан. Сын родной сестры! Но я молчу, истерики не устраиваю. У тебя — одни шестерки. Зачем плачешь? Ты же мужчина. Мстить надо? Кто говорит, что нет? Но месть — такое блюдо, его холодным кушать надо. Я не прав? — он перевел взгляд с депутата на Бормана.

Тот подскочил на месте и воскликнул, жестом отводя от себя подозрения:

— Ты прав, вы оба правы! Но не надо при этом смотреть на меня! Я слово дал — мои люди тут не при чем. Все, что я хотел — это иметь долю с вашей торговли, потому что товар идет через мою территорию. Но беспредельничать? Убивать и крысить? Никогда! Здоровьем дочери клянусь!

— Хорошо-хорошо, я тебе верю, — благожелательно улыбнулся Большой Расул. — Мы оба тебе верим. Правда, Сева? Здоровье дочери — хорошо. Если обманул, ответишь. Не обманул — пусть живет.

— Что?! — Борман едва не бросился на Расула. — Ты меня путать вздумал, чурек кавказский? — в этот момент он пожалел, что не к месту вспомнил о дочери, но было уже поздно.

Расул скрипнул зубами и побледнел. Его было трудно вывести из равновесия, но Борману это удалось — он ударил по обостренному чувству собственного достоинства кавказца, в чьих жилах текла гремучая смесь: Мартанов был сыном чеченца и кореянки, родился в ссылке, в степях Казахстана, прожил долгую, полную опасностей жизнь. А те, кто осмеливались разговаривать с ним таким тоном, неизменно оказывались в земле, изрядно помучившись перед смертью.

Впрочем, если бы взглядом можно было убить, то в этот момент депутат Карпушкин ломал бы голову над тем, куда девать два свежих трупа. Поэтому он поспешил выступить в роли третейского судьи.

— Хватит ругаться! Мы можем обвинять друг друга в чем угодно. Расулу давно хочется самому заняться распространением героина в Москве, тебе, Борман, тоже хотелось бы меня подвинуть с моего бизнеса.

— А ты сам разве не мечтаешь от меня избавиться? — зашипел Расул, сохраняя при этом ласковую улыбку на лице. — Думаешь, я не знаю, что ты с таджиками стовариваешься? Хочешь весь трафик под себя подмять! Все вы, собаки, на меня зубы точите!

Борман покраснел и заорал еще громче:

— А ты, козел горный, зубы не точишь? На своем берегу все заглотнул, теперь к нам лезешь? Рынок открыл, водку свою паленую на каждом углу толкаешь. Не по себе кусок отмерил! Подавишься!

Расул прищурился и тихо, но внятно произнес:

— Смотри. Борман, если узнаю, что мой товар у тебя, на мелкую стружку тебя настругаю. А дочку твою моим шестеркам трахать отдам.

И он, прежде чем Борман сумел подобрать достойный ответ, поднялся и вышел из кабинета. Спустя минуту с улицы донесся шум отъехавшей машины.

Депутат скорее с интересом, чем с неудовольствием, посмотрел на разбушевавшегося Бормана и решил сменить тему.

— Ты, говорят, в шоу-бизнес ударился? Гостиницу телевизионщикам сдал? Борман устало опустил в кресло.

— Да, пока ремонт идет, хоть какие-то бабки хочу срубить. И реклама не повредит. А то достали уже названием этим дурацким, «Башня смерти»! Только клиентов отпугивают!

Депутат в задумчивости почесал кончик носа.

— А хочешь, я у тебя ее куплю? Или в аренду возьму?

— Кого? — не сразу понял Борман. — Гостиницу?

— Именно.

— Не хочу! — Борман сделал умное лицо. — Я ведь знаю, куда ты клонишь. Думаешь, что наркота и бабки все еще там, в здании. По проверенным сведениям, ни денег, ни наркотиков оттуда не выносили. Мои ребята четко пасли все входы и выходы. И сейчас пасут. Так что не волнуйся, как только телевизионщики уберутся, я там каждую стенку простучу. Вдруг мне больше повезет, чем вам с Расулом? Вдруг я что-нибудь найду?

— Но ведь это не твое, — жестко напомнил Карпушкин. — Знаешь, что делают на зоне с теми, кто берез чужое?

— Откуда мне знать? — Борман демонстративно сплюнул прямо на ковер. — Я же не народный избранник, мне судимость иметь не обязательно.

Депутат вспыхнул, как порох, вскочил с места и, в запальчивости размахивая руками, закричал:

— Мою судимость давно сняли! Я такой же законопослушный гражданин, как и ты. Нет, ты зря мне об этом напомнил. И здоровьем дочери зря поклялся. Потому что не верю я тебе! Мусор — он и в Африке мусор. А продажный — мусор вдвойне.

Борман ничего не ответил, но про себя решил, что перемирие закончилось и пора готовиться к новой войне, причем на два фронта. И дочку следует побереечь. Пришло время снимать скальпы!

Бывшие партнеры расстались не прощаясь и не глядя друг на друга: саммит криминальных авторитетов закончился полным провалом...

Выйдя на улицу, Борман направился было к своей машине, как вдруг рядом с ним затормозила черная «Волга» главного приокского милиционера, полковника Сидорова. Когда-то он служил под началом Бурмина, они и теперь продолжали оставаться друзьями. В предстоящей войне Борман рассчитывал на Сидорова, потому что тот на дух не переносил его противников: ни бывшего уголовника Карпушкина, внезапно вознесшегося на недосягаемую для милиции высоту, ни Расула с его абреками.

Они поздоровались, и Сидоров пригласил приятеля в машину. Устроившись на заднем сиденье, Борман вкратце изложил полковнику суть произошедших в городе изменений в расстановке сил и высказал свои соображения по этому поводу. Тот наморщил лоб и как будто даже обрадовался предстояще-

му конфликту.

— Все к лучшему, Николаич, что Бог ни делает. Давно пора показать, кто в Приокске хозяин. Кавказцев я не то что за реку, обратно в горы бы загнал вместе с их рынком, пусть у себя воруют. И московского урку пора отучить к нам нос совать. Ишь, неприкосновенность у него! Пуля не разбирает, кто депутат, а кто электорат. Для нее все мы — простые смертные. А за дочку не переживай. Кстати, где она сейчас?

— После пожара она в «Парусе» тусуется, — ответил Борман. — Я туда с ней троих крутых ребят отправил, пока Лось в отъезде. Но все равно волнуюсь.

Полковник похлопал его по плечу.

— Не суетись, я туда сейчас наряд подошлю. Последят...

Крюков сидел в прокуренном зале ресторана «Парус» и решал свои запуганные кроссворды. Ситуация была подобна уравнению со многими неизвестными, в этом тумане без руля и без ветрил можно было блуждать бесконечно долго. Возможно, Ольга имела ключ к разгадке, но она все еще не появилась.

— Эй, ты, комик, угости даму коньяком! — прозвучал совсем рядом голос Дины.

Капитан, погруженный в свои мысли, вздрогнул от неожиданности и огляделся по сторонам. Поскольку он сидел в одиночестве, то предложение Дины могло относиться только к нему.

— Какую даму? — спросил Крюков. — Тебя, что ли? Сначала дневник покажи. Вдруг ты сегодня по арифметике двойку получила?

— Не хами, — предупредила красотка. — А то...

— Папе скажешь? — догадался Крюков.

— Зачем? С нахалами я и сама разберусь!

Крюков едва успел отклониться, когда возле самого его носа воздух со свистом рассек острый кончик стилета. Капитан перехватил руку молодой фурии в запястье и крепко сжал пальцы. Стиллет упал под стол. Незадачливая амазонка вскрикнула от боли. Крюков толчком усадил ее на стул.

— Посиди, расслабься. Здесь и без сопливых скользко.

На помощь дочке босса уже спешили трое охранников. Они запомнили дерзкого чужака еще с прошлого раза и теперь решили, что пришло самое время слегка проучить наивного выскочку.

Первый с разбегу взвился в воздух с сокрушительным ударом «йоко тоби кири». А какой боевой крик он при этом издал! Крюков почувствовал, что кровь леденеет у него в жилах. Он нырнул под пролетавшую мимо ногу и нанес апперкот прямо в промежность прыгуна. Да, говорят, Икар тоже высоко взлетел и тоже упал... Но он не получал по яйцам! Поэтому несчастный охранник мог сейчас ему только позавидовать.

Второй боец оказался умнее. Он остановился на безопасной дистанции и принял оборонительную стойку. Тут прыгнул Крюков. Но не на него, а на третьего охранника, которой совершенно не ожидал нападения, справедливо полагая, что Крюков сначала должен расправиться с ближайшим к нему противником.

Капитан вырубил парня серией ударов в голову. При падении тот ухватился за спинку массивного стула — то ли собирался защититься им от врага, то ли с его помощью удержаться от падения. У него не получилось ни то, ни дру-

гое. Он рухнул на пол, а стул вырвался из его рук, описал в воздухе замысловатую траекторию и обрушился прямо на витрину бара. Бутылки разлетелись в разные стороны, словно кегли. Бармен заскулил, как пришибленный пес. Не зря с такой тоской взирал он еще недавно на свою замечательную витрину.

Оставшийся на ногах боец нерешительно переминался на безопасном расстоянии от противника. Подумав немного, он счел обстоятельства достаточно серьезными для изменения тактики нападения и сунул руку под куртку.

Крюков не стал гадать, что тот достанет — пистолет или букетик скромных фиалок? Он подхватил со стола тяжелую общепитовскую тарелку и резко метнул ее в противника. Видимо, летающих тарелок охранник всерьез не воспринимал, во всяком случае, до тех пор, пока одна из них не состыковалась с его лбом. Бедняга замер мраморной статуей. За это время Крюков успел добраться до него и даже попользоваться им в качестве боксерского мешка. Он мог бы бить его гораздо дольше, если бы догадался подвесить за воротник куртки. А так — три удара, и охранник распластался на полу, словно выбитый коврик для ног.

Крюков окинул взглядом помещение — не будет ли продолжения? Оно состоялось, но в иной форме. В зал, грохоча сапогами, ворвались мужественные сотрудники правоохранительных органов.

— Всем лежать, падлы! — громко закричал их предводитель, старший сержант деревенского вида.

Крюков ожидал, что правоприменители начнут с него и для начала слегка отметелят дубинками, но ошибся. Стражи порядка по-русски щедро и от души навалили всем, до кого смогли дотянуться. Больше всего досталось и без того травмированным охранникам бормановой дочки. Не успев толком прийти в себя, они машинально делали лишние движения, реагируя именно на движущуюся цель.

Крюков это хорошо знал, поэтому опустился на стул и замер, благодаря чему над ним, в отличие от других участников действия, не глумились и не оскорбляли демократизатором. По команде «всем выстроиться у стены» Крюков послушно встал враскорячку, предоставив милиционерам документы (свое милицейское удостоверение он еще раньше предусмотрительно спрятал под стелькой ботинка).

Пренебрежительно взглянув на его липовый аусвайс, сержант поковырял в носу и поинтересовался, что Крюков забыл в их городе.

— Я путешественник, — объяснил Крюков, — заехал в ваши края, чтобы повидать старого друга. Мы с ним вместе в армии служили.

— А как зовут друга? Может, я его знаю? — ехидно поинтересовался сержант.

— Вася Чапаев, — нагло соврал Крюков и посмотрел прямо в глаза растерявшемуся сержанту. — Ну как, знаешь такого или нет?

Сержант с сомнением оглядел Крюкова. В принципе, если у участкового Чапаева и мог где-то быть приятель, то он должен был бы выглядеть именно так: нахальный, небритый и водкой пахнет. Тем не менее на всякий случай сержант распорядился доставить его в отделение вместе с другими задержанными.

Вообще-то начальник горотдела милиции полковник Сидоров поручил ему не совсем то, точнее, совсем не это. Сержанту и его подчиненным следовало

нести службу по охране порядка непосредственно в ресторане и следить, чтобы с дочкой Бормана ничего не случилось. А при необходимости проанализировать обстановку и действовать по обстоятельствам. Но сержант здраво рассудил, что в отделении милиции ей будет гораздо спокойнее. К тому же он не умел ни анализировать, ни действовать по обстоятельствам. Поэтому всех задержанных, включая Дину и бармена, без лишних слов доставили в участок...

После разбирательства в милиции всех выпустили. Кроме Крюкова, разумеется. Ему и так сегодня слишком везло. Участковый Чапаев находился в краткосрочном отпуске, то есть в запое. Подтвердить или опровергнуть слова Крюкова было некому, и его оставили на денек пересидеть в камере. Тем более что в ресторане он все-таки набезобразничал.

Вечером дверь в камеру отворилась и одиночество Крюкова было нарушено появлением двоих его старых знакомых — лысого Мини и тощего Грини.

— Вот это встреча! Какие люди! — радостно закричали они в один голос, но на их лица были приклеены такие фальшивые улыбки, что Крюков сразу почувствовал подвох.

— Чего лыбетесь? — поинтересовался он неприязненно. — Утром мало показалось, решили за добавкой зайти?

— Ты че, в натуре! — всплеснул руками Миня. — Мы же тебе конкретно обрадовались! Не чужие все-таки.

— А братана твоего мы помянули, — заверил Крюкова тощий Гриня. — Одно колесо загнали, и сразу помянули. А на другом повязали нас. Такая вот непруха вышла. У тебя закурить не будет?

— Не курю, — отрезал Крюков и уселся в дальнем углу камеры на возвышении, именуемом «спальным местом»: так, сидя, он и задремал...

Крюков проснулся внезапно, словно от какого-то внутреннего толчка, и обнаружил, что за зарешеченным окном совсем стемнело. В камере свет почему-то тоже не горел.

— Перегорела лампочка, — пояснил Миня. — А менять, волки, не хотят. До утра, говорят, потерпите.

Коллеги улеглись в противоположном углу и принялись о чем-то перешептываться. Крюков снова услышал внутренний сигнал тревоги. Опыт общения с отбросами общества подсказывал ему, что ситуация далеко не столь безоблачна, как кажется.

Капитан сделал вид, что задремал, и вскоре почувствовал приближение бомжей — по усилению аромата, который они источали. Он приоткрыл глаза, но не двинулся с места. В разбитое окно сквозь решетку заглядывала ущербная луна, ее света было вполне достаточно, чтобы разглядеть обоих бродяг. Тощий Гриня помахивал ножом-бабочкой: было заметно, что это вошло у него в привычку. В руках лысого Мини змеилась проволочная петля.

Когда убийцы подобрались на расстояние броска, они с утробным рыком одновременно кинулись на опера. Крюков кувырком ушел от нападения, выпрямился и, повернувшись, перехватил руку Грини, сжимавшую нож. От неожиданности убийцы растерялись и не сразу пришли в себя. Крюков прихватил Миню за шиворот свободной рукой и надел животом прямо на острие Грининового ножа. Убедившись, что поддела сделано, он стиснул железными

пальцами Минины кулаки, накинул его руками петлю на шею напарника и потянул.

Со стороны картина выглядела крайне странно. Трое мужиков сидели, крепко обнявшись, на корточках в углу камеры. Причем двое из них заходились в предсмертном хрипе. Гриня синел на глазах, язык вывалился у него изо рта. Через минуту Крюков встал, а Миня, выпустив петлю из рук, ухватился за свой вспоротый коллективными усилиями друга и сыщика живот.

— Доктора! Лепилу позови! — еле слышно произнес он.

— Сейчас, только тапочки надену, — пообещал Крюков, и ему совершенно не было стыдно за свое поведение.

Он встряхнул умирающего Миню за шиворот.

— Кто меня заказал?

Глаза Мини стекленели и закатывались.

— Она... Сучка... — он завалился на спину. — Она тебя достанет...

Он резко потяжелел, и Крюков выпустил его воротник. Ему не хотелось коротать ночь с двумя трупами на руках. Он подошел к двери и забарабанил в нее.

— Эй, начальник, открывай!

— Что такое? Почему в хате темно? — с порога загредел дежурный старшина.

Крюков нарочито громко зевнул и проговорил сонным голосом.

— Слушай, начальник, разберись с этими козлами. Весь вечер базарили, спать мешали. А тут снова зашумели и вдруг затихли. Может, целуются?

Старшина вызвал сержанта, и они вдвоем принялись, громко матерясь, менять лампочку.

— Так она же разбитая, Алексеич, — озадаченно произнес сержант.

Осветив помещение, ночные стражи наконец с опаской подошли к сплетенным в объятых неподвижным телам Мини и Грини.

— Это чего тут? Жмуры, что ли? — удивился старшина Алексеич и обратился к Крюкову: — Это не ты ли их, часом, кончил?

— На хрена они мне сдались? — изобразил возмущение Крюков. — Я их обоих первый раз сегодня увидел.

Капитан не стал объяснять, где именно, и при каких обстоятельствах он познакомился с покойными, а старшина и не спросил. Он послал сержанта за дежурным. Крюкова перевели в чей-то кабинет и приковали наручником к ножке дивана, где он и проспал до утра...

Утром в помещение, где спал Крюков, зашел человек в штатском — то ли милицейский опер, то ли следователь, полистал изъятые у Крюкова документы, переспросил насчет дружбы с участковым Васей Чапаевым и распорядился его отпустить.

Правда, сразу уйти не удалось. Его попытался задержать и допросить следователь прокуратуры по поводу двойного убийства в камере. Но Крюков категорически заявил, что спал и ничего не слышал. И следователь отстал. Тем более что картина и без того была налицо. Двое преступников, ранее судимые за грабежи, не поладили и убили друг друга. Вот только кто и зачем просунул им через дыру в разбитом окне нож и проволоку, осталось загадкой...

Оказавшись на улице возле отделения, Крюков обнаружил, что его встречают. Со скамейки поднялась рыжеватая девушка в зеленой кожаной куртке и решительно направилась прямо к нему.

— Вы Крюков? — спросила она. — Извините, что так получилось. Я никак не могла вырваться раньше. А как вас по имени?

Крюков замялся, что случалось с ним каждый раз, когда его просили называть имя.

— Ты Ольга? — ответил он вопросом на вопрос.

Девушка кивнула. Они пошли рядом, и Крюков взял ее под руку.

— Тогда только на ты и только Крюков. Договорились?

— Договорились, — мило улыбнулась Ольга. — Нам надо поговорить. Куда мы идем?

— В «Парус», конечно. Все равно я здесь, в вашем Приокске, других мест не знаю.

Они двинулись вдоль бульвара. Ольга достала из сумки аудиоплеер.

— Ты знал, что у Игната есть сестра?

Крюков пожал плечами.

— Раз или два он что-то такое говорил. Но я даже не знал, как тебя зовут.

Ольга вздохнула с видимым облегчением: в ее жизни имели место события, о которых она предпочла бы забыть, и то, что Крюков, по-видимому, оставался в неведении относительно ее проблем, было ей на руку.

— И то хлеб. Мне не хотелось бы, чтобы ты принял меня за мошенницу. Вот, послушай, — она протянула плеер сыщику.

Тот взял его, сунул в ухо один из наушников — вторым воспользовалась девушка — и нажал «пуск». Сначала послышались аккорды тяжелого металла, затем рок перешел в фоновый режим и раздался голос Игната:

«Если ты слушаешь эту запись, значит меня уже нет... Что ж, я был готов к этому... Самое важное для меня в жизни — это моя сестра... И я прошу тебя — не оставляй ее... Товар везут с юга люди Расула... Это двадцать с лишним килограммов героина... Они передадут его людям депутата Карпушкина... Если ты не успеешь, я сам разберусь с ними... Наверное, так будет даже лучше...» — запись оборвалась, пленка продолжала крутиться с легким шипением.

Крюков выключил плеер и вернул его Ольге. Пока он слушал запись, девушка следила за выражением его лица. Выглядел он в этот момент не лучшим образом.

— Вы с ним давно не виделись? — спросила Ольга сочувственно.

Крюков печально улыбнулся.

— Лет сто. В ту пору он этого металла на дух не переносил. Только битлов признавал. В последнее время мы в основном перезванивались.

Ольга вздохнула. Она взяла капитана под руку, и они медленно пошли вперед, совершенно не отдавая себе отчета в том, куда направляются.

— В последнее время он сильно изменился. Так вот, — сказала Ольга, — его убили, я в этом не сомневаюсь. И я хочу найти его убийц. Я точно знаю, что наркотики и деньги все еще там, в «Башне». Я помогу тебе их найти. За это ты поможешь мне. Согласен?

Крюков смутился, что с ним случалось крайне редко.

— Ты извини. Тут на меня столько всяких событий свалилось, что я совсем забыл, зачем приехал. Так какие у тебя проблемы?

— Во-первых, я хочу найти убийц Игната и наказать их. А во-вторых, меня хотят убить.

Они подошли к ресторану. При виде Крюкова лицо бармена, а равно и других сотрудников ресторана, которые случились при появлении капитана в их заведении, искадила гримаса страдания. Он в ответ только пожал плечами: ничего, мол, не поделаешь, вновь я здесь. По привычке Крюков выбрал столик, из-за которого был виден весь зал. Они сели и подозвали официанта.

Ольга заказала себе пару жюльенов и бокал белого вина. Крюков взял две порции жареных куриных крылышек и пиво. Некоторое время они молча ели, изредка поглядывая друг на друга.

— Так кто и за что хочет тебя убить? — спросил он, когда от крыльев остался только их классовый костяк, а от пива одни воспоминания.

Ольга запила горячую закуску вином и вытерла губы салфеткой.

— История долгая. С самого начала рассказывать не буду, но тянется она с незапамятных времен, с самого детства. Ты знаешь, кто такая Динка Бурмина?

— Дочка Бормана? Да, имел удовольствие познакомиться.

— Маленькая стерва. Хотя, если честно, не такая уж и маленькая. Дылда чуть ли не выше меня ростом. Когда-то в детстве мы были подругами, — продолжала Ольга. — Вместе учились, вместе таскались на танцы и дискотеки. Тогда мне и в голову не могло прийти, что Динка мне завидует. Сначала эта зависть перешла в какое-то непонятное соперничество. Потом соперничество переросло в открытую вражду. Нам обоим понравился один парень. Игнат знал его. Из нас двоих он выбрал меня. Тогда Динка сказала отцу, что тот парень, Виталик, ее изнасиловал. Борман, не разобравшись, отправил своих костоломов, и бедному Виталику ни за что ни про что проломили голову. Он до сих пор все еще лежит в больнице и вряд ли выйдет из нее когда-нибудь.

Потом был городской конкурс красоты. Я тогда уезжала учиться, а Динка приняла в нем участие. Борман еще не был таким всемогущим, как сейчас, и не мог приказывать членам жюри. Динка заняла второе место. На следующий день победительнице, занявшей первое место, плеснули кислотой в лицо. Она ослепла и на всю жизнь осталась уродом. Я не знала этого — мне рассказали позднее, — и в следующем конкурсе мы с Динкой участвовали вместе. Она очень хотела взять реванш. Но большинство членов жюри склонялось к решению отдать корону мне. Представляешь, что со мной могло случиться? Но мне повезло. Борман побеседовал с президентом конкурса, и королевой стала Динка. И вот сейчас...

Она замолчала, собираясь с мыслями. Пауза затянулась.

— Так что у вас сейчас?.. — спросил Крюков, совершенно не представлявший, что может иметь в виду его собеседница.

— У нас в городе будет проводиться очередное телешоу «За зеркалом». Это то же самое, что и «За стеклом», — пояснила она, заметив недоумение в глазах собеседника. — Под передачу уже сняли «Башню смерти». Меня отобрали для участия, Динку тоже. Победитель зрительских симпатий получит полмиллиона долларов!

Крюков присвистнул от удивления.

— С таким призовым фондом не то что симпатии завоевать, дай бог живым к финалу остаться! Кстати, очень интересная сумма. Примерно на столько же тянут в сумме деньги и наркота, которые пропали в ночь пожара. Ты не ви-

дишь здесь связи? — он помолчал. — Значит, ты думаешь, что Дина хочет тебя убить? В порядке здоровой конкуренции?

Ольга нервно дернула подбородком.

— Думаю? Да не далее как вчера вечером она подслала ко мне двух своих уродов — Миню и Гриню, они у нее на подхвате. Если бы не трое поддатых солдат, которые прицепились ко мне на улице и шли следом, меня бы уже не было в живых. Хорошо, что в армии еще существуют самоволки.

Крюков улыбнулся.

— Забавно, — сказал он. — А после этого, ночью, она организовала их подсадку ко мне в камеру. С аналогичной целью.

Ольга вытаращила глаза от удивления:

— И тебя не... Ты не пострадал? А эти уроды?

— Как видишь. Я как новенький, а их пришлось немножко того... В общем, после бурной ссоры они убили друг друга.

— А откуда ты узнал, что их послала Динка? — с тревогой спросила Ольга.

— Миня, раб Божий, перед смертью исповедался.

— Странно, — Ольга нервно забарабанила пальцами по столу. — А как ты думаешь, Игнат имел какое-нибудь отношение к этим деньгам?

Крюков развел руками.

— Это я как раз хотел услышать от тебя. О! А вот и наши друзья!

В зал ресторана вошло несколько человек. Впереди рука об руку Дина с Лосем, за ними несколько быков из его бригады. Дина еще при входе увидела Крюкова, но демонстративно отвернулась в другую сторону.

— Как трогательно, — заметил Крюков. — Прямо жених и невеста.

— А они и есть жених и невеста, — засмеялась Ольга, — через месяц будут свадьбу играть. Борман, конечно, недоволен. Он-то дочку хотел за американского миллионера выдать, но у нее характер еще тот Сказала — зарежется, а своего добьется! С Игнатом тоже шашни крутила.

Крюков покачал головой, наблюдая, как Дина, Лось и иже с ними рассаживаются за столиком. К ним на рысях подбежал ловкий официант с раскладушкой меню и принял заказ. Опер перевел взгляд на Ольгу.

— Плохо дело. Получается, если она решила нас с тобой замочить, то рано или поздно своего добьется?

— Ну, это мы еще посмотрим, у кого характер круче! — гордо выпрямилась Ольга, тряхнув рыжими кудрями. — Мне надо знать, ты со мной или нет? Кстати, Лось тоже будет участвовать в шоу. Таким образом мои шансы уменьшаются вдвое.

Крюков нахмурился и накрыл ладонью руку девушки.

— А как же я смогу тебя защитить? Ты же будешь одна против них двоих.

— Если я устрою тебя в службу безопасности, ты согласишься мне помочь? — рука Ольги крепко сжала пальцы капитана.

— Это хорошая идея, — кивнул Крюков. — А кто еще будете тобой там, в клетке... то есть я хотел сказать за зеркалом?

Ольга убрала руку и принялась перечислять, загибая пальцы:

— Нас трое, то есть Динка, я и Лось. Потом сын Большого Расула, Руслан Маленький. Он ужасно злится, когда его так зовут. Когда-то он ко мне клеился, но это в далеком прошлом. Сейчас от него может быть больше проблем, чем помощи. Полный отморозок. Следующий — Яго. Это он сам так себя зовет, а вооб-

ще он — Яшка. Не то цыган, не то еврей. Строит из себя такого латиноамериканского мачо. Ты понимаешь, что я имею в виду? Некоторые наши дуры от него просто тащатся.

— Это не ему Дина засадила шпильку в задницу? — припомнил Крюков.

— Да, что-то в этом роде было. Я слышала, что она его ткнула в ногу чем-то острым. Ему не привыкать. И последняя участница — темная лошадка. Какая-то журналистка из Москвы, протеже то ли режиссера, то ли продюсера. Одним словом — позвоночника, устроена по звонку. Конечно, шансов на победу у меня не так много, но я собираюсь бороться до победного конца! Так ты со мной?

Крюков протянул ей руку, и они обменялись пожатиями.

— Считай, договорились. Пойдем мою «рябуху» заберем, если ее еще не угнали...

Они расплатились и направились к выходу из ресторана. У двери Крюков оглянулся: Дина и ее нукеры провожали их полными ненависти взглядами...

Угнать «рябуху» Крюкова не представлялось возможным. Чтобы запустить двигатель, нужно было открыть капот и длинной толстой отверткой замкнуть клеммы стартера. Яркая вспышка, фейерверк искр, и можно ехать. Правда отвертка сгорала до самой ручки за какой-нибудь месяц пользования.

— Куда едем? — поинтересовался Крюков, трогаясь с места.

— К нам с Игнатом... Вернее, теперь уже ко мне...

В квартире Ольга провела Крюкова в бывшую комнату Игната.

— Поживешь здесь, я тут ничего не трогала. Располагайся. А я пойду приготовлю что-нибудь под вино. Я на кухне. — Она вышла.

Крюков окинул взглядом берлогу приятеля. Комната скорее напоминала спортзал. В углу стояла наклонная скамья для жима лежа, вблизи, на стойках, лежал гриф штанги. Под потолком висел большой боксерский мешок, рядом — груша для отработки ударов в голову.

Другой угол занимало ложе, представлявшее собой один огромный матрас.

«Настоящий сексодром», — отметил про себя Крюков.

Он вышел на кухню. Ольга резала на доске кусок ветчины. Рядом лежала помытая зелень и крупные, неправильной формы, помидоры.

— Открой вино, — попросила она.

Крюков подошел к стойке, на которой лежали в ячейках темные бутылки. Он брал их одну за другой и рассматривал этикетки: «Хванчкара», «Киндзмараули», «Саперави».

— В нашу последнюю встречу с Игнатом мы пили водку, — сказал Крюков. — Не знал, что он стал гурманом.

— Это моя работа, — призналась Ольга. — Я хотела сделать из него настоящего, как бы это сказать...

— Мачо?

Оба засмеялись. Крюков выбрал двухлитровую бутылку «Хванчкары», откупорил и огляделся в поисках занятия: у него появилось чувство, что его миссия еще не завершена.

— Тебе помочь? — спросил он. — Может быть, открыть шпроты?

— Для этого их сначала нужно купить, — снова рассмеялась девушка.

Ольга стояла спиной к нему. Ее рыжеватые волосы рассыпались по плечам. Крюкову страшно захотелось ощутить их запах. Он уже давно не вдыхал запаха женских волос.

Он никогда не относил себя к развратникам, но и пуританином не считал. Свободный образ жизни позволял ему решать сексуальные проблемы по мере их поступления. Иногда даже с некоторым опережением. Но сейчас им вдруг овладело желание такой силы, какой он не испытывал с эпохи своих первых сексуальных опытов.

Крюков слышал об одном известном и любимом советском актере, что тот решал такие вопросы просто и кардинально. Едва познакомившись с привлекательной женщиной, он напрашивался к ней в гости попить чаю. Сев за стол, артист тут же трогал хозяйку за коленку. Если получал по морде, то извинялся и уходил. Если не получал, тащил ее в койку.

Крюков поступил почти также. Он приблизился к Ольге и осторожно поцеловал ее в шею. Только сейчас он обратил внимание, что она режет укроп. Получить по роже большим столовым ножом — весьма романтично!

Ольга замерла. Потом пальцы ее разжались, нож со звоном упал на стол, и она повернулась к Крюкову. Он обхватил ее ниже талии, приподнял и посадил прямо на разделочный стол. Зубами Крюков прихватил кончик ее уха и почувствовал, как ее тело сотрясает сильная дрожь. Он лихорадочно принялся стягивать с нее свитер и то, что было под ним. Она также торопливо расстегивала его джинсы.

Крюков наконец справился с одеждой. Он обхватил Ольгу за бедра и буквально вломился в нее. Губами он ощущал, как бьется жилка у нее на шее.

Нетерпеливое мурлыканье, которое поначалу издавала партнерша, постепенно перешло в звериное рычание. Их страсть достигла пика и продолжалась, казалось, целую вечность. После шквального оргазма Ольга блаженно затихала, но лишь на секунду, и все начиналось вновь. Наконец она пришла в полное изнеможение. Тут и Крюков почувствовал нарастающую волну. Последний всплеск энергии — и оба словно очнулись от глубокого забытья.

Крюков почувствовал, что устал, как после драки с тремя непрерывно сменяющимися противниками. Он отсутствующим взглядом окинул пол, который в живописном беспорядке устилали как отдельные продукты питания, так и их смеси.

— Нехорошо получилось, — укоризненно покачал он головой.

— Почему? А мне понравилось, — не согласилась его партнерша. — Это был какой-то ураган оргазма. Я даже счет потеряла. Пойдем в душ?

— Только не вместе, — устало произнес Крюков. — Иначе это никогда не кончится. Что-то мне есть захотелось.

После ужина все повторилось снова, но уже не на столе, а на широком поле сексодрома. Перед тем как заснуть окончательно. Крюков испытал болезненный укол совести за свою несдержанность. Почему-то ему было стыдно перед Игнатом, хотя, с другой стороны, он сам просил не оставлять ее.

— Теперь ты меня не бросишь? — спросила Ольга, словно угадав его мысли.

— А это что, был аванс? В древнейшей валюте? — уже сквозь сон поинтересовался Крюков.

— Эх ты, большой, а дурак. Ты меня хочешь обидеть? — она потрясла его за плечи и перевернула на спину.

— Извини, — Крюков вытянулся на матрасе и моментально отключился...

Наутро они отправились в «Башню смерти», куда телевизионщики уже начали завозить свое оборудование. Ольга провела Крюкова в святая святых, к двери с картонной табличкой «Режиссер Задославский».

Высокий импозантный мужчина сразу вызвал у Крюкова ассоциации с представителями нетрадиционного секса. Тем удивительнее было видеть, какой улыбкой он расцвел, увидев Ольгу.

— Что, уже к нам? Не рановато? Помещения будут готовы только к обеду. — Задославский был сама любезность.

— Я вам нового сотрудника привела, — Ольга подтолкнула Крюкова вперед.

— Нового сотрудника? Надеюсь, не на мое место? — кокетливо захихикал режиссер.

Крюков хотел было вставить реплику на тему, где, по его мнению, находится место режиссера, но взял себя в руки и промолчал.

— Он работал в охранной фирме, был заместителем директора. Охранял бизнесменов от рэкетиоров, — Ольга расхваливала Крюкова, как барышник хромую лошадь.

— Хорошо-хорошо, — согласился режиссер. — Меня ты уговорила. Сейчас вызову начальника службы безопасности. Можешь сходить пока посмотреть свои будущие апартаменты.

Режиссер проводил Ольгу до дверей. По коридору сновали рабочие, таскали мебель, краску, всякие строительные материалы, монтировали зеркала. Задославский с удовлетворением оглядел фронт работ и снова вспомнил о Крюкове.

— Так значит, у вас имеется опыт работы?

— Да, я лицензированный охранник, — подтвердил тот. — Иногда приходилось выполнять очень деликатные поручения.

Режиссер подозвал секретаршу.

— Милочка, позови начальника службы безопасности Бодрова.

Тот появился неожиданно быстро, словно прятался за углом. Задославский пригласил его и капитана в свой кабинет и предложил садиться. Сам он занял место во главе стола, имевшего форму буквы «Т», а Крюков и Бодров уселись визави, без всякого смущения разглядывая друг друга.

— Игорь, ты жаловался на недостаток охранников, — манерно произнес режиссер. — Вот тебе специалист. Документы у него имеются. Детали сам обговори, если в чем-то сомневаешься, выясни.

Крюков сразу узнал начальника службы безопасности. Этот тип был запечатлен на одной из фотографий, сделанных Игнатом у входа в гостиницу. Капитан протянул Бодрову через стол удостоверение охранно-сысского кооператива «ОГПУ». Тот принялся внимательно изучать в нем все запятые и закорючки. Режиссеру стало скучно, и он игриво обратился к сыщику.

— Может быть, продемонстрируете нам свой профессионализм?

— Прямо здесь, в кабинете? — Крюков пожал плечами. — Давайте, если вам мебели не жалко. Хотите сами попробовать?

Задославский, сделав жест рукой, будто изящно отмахивался от мухи, обратился к Бодрову:

— Игорь, давай сюда Бульдозера.

Бодров, достав мобильный, набрал номер и отдал короткое распоряжение. Через минуту в комнате появился квадратный тип, похожий на облысевшего гризли, и накачанный, как Шварценеггер: в дверь он вошел боком и слегка наклонившись, чтобы не удариться о притолоку.

— Звали? — спросил он, вопросительно глядя на Бодрова.

Тот кивнул ему на претендента.

— Вот, товарищ хочет продемонстрировать свое умение. Постарайся его не искалечить.

— Разве это я что-то хочу демонстрировать? — искренне удивился Крюков.

Он встал и подошел к Бульдозеру. Несколько секунд оба потенциальных противника ощупывали друг друга, точнее, враг врага, цепкими взглядами. Наконец Крюков повернулся к обоим начальникам и недовольно покачал головой.

— Что-то не так? — Бодров пренебрежительно улыбнулся.

— Да, — согласился Крюков. — Он слишком большой и сильный. При такой разнице в массе, чтобы победить, мне придется убить его. В этом кабинете мне бы этого делать не хотелось. А вам?

Капитан говорил спокойно, без малейшей рисовки, как строитель обсуждает с заказчиком размеры фундамента или парикмахер форму стрижки. Его уверенность производила впечатление, Бодров и Задославский смутились: соучастие в убийстве в их планы не входило. Режиссер опустил очи долу и промямлил:

— Нет, конечно, ничего такого мы не собирались...

Только Бульдозер выразил свое неодобрение ворчанием: он уже представил, как размазывает наглеца по стене кабинета.

Бодров поднялся с места.

— Ну ладно, цирк отменяется. Все по рабочим местам.

Бульдозер повернулся, чтобы выйти, но Крюков остановил его.

— Задержись, братан.

И обратился к своим потенциальным начальникам.

— Только что я продемонстрировал вам наглядный пример бесконфликтного решения проблемы. Вы все остались недовольны, но нашли предложенный мной вариант вполне приемлемым и согласились на него. Я считаю, что задача охранника — не провоцировать конфликт, чтобы продемонстрировать свою крутость, а наоборот — снимать напряжение. Вы со мной согласны?

Задославский и Бодров не могли не одобрить такого подхода. Крюков продолжал:

— А сели вам хочется поглядеть на борьбу нанайских мальчиков, то и здесь нет никаких проблем. Давай, Бульдозер, немного повозимся. Не бойся, я ведь пошутил. Убивать тебя нет необходимости. Но предупреждаю: будет немножко больно. Все-таки ты очень большой.

Гигант просиял и, не дожидаясь разрешения руководства, бросился на противника. Точнее не бросился, для этого в кабинете просто не было места, а наклонился и протянул к нему руку.

Крюков перехватил ее на полпути. Опытный Бодров сразу оценил, что запястье и предплечье новичка немногим уступают его собственным.

Прихватив голиафа за запястье. Крюков одной рукой чуть покрутил его

кисть, а другой вцепился в болевые точки возле его локтя. От неожиданности гигант громко пукнул, что вызвало оживление и смех у зрителей.

Крюков, стараясь не дышать, с гримасой страдания на лице сильно потянул его руку и произвел классический загиб ее за спину. Теперь он контролировал Бульдозера, держа его только за большой палец.

— Откройте форточку, нужно разрядить атмосферу, — попросил победитель присутствующих.

Задославский не погнушался лично исполнить его просьбу. Дышать стало легче. Все это время Бульдозер стоял, боясь шевельнуться, по его низкому лбу потекли ручейки пота. Наконец Крюков смилостивился и отпустил палец противника. Тот отступил на шаг, глядя на капитана с ненавистью и удивлением.

Режиссер остался доволен разыгранной минутой назад сценой.

— Ну вот, Игорек, тебе и заместитель, — сказал он, указывая на Крюкова.

По лицу Бодрова нельзя было сказать, что он разделяет радость патрона. Но и неудовольствия он не выказал.

— Мы проведем проверку ваших документов, а пока приступайте к работе, — распорядился он. — Я вижу, что опыт работы у вас и в самом деле имеется. Главное — запомните, что перед нами стоит очень ответственная задача. Может, перейдем на ты?

— Не возражаю. Будут особые указания? — спросил Крюков.

— Нет, пока ничего. Завтра заезжают участники, через три дня начало шоу. Жить будем здесь. Изучай объект. И ни грамма спиртного.

Крюков вышел из кабинета режиссера, сопровождаемый восторженным взглядом Задославского, полным ненависти — Бульдозера и крайне задумчивым — Бодрова.

Крюков прошелся по залам и коридорам десятого этажа. Интерьер большого холла менялся на глазах. В центре его выросла конструкция из прозрачных стен. Крюков догадался, что изнутри эти стены выглядят зеркальными. В определенных местах рабочие крепили видеокамеры для наблюдения за участниками шоу. Внутри зеркально-прозрачного вольера заносили спальную и кухонную мебель. При виде элементов интерьера кухни Крюков испытал нездоровое возбуждение.

Ольгу он встретил в спальном отсеке. Она по-хозяйски осматривалась, выбирая себе место.

— Ну, как, уже устроился? — спросила она.

— Да, порядок. Буду тебя охранять на совершенно законных условиях. Там кухню привезли. Не хочешь опробовать?

— Нахал, — ответила она. — Проводи меня в ванную. Я хочу поправить макияж.

Ванная, она же туалетная комната, сверкала новенькой итальянской плиткой. Ольга подошла к окну и выглянула на улицу. Крюков встал рядом. Над крышей соседнего корпуса летели редкие облака. Ольга достала из косметички помаду и вздохнула.

— Жалко, скоро и эти окна закроют зеркалами. Даже клочка неба видно не будет. Как в тюрьме.

— Зато так спокойнее, — возразил Крюков. — Так ты все еще считаешь, что тебя хотят убить?

Ольга покачала головой.

— Я уже не знаю. Может быть, мне все это вообще просто показалось? Знаешь, скорее всего, я просто переволновалась, устала, впала в депрессию и сама себя накрутила.

— А Миня с Гриней? — напомнил Крюков.

Ольга принялась подкрашивать губы, поэтому задержалась с ответом.

— Не знаю как там, снаружи, но здесь, я уверена, мне нечего бояться.

Тюбик с красным кончиком выпал у нее из руки, и она наклонилась над раковиной, чтобы его поднять. В тот же момент квадратик итальянской плитки в том месте, где только что находилась ее голова, с громким звоном разлетелся не в куски.

Капитан рванул к Ольге и повалил ее на пол. Некоторое время они пролежали, обнявшись.

— Крюков, слезь с меня. Ты просто сексуальный маньяк, — испуганным голосом проговорила Ольга: она все еще не понимала, что произошло. — Вечно у нас с тобой интим то на кухне, то в ванной.

— Знаешь, — прошептал он ей на ухо, — никогда не думал, что подкрашивание губ может спасти человеку жизнь.

Крюков помог девушке встать на ноги и показал на окно: в стекле зияла аккуратная круглая дыра. Такое отверстие оставляет высокоскоростная пуля небольшого калибра, выпущенная из снайперской винтовки. У входа в ванную столпились привлеченные шумом рабочие.

Глава третья Убийство

Крюков посмотрел в окно. Ничего подозрительного заметно не было. Тогда он пристроил затылок к выбитой пулей кафельной плитке и «прицелился» сквозь образовавшуюся в оконном стекле дырку. Определить место, откуда прилетела пуля, он мог только весьма приблизительно.

В ванную ворвались Бодров, режиссер и двое бойцов из охраны.

— Что случилось?

— В Ольгу стреляли, — сообщил Крюков.

— Откуда? — Бодров бросился к окну.

— Похоже, что с крыши соседнего корпуса. Когда я смог выглянуть, там уже никого не было.

— Я вызываю милицию, — обратился к режиссеру Бодров.

— Это обязательно? — недовольно скривился Задославский. — Если ты это сделаешь, у меня появится еще одна головная боль.

— А если я этого не сделаю, у меня отберут лицензию, — Бодров достал мобильный телефон и принялся набирать номер дежурной части.

Крюков повернулся к режиссеру.

— В тот корпус, откуда стреляли, можно пройти напрямик?

— Кажется, на восьмом этаже есть какой-то проход, — объяснил Задославский. — Когда мне показывали гостиницу, меня по нему проводили.

— Вы двое, — обратился к охранникам Крюков, — быстро туда. Обследуйте крышу. После прихода здешних ментов там никаких следов не останется.

Он взял Ольгу под руку и повел в спальню. Ему принялись помогать неизвестно откуда появившиеся врач и фельдшер в белых халатах. Переложив заботу об Ольге на плечи медиков. Крюков направился в соседний корпус и поднялся на крышу, где уже некоторое время бестолково топтались присланные им охранники.

— Ну что? — спросил капитан. — Нарыли хоть что-нибудь?

Охранники развели руками.

— Вот, только газеты. Наверное, снайпер на них лежал. Винтовку не бросил, забрал с собой.

— А гильзу не нашли?

— Нет тут никакой гильзы. Все вокруг обшарили.

Крюков им не очень-то поверил, и сам на всякий случай осмотрел всю крышу. Киллер смылся так быстро, что у него просто не оставалось времени искать гильзу. Но поиски оказались безрезультатными.

Капитан покинул крышу, только когда внизу слышались сигналы милицейской сирены. Светиться попусту на месте преступления не имело смысла. Он вернулся в холл десятого этажа. Здесь уже сновали люди в серых мундирах. Оказалось, на место происшествия не поленился прибыть сам начальник местной милиции полковник Сидоров. Крюков уже сталкивался с ним, когда был в отделении.

Режиссер на повышенных тонах ругался с полковником.

— Все это происки завистников и конкурентов! Они хотят сорвать мое шоу! Ничего не выйдет! Я требую оградить меня и творческий коллектив от гряз-

ных посягательств.

— А может быть, завистники не при чем? Просто кто-то из творческого коллектива хочет повысить рейтинг передачи? — спросил его Сидоров.

И тут заметил Крюкова. Полковник был неприятно удивлен, увидев знакомое лицо, и повел носом.

— Так, снова запахло убийством, снова этот тип крутится рядом и, конечно, снова ни сном ни духом не ведает! Или я не прав?

— В точку, — поддержал полковника Крюков. — Я ничего не видел и выстрела не слышал. Услышал только, как разбилась плитка, и понял, что стреляют. Дальше действовал на автомате.

— А ты что, такой крутой спецназовец? — непонятно было, шутит полковник или говорит всерьез.

Капитан изобразил совершеннейшего простофилю.

— Да как вам сказать? Когда-то в армии чему-то учили. Плюс курсы охранников.

Бодров, стоя за спиной своего сотрудника, предпочел не распространяться о его истинной подготовке.

— Так ты, говорят, с нашим Чапаевым в армии служил? — задал вопрос полковник. — Иди, обнимись со своим другом. Внизу он, как раз опохмелиться ищет.

— Я не пью на работе, — твердо и, как ему показалось, убедительно, заявил Крюков.

— А тебе никто и не предлагает, — буркнул полковник и пошел дальше разбираться с Бодровым и режиссером.

Задославский, красный до корней волос, уже заготовил обличительную речь по поводу невозможности продолжать работу в такой криминальной обстановке. Двум руководителям было о чем поговорить. Крюкову же ничего не оставалось, как спуститься вниз. Пить с утра ему и в самом деле не хотелось, и он надеялся, что участковый выполнит свое обещание и сделает вид, что его не замечает...

И напрасно. Чапаев заприметил капитана, как только тот вышел из лифта, и подошел сзади. Крюков почувствовал крепкий дух вчерашней водки местного (бр-р-р) производства, усугубленный ароматом утреннего пива и доведенный до совершенства зубчиком чеснока и двумя папиросами «Беломор» ленинградской табачной фабрики имени Урицкого. Он обернулся.

— Так это ты, что ли, мой фронтовой друг? — мрачно поинтересовался участковый.

— А ты что, не узнал друга Петю? — во все тридцать два зуба улыбнулся Крюков.

— Узнал. Пошли, побазарим.

Они вышли на улицу и направились к павильону с надписью «Горячее питание». Участкового здесь знали. Продавщица ни слова не говоря протянула ему чекушку водки. Чапаев обиделся.

— Не видишь, я с другом?

Крюков отрицательно pokrutil головой.

— Сейчас не буду.

— Сейчас это когда? Пока со мной, что ли? Угощением брезгуешь?

— Хорош базарить, — оборвал его Крюков. — Бери чекушку, глоток отопью,

остальное тебе останется. И пожрать чего-нибудь, я еще толком не завтракал.

— Можно подумать, что я обедал! — возмутился участковый, но послушно взял предложенную продавщицей чекушку, пару граненых стаканов и тарелку с дымящимися чебуреками.

Они присели за крайним столиком. Чапаев снайперски отмерил Крюкову пятьдесят граммов, остальное накатиł себе в стакан.

— Ну, дружбан, со встречей! — и отправил жидкость прямо в глотку.

Крюков выпил. Водка была — натуральная сивушная эссенция. Она тут же попросилась наружу, но Крюков усилием воли протолкнул ее в желудок и заблокировал сверху горячим чебуреком.

Участковый закусывать не стал. По его виду можно было догадаться, что он переживает минуты райского блаженства. Заметив скептический взгляд капитана, он вмиг посуровел. Теперь Василий был собран и серьезен. Если бы не запах перегара, его можно было бы принять за совершенно трезвого человека.

— Значит, ты снова здесь? — задал он риторический вопрос. — И опять проездом?

— Нет, теперь я тут работаю. Охранником у телевизионщиков.

— А про то, что ты мент, ты им не забыл сообщить? — ехидно прищурился Чапаев.

— Если даже и забыл, что дальше? — Крюков говорил спокойно; он никак не мог взять в толк, куда клонит его новый старый знакомый.

Участковый расслабленно откинулся на спинку пластмассового кресла и закурил.

— Если бы ты назвал мне хотя бы одну настоящую причину, по которой тут крутишься, я бы. может быть, чем-нибудь тебе помог. Ты имеешь отношение к пожару?

Крюков взвесил все за и против. Если он что-то и терял, то немного. При желании участковый и сейчас мог его заложить.

— Тогда, при пожаре, здесь погиб мой друг, Игнат. Его выкинули с десятого этажа, хотя горело с тринадцатого и выше. Ты мне сам об этом сказал.

Чапаев озадаченно почесал кончик носа.

— Игнат, говоришь? А ведь я был с ним знаком, причем очень близко. Странно, что тут не узнал. Выпил. что ли, лишнего? А ты случайно не Крюков? Имя у тебя еще такое дурацкое... Все равно не вспомню.

Вот, значит, за чем ты приехал? А я подумал, что как и все — бабки с наркотой искать.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Крюков.

То и веду, что имею. Тогда, при пожаре, ни товара, ни бабок не нашли. И наружу их никто не выносил. Сам, поди, видел, сколько тут братвы крутилось, вынюхивали. Теперь все соревнуются — кто первым до клада доберется. Веселые старты, называется. Только Борман прогадал. Сдал гостиницу телевизионщикам, наварить думал, да рекламу сделать. А оказалось, что телевизионщиков-то наш парламентарий прислал. Карпушкин Всеволод Адольфович, чтоб ему... Что, брат, опять не въезжаешь?

Крюков признал, что пока не въезжает. Чапаев снисходительно усмехнулся и продолжил лекцию.

— Так ведь он, избранник наш, мудрила государственный, и есть главный наркобарыга. Это же его люди к расуловцам сюда на стрелку приезжали.

Крюков принялся за второй чебурек.

— Я догадался, — проговорил он с набитым ртом. — Бодров, начальник службы безопасности у телевизионщиков — один из тех, кто приезжал на стрелку. Наверно, он на страховке на улице оставался, потому и не погиб. Значит, депутат подрезал Бормана и собирается на законных основаниях прочесть все углы и закоулки в поисках своего сокровища?

Чапаев одобрительно рассмеялся.

— Смотри ты какой! Не из Питера, а сообразительный. А теперь прикинь. Знаешь, кто в шоу участвует? Дочка Бормана, а вроде как при ней — его любимчик бригадир Лось. Затем сынок Расула отморозок Руслан. И подружка депутата Карпушкина. Плюс его охрана и все такое. Чуешь, куда расклад тянет?

Крюков удивленно присвистнул.

— И откуда ты все знаешь? Вроде квасишь, не просыхая, на работу не ходишь.

— А ты кто, партийный контроль? — обиделся Чапаев. — Я ведь участковый, мне по штату положено иметь... Кого? Правильно. Доверенных лиц из числа этой... прогрессивной общественности. Так что мой тебе совет тот же, что и в прошлый раз. Вали отсюда и чем быстрее, тем лучше. Тут скоро столько трупов будет, сколько эта «Башня смерти» за всю историю не видела.

— А ты останешься?

— Так куда же я со своего участка денусь? — развел руками Чапаев. — Рад бы, да некуда.

— А говорил «не самурай», — поддразнил его Крюков. — Я бы отсюда свалил, но уже поздно. Сестра Игната тоже в шоу участвует. Я обещал ей помочь, если что.

— И про сестру Игната слышал, — махнул рукой участковый. — Ладно, ты не сопливый, сам разберешься. Чем тебе заниматься. Знаешь, если ты в натуре собираешься этот гадючник тряхнуть, я тебе, может, и помогу. Опер оперу глаз не выключает.

— За это спасибо, — Крюков поднялся. — Если что, найдешь меня здесь, в гостинице. Заходи, не стесняйся. Мы же как-никак армейские друзья.

Они расстались. Участковый отправился за новой чекушкой, а Крюков поднялся на десятый этаж.

Милиции на этаже уже не было, Задославского тоже. Рабочие под руководством помощника режиссера. толстой крикливой дамы, заканчивали установку света и камер. Здесь же собрались участники будущего шоу.

Первым, с кем столкнулся Крюков, оказался Лось. Он потянул его за рукав в сторону от лифта в сторону туалета для персонала.

— Отойдем-ка, крутой. Разговор есть.

Крюков повиновался. Лось все-таки без пяти минут телезвезда. А кто он? Простой охранник.

Они присели на подоконник. Лось закурил.

— Я тебя сразу узнал, — похвастался он. — Я тебя в «Парусе» пару раз видел. Это ведь ты, козел, моих ребят отоварил? Повезло тебе, что меня в тот раз с ними не было.

— Ты так думаешь? — с сомнением произнес Крюков.

— Я уверен! — отрезал Лось. — Так вот запомни, дятел! Если Динка на тебя

еще раз пожалуется, я никому говорить не буду. Прямо перед камерой тебе хлебальник разобью. Ты понял?

Крюков печально вздохнул. И не хочется, но ничего не поделаешь. Надо! Он коротко, без замаха, провел апперкот по печени. Лось открыл было рот для очередной угрозы, но так и замер, словно актер в немой сцене. В глазах его застыли боль и страдание.

— Извини, я не знал, что ты такой легко ранимый, — Крюков повернулся к нему спиной и направился искать своего непосредственного начальника.

Сыщику не хотелось, чтобы тот подумал, будто новый сотрудник отлынивает от работы.

Остаток дня капитан посвятил изучению здания и людей. Заместителем Бодров его не назначил, но поставил старшим смены. Оружия охранникам не полагалось. Только стоявшие внизу, на наружных постах, имели помповые ружья, а сам Бодров таскал под мышкой гражданский аналог «Макарова» пониженной убойности...

Ближе к вечеру Лось вдруг засобирился и заявил, что должен срочно уехать по неотложным делам и вернется только завтра.

Ольга тоже отказалась оставаться ночевать в «Башне» до открытия шоу. Смена Крюкова заступала на дежурство только завтра, но по договору он уже не имел права покидать здание гостиницы до окончания шоу. Поэтому он настоял на том, чтобы Ольгу проводили до дома работники милиции. Они же должны были встретить ее завтра и привезти в «Башню».

Перед тем как пойти спать Крюков еще раз зашел в ванно-туалетную секцию. Окно до сих пор не закрыли зеркалом, но выщербленную пулей плитку успели заменить. Крюков постоял у окна. Ему вдруг показалось, что в окнах последнего этажа корпуса, с крыши которого стрелял снайпер, мелькнул огонек. Он долго стоял, приглядываясь, но свет больше не появился. Сыщик решил, что ему это померещилось. Он повернулся, чтобы уйти и вздрогнул. В дверях белел призрачный силуэт. Это была Дина. Капризная красотка, та, что недавно бросалась на него с ножом, который он позже подобрал под столиком ресторана, и теперь хранил его на дне сумки.

Бледная тень кокетливо качнулась и голосом ломающейся девственницы проворковала.

— А, это ты? Я тебя сразу узнала. Ты хочешь меня растоптать, унижить и изнасиловать? — и повисла у него на шее.

Крюков опешил. Он уже привык к тому, что объятия и лобзания зачастую органично переходят в мордобой и поножовщину. Но чтобы наоборот?

— Меня сегодня многие узнают. День, что ли, такой? — он сделал неудачную попытку освободиться.

Дина с поразительной для ее возраста и сложения силой потащила его в спальную секцию. Здесь, отгороженный от прозрачных стен специальной мебелью, располагался интимный уголок психологической разгрузки, где особы женского пола могли быстро сменить прокладки и всласть поковырять в носу. Правда, и этот уголок частично контролировался видеокамерой. Но все равно, здесь можно было хоть как-то укрыться от ее недреманного ока и почувствовать себя в относительной безопасности.

Дина буквально швырнула Крюкова на жесткий диван и ловко стащила с

него джинсы. Затем она одним движением сбросила с себя белый шелковый халат и осталась в узеньких, из одних тесемок и резинок состоявших трусиках-стрингах.

В ту же секунду она, как всадница, оседлала лежавшего на спине Крюкова, заткнув ему рот долгим поцелуем. «Да она слона на бегу остановит!» — подумал он и решил, что оптимальный способ выбраться невредимым из-под этой амазонки, — отдаться во власть сексуальной стихии. Тем более что его мужское естество реагировало на эту бурю соответствующим образом.

Крюков стиснул ее посильнее в талии и слегка помял сильными, но мягкими движениями массажиста. Она застонала, словно уже испытывала сказочное удовольствие.

— О, какой ты сильный, какой грубый! Возьми меня своими руками! Какие у тебя руки!

Крюков удивился. Он не делал с ней ничего особенного. А какому дураку недоставало ума тискать молодое женское тело? Видимо те, кто проделывал это до него, были полными недоумками.

Отработанными движениями пальцев — как пианист по клавиатуре — он слегка прошелся по эрогенным зонам партнерши. Дина продолжала сопеть и стонать, но как-то ненатурально. Она, скорее, старалась показать африканскую страсть, нежели испытывала ее на самом деле.

Крюков заподозрил, что бедняжка страдает сложным комплексом неполноценности. При ее богатом, как ему показалось, сексуальном опыте она, видимо, еще ни разу не испытывала оргазма. Интересный случай! И Крюков, как истинный джентльмен и убежденный тантрист, забыв обо всем, принялся за дело.

Он целовал ее соски, гладил грудь и лобок, а также самые интимные места: внутреннюю сторону ног от щиколотки до промежности, «треугольник страсти» на спине ниже талии — чуть ли не до появления мозолей на ладонях. Ласкал пальцами клитор. Все было бесполезно.

Наконец он решил перейти к основной программе. Под его рукой с легким треском разорвались тесемки и резинки ее стрингов... Поменяв позицию, они слились в единый организм и заработали, словно механический пресс.

— Я так не кончу... — предупредила Дина.

— Почему? — удивился Крюков.

— Это слишком просто... Я предпочитаю позу «шестьдесят девять»...

— А тебе что, предыдущих шестидесяти восьми мало?

Дина хихикнула, и некоторое время они продолжали работать молча. Наконец она снова спросила:

— А как ты относишься к куннилингусу?

— Какому гнусу?

— А к фелляции?

Ее теоретические знания в области секса потрясли Крюкова. Он и понятия не имел о существовании столь высоких материй.

— Нам, татарам, что фелляция, что флагелляция, все одно, — признался он.

— Ха! Фелляция — это когда хрен сосут, а флагелляция?

— Когда задницу дерут.

— Так ты садист?! — с испуганным восторгом вскричала Дина. — Сделай мне больно!

Крюков сделал.

— Ну не так же! — возмутилась партнерша.

— По-другому не умею, — проворчал он.

Ему вспомнился рассказ знакомого постового милиционера, деревенского парня, которому пришлось трахаться с мазохисткой.

«Ябу я ее, — рассказывал тот, — а она все: «Ну, ударь меня, ударь!» Ну, я ей и врезал так, что она с койки на пол слетела».

Крюков не выдержал и усмехнулся.

— Ты что, все? — с испугом спросила Дина.

— Нет, — успокоил он ее, — у меня семяизвержение регулируемое. Бывает, когда нужно, а не когда получится.

— Ты занимаешься по системе Кама-Сутра? — предположила она.

— А как же? Черный пояс, — подтвердил Крюков. — А еще система «Им-сак». Арабская техника для одновременного удовлетворения всех четырех жен плюс десятка наложниц.

Непрерывные колебательные движения продолжались уже более получаса. Капитан подумал, что скоро не только ладони, но и кое-что еще у него покроется мозолями.

Он похвастался и сглазил. Внезапно Крюков почувствовал, что сам вот-вот кончит. Еще секунда, и он не выдержит! Капитан попробовал дыхательные приемы, попытался переключить внимание. Бесполезно. Оно подкатило...

— Слушай, Крюков, а как тебя зовут? — вдруг спросила Дина.

— Блин! — его словно окатило ледяной водой.

Он почувствовал, что акт бурного семяизвержения откладывается. Спасибо, эрекция сохранилась.

— Как ты сказал? Блин? — Дина засмеялась, ни на секунду не прерывая ритмичных покачиваний: вверх-вниз, вперед-назад. — Нет, честно, как тебя зовут? Только не ври!

— Хорошо... Ты сама... Напросилась... — Крюков говорил отрывочно, стараясь не выбиться из ритма движений. — Меня... Зовут... Пявчет...

— Что-о-о?! Л-а-а-а-а!..

Возглас удивления перешел в стон. Дина закатила глаза и судорожно задергалась. Крюков испугался, что она отдаст концы прямо здесь, в студии. Наконец судороги и стенания прекратились.

— Крюков, я кончила! — услышат он над ухом ее радостный шепот. — Ты представляешь? Кончила! Первый раз в жизни! И только из-за твоего дурацкого имени. Это же самое дурацкое имя в мире! — произнесла она с восторгом.

— Почему самое дурацкое? — обиделся он. — Пявчет — значит «Пятилетку в четыре года». А вот у нас в полку замполит был, его Мудленом звали. То есть «Мудрость Ленина».

— Иди в жопу со своим Мудленом! Давай продолжим. Рефлекс надо закрепить!

Они тиранили друг друга еще с полчаса до полного изнеможения, пока, наконец, Крюкову не удалось сбросить горячее...

Дина села на постели и покрутила на пальце свои эксклюзивные трусики, вернее, их остатки.

— Ну вот, зверюга, такие стринги порвал! Ведь последние были! Ладно, как

только шоу закончится, специально съезжу в Москву, заскочу в бутик и куплю десять упаковок.

— Зачем так много? — удивился Крюков.

— А разве тебе уже надоело? — в свою очередь искренне удивилась Дина.

Что надоело? Трусы рвать или трахаться? уточнил Крюков. — А Лося своего куда денешь?

Дина всерьез задумалась.

А ведь ты прав. Может, мне за Лося не выходить? У него явно с этим делом проблемы. Нет! Выйду за Лося, а с тобой будем встречаться тайно. Должна же я иметь постоянного любовника! Ты куда?

— В душ, — отозвался Крюков, спешно ретируясь с поля битвы.

Идея стать штатным любовником дочери бандитского авторитета и жены его бригадира совершенно не устраивала сыщика. Отправляясь в душ, он прихватил с собой одежду. Обратившись к страждущей нимфоманке Крюков решил не возвращаться ни под каким видом. Ни сегодня, ни вообще.

Капитан осторожно вышел из спальной секции и направился по коридору к своему номеру. Спать не хотелось. Он решил спуститься вниз, в круглосуточную палатку горячего питания, где утром они сидели с Чапаевым, и выпить пива.

Крюков вызвал лифт и поехал вниз. Пока он спускался, ему показалось, что кабина второго лифта проследовала наверх. Но он не придал этому значения...

На улице было тепло и тихо. С противоположной стороны шоссе от ресторана «Парус» слышались возбужденные голоса. Там веселились, возможно, даже кого-нибудь били. Крюков сделал несколько шагов вперед и удивленно огляделся по сторонам. По идее, здесь должен был прогуливаться человек с ружьем, охранявший вход в гостиницу, но никого не было. Не было его и у палатки, куда он мог бы отойти подкрепить уходящие силы. Может, отлить пошел?

Крюков увидел парня не сразу. Он не знал его в лицо, поскольку в эту ночь дежурила не его смена, но догадался, что это часовой. Тот лежал за высокой раскидистой елкой. Никакого ружья при нем не было, рации тоже. Вместо этого из его спины торчала рукоять ножа.

Крюков бросил взгляд на гостиничную башню. В окне верхнего сторевшего этажа отчетливо мелькнул свет фонаря. Теперь Крюков точно знал, что ему это не привиделось.

Он рванул назад в холл. Дежурный спал на кушетке позади стойки и сообщить ничего не мог. Крюков вспомнил о лифте, который прошел наверх, и тоже стал подниматься, воспользовавшись другой кабиной. Сначала он вышел на десятом. Первым делом он разбудил Бодрова и отдыхающую смену. Пока они спросонья терли глаза и одевались, он направился в спальную секцию, чтобы предупредить Дину. Ее, как ни странно, там не было. Крюков пробежал по комнатам и секциям студии, но так нигде ее и не нашел.

На сей раз лифтом он решил не пользоваться и оставшиеся пять этажей преодолел по служебной лестнице. И без того маленькие лестничные площадки были заставлены ведрами с краской и побелкой, лестницами и всяким строительным хламом. Днем тут шел ремонт.

Крюков осторожно крался вверх по лестнице. Добравшись до последнего

этажа, он прислушался. Тихо. Капитан приоткрыл дверь, ведущую на этаж, и вошел. Здесь рабочие еще не приступали к ремонту, помещения были обесточены. В воздухе стоял тяжелый запах гари. Он шагнул в темноту и двинулся по коридору, но тут же споткнулся о тело. Это был труп охранника, убитого в холле и доставленного сюда на лифте...

Пока глаза привыкали к темноте, работал слух. Крюков услышал тихие шаги по выгоревшему линолеуму. Шаги приближались. Он пожалел, что не обзавелся каким-нибудь серьезным оружием. Как старшему смены ему даже дубинки не полагалось.

Неожиданно в середине длинного коридора зажегся яркий квадрат света. Это открылись двери лифта. Крюков подумал, что прибыло подкрепление от Бодрова, но ошибся.

На лифте приехала женщина. Крюков определил это по голосу. Кому именно принадлежал голос, было неясно. Но слова расслышал.

— Уходите, — приказным тоном велела прибывшая. — Внизу шухер. Этот козел, москвич, нашел труп на улице. Охрана уже в курсе.

— Сколько времени? — спросил мужской голос.

— Без двух минут двенадцать.

— Ништяк. Уходим по лестнице.

Коридор был настолько узок, что спрятаться в нем даже в темноте было невозможно. Изображать из себя труп и получить на всякий случай контрольный выстрел в голову Крюков не собирался. Прежде чем луч фонаря успел захватить его из темноты, он выскользнул на лестницу и, как в детской игре, притаился за дверью.

Спустя несколько секунд она распахнулась, и по лестнице чередой стали спускаться люди, одетые в черные комбинезоны. Лица их были скрыты черными шапками-масками. Одна из фигур явно была женской.

Крюкову ничего не оставалось, как прихватить последнего за шапку-невидимку. Под маской оказалось знакомое лицо: с этим парнем и двумя его друзьями из команды Лося Крюков сцепился пару дней назад в «Парусе».

Группа в комбинезонах затормозила. Все оглянулись на Крюкова, который замер, как дурак, с трофеем в руке.

— Мочите его, что застыли?! — тихо, но внятно произнесла женщина.

Черные бойцы полепи под куртки. И снова Крюкову и в голову не пришло подождать и посмотреть — не начнут ли в него бросать цветами и маленькими шоколадками. Он отвесил пинка разоблаченному бойцу, в падении повалившего всех, кто стоял ниже него на лестнице, и ринулся за дверь, захлопнув ее за собой. С той стороны двери послышались тихие хлопки, и в ней засветились аккуратные дырочки. Затем последовал удаляющийся топот: это убегали вниз люди в черном.

Крюков метнулся к лифту. Он стоял заклиненный на последнем этаже. Спустившись пешком на десятый этаж, он с облегчением обнаружил, что армия Бодрова наконец приняла боеспособный вид. Сам полководец в нетерпении рыл копытом землю.

— Почему вы еще здесь? Они уходят по лестнице! — сообщил Крюков.

— Дверь забита намертво, лифты не работают!

— Они их заклинили, — пояснил Крюков. — Быстро все сюда. Помпы взяли? У них стволы имеются.

Бодров кивнул и нажал кнопку лифта: на сей раз тот заработал. Все шестеро — Бодров с Крюковым и четверо охранников с помповыми ружьями — погрузились в него и стали спускаться вниз.

— Сейчас догоним, — злорадно ухмыльнулся Бодров и спросил у Крюкова. — Как обстановка?

— Двое убиты, это как минимум.

— Ладно, — Бодров мстительно прищурился и поджал губы. — Разберемся.

Вдруг лифт замер, свет внутри него погас.

— Что за дерьмо? — выругался кто-то.

— Ах ты, зараза! Ну. сволочи! Все предусмотрели! Ну, Чубайс, чтоб ему!

Крюков в замешательстве потер лоб.

— А Чубайс-то здесь причем?

Бодров тяжело вздохнул и принялся объяснять москвичу особенности национальной энергетики. Оказалось, что во всем городе ровно в полночь на пять минут еэсовцы отключают свет. Как бы в напоминание местной оборонке о неуплатах и задолженностях. Здесь это называют время «Ч». Те, кто приходил, это учили. Сейчас они спокойно спустятся, сядут в машину и уедут.

— Ты видел их? Узнал кого-нибудь? — спросил Крюкова Бодров.

— Да, одного из команды Лося. Недавно вправлял ему мозги.

— А самого Лося не было?

— Нет, его бы я точно узнал, — Крюков помолчал, прикидывая, сказать или нет. — И еще. С ними баба была. Молодая и крутая.

— Лось для того и уехал вчера вечером, чтобы себе алиби заработать, — уверенно заявил Бодров. — А вот баба — это след. Не узнал, кто такая?

Крюков отрицательно покрутил головой, не отдавая себе отчета в том, что Бодров не видит его в темноте.

— Не узнал. Вообще-то я знаю одну крутую мастерицу ножичком работать. Не исключено, что часовых именно она убила. Но, как говорить, доказать ничего не могу. Одни предположения, возможно и ошибочные. Хотя ошибаюсь я редко.

— А нам-то что теперь делать? — спросил в темноте голос одного из охранников.

— Может, в города сыграем? — предложил Крюков...

Остаток ночи прошел в лихорадочной работе. Бодров срочно поднял режиссера, который жил тут же в одном из люксов, и вызвал следственную группу.

Задославский снова запел старую песню о конкурентах. От прибывших сотрудников уголовного розыска и следователя прокуратуры он потребовал, чтобы в гостинице выставили милицейский пост.

Убитых, как и предполагал Крюков, оказалось двое. Оба охранники. После осмотра места происшествия следователь допросил Крюкова, который был единственным, что-то видевшим. Он был лаконичен. Нашел внизу тело охранника, поднялся на десятый этаж, поднял тревогу. На лестнице заметил убежавших людей в черных масках и комбинезонах. Потом погоня, и все преследователи застряли в лифте. Из нападавших он никого не узнал, руками не трогал, ногами не бил. Протокол составлен и подписан. Записано верно, прочитано, отмерено, взвешено и т. д.

У него создалось впечатление, что следователь не горел особым желанием

раскрыть это двойное убийство по горячим следам. Обжечься, что ли, боялся? К утру все было закончено, и ничто не мешало празднику вступить в свои права.

Перед зданием гостиницы был установлен помост для выступления местных артистов, здесь же выставили большой проекционный экран для демонстрации шоу. На площади перед входом в гостиницу собралось полгорода, остальная половина должна была подтянуться позже. Такого события здесь не видели много лет — со дня марша протеста против удушения оборонной промышленности.

Первой из участников шоу прибыла Ольга. Ее привез дежурный наряд милиции. Появление девушки было встречено бурными овациями. Крюков подошел к ней и отвел в сторону.

— Как прошла ночь? — спросил он.

Спокойно. А у тебя? Подозреваю, что не очень.

Крюков не счел нужным вдаваться в подробности своих ночных бдений. Он просто кивнул и пояснил:

— Была небольшая заварушка с участием делегации от Бормана. Они приходили за товаром, но я их спугнул. Будь осторожна, — Крюков пристально посмотрел на Ольгу. — Ты правда не знаешь, где наркотики и деньги? Имей в виду, это стало смертельно опасно.

Она ответила ему искренним взглядом.

— Если бы я знала, меня бы здесь не было.

Он поверил, что она не врет, и потащил к бару.

— Ладно, пойдем согреемся. Я тут заметил приличный коньяк. Не хочу светиться перед руководством. Вон, режиссер уже икру мечет...

Задославский метался от съемочной группы к начальнику милицейского оцепления, оттуда к членам оргкомитета. ждавшим приезда главы администрации.

Из подъехавшего темно-зеленого «Ягуара» выскочил продюсер Сароев и окинул собрание критическим взглядом. Сделав для порядка недовольное лицо, он направился к режиссеру.

— Ну, что тут у вас, полный бардак?

— Какой бардак? — возбужденно заорал Задославский. — Все давно готово, участники собираются, мэр вот-вот подъедет. Смотри, сколько народу!

— А ночью что стряслось? Кого-то замочили?

— Двух охранников, — понизив голос сообщил режиссер и совсем шепотом добавил: — Это ведь то, что ты хотел?

Сароев чуть не задохнулся от возмущения.

— Я хотел, чтобы тут убивали охранников? Мне нужен шекспировский конфликт между участниками, а не вульгарное мочилово по соседству. Ты сам-то хоть разницу чувствуешь?

Задославский расплылся в многообещающей улыбке.

— Дай срок, будет тебе белка, будет и конфликт. А вот и еще едут участники.

Лось и Дина, как ни в чем не бывало, прикатили к дверям «Башни» на одном из «мерседесов» Бормана. Толпа неистовствовала, словно увидела космо-

навтов.

— С ума можно сойти, — мечтательно протянул Задославский. — Ведь на абсолютно пустом месте, из пыли и праха творим кумиров толпы. Вот как она приходит, «глория мунди»!

— Чего сказал? — не понял Сароев. — Кто это мунди? Я, что ли?

— Говорю, вот она. слава земная. Откуда берется и куда исчезает?

— Ладно, хорош выделываться, я и так знаю, что ты умный, иначе бы с тобой ни в жизнь не связался, — оборвал его излишняя продюсер. — Пошли гостей встречать. И свистни камермену, пусть начинают снимать.

Трансляция шоу велась в Интернете, а также шла в записи по двум каналам — дециметровому и кабельному — телевидения.

Толпа зрителей совершенно перекрыла трассу возле гостиницы, милиции пришлось насильно стонять зевак с проезжей части.

К десяти утра все участники шоу собрались на десятом этаже в оборудованной для них студии. С этого момента месяц с лишним — пять недель — они должны были безвылазно провести здесь, общаясь исключительно друг с другом, под неусыпным глазом множества телекамер, на виду, за прозрачными снаружи и зеркальными изнутри стенами своей золотой клетки. По истечении каждой недели одного из участников должны были отсеивать путем подсчета голосов зрителей. Победившего в марафоне зрительских симпатий ждала умопомрачительная награда — сто тысяч долларов и поездка на аналогичный конкурс в Америку.

Все это излагал зрителям сам режиссер. Он не мог доверить какому-то постороннему ведущему столь важную и ответственную роль. Особо в своем рассказе он остановился на специфике места, где проводится шоу.

— Эти отчаянные молодые люди, — патетично заявил он, — не побоялись остаться на месяц в здании, известном как «Башня смерти». Среди местного населения она пользуется жуткой славой. Души погибших бродят здесь ночью по коридорам. Гибель подстерегает живых за каждым углом. Вот и в эту ночь, — Задославский сделал интригующую паузу, — здесь погибли два человека. Оба были сильными, подготовленными охранниками. Но загадочная смерть внезапно настигла обоих. Следствие теряется в догадках.

Тут он явно приврал: следствие в догадках не терялось, поскольку таковых не имело.

Пока режиссер путал зрителей, все участники шоу собрались в столовой студии. Большой стол был накрыт «а-ля фуршет», то есть подходи, бери и отваливай.

Крюков направился в режиссерскую. Сюда на мониторы выводилось изображение со всех установленных в зеркальном вольере стационарных видеокамер. Десять экранов постоянно контролировали жизнь обитателей клетки. Сейчас за пультом сидел младший ассистент камермена Сережа. Парень сразу не понравился Крюкову маслянистым взглядом бегающих глазок.

— В душевой камера не в фокусе, — пожаловался он.

— А почему тебя именно это волнует? — удивился Крюков.

Сережа посмотрел на него с недоумением.

— Хочешь сказать, тебе не интересно будет посмотреть...

— Как люди моются? — перебил его Крюков. — Нисколько. Видишь ли, мой юный друг, мир состоит из множества пешей, и с каждой следует поступать

так, как предназначено природой. На картину надо смотреть, музыку надо слушать, цветы нюхать. А не наоборот. То же, на что ты хочешь смотреть, на самом деле нужно трахать. Ву компрене?

И оставив незадачливого созерцателя в одиночестве, он отправился в кабинет Бодрова. Приближался момент его заступления на смену по охране объекта.

Застолье в студии было в разгаре. Все лучезарно улыбались, мужчины наливали дамам красное вино, предлагали закуски и экзотические фрукты.

Расставив людей по постам. Крюков вернулся к мониторам. Похотливый Сережа ушел поживиться остатками со шведского стола. К самому банкету с участием местных властей и руководства программы его не допустили. Молод еще, чтобы садится за стол со взрослыми.

Крюков присмотрелся к участникам. Информация участкового Чапаева оказалась верна. Из шести человек он знал троих. Разумеется, Ольгу, затем Дину и, немного хуже и несколько в ином качестве. Лося.

Трое других оставались для него загадкой. Более или менее предсказуем был Руслан Мартанов. Крюков рассмотрел его внимательнее. Высокий, крепкий, на вид лет двадцати, хотя наверняка моложе. Выражение лица волевое, с оттенком наглого превосходства. Если учесть рекомендацию Чапаева — полный отморозок, что немудрено, имея такого папашу.

Второй соискатель миллиона — Яго. Для друзей просто Яшка. Тот самый знойный мачо, которому Динка в «Парусе» попортила шкурку. Атлет, накачан даже поболее Руслана. Чеканный профиль, синюшная щетина на впалых щеках. Но, если приглядеться, полное дерьмо. Не боец. Такие ломаются после первого же пропущенного удара по гениталиям. Руслану, а тем более Лосю, он не конкурент. Хотя для девочек может стать кумиром и вполне способен огрести премиальные полмиллиона.

И, наконец, последняя из участниц по имени Анжела. Высокая, привлекательная, как и ее соперницы, хорошо развитая физически. Что там про нее говорили? Вроде журналистка и вроде пассия бывшего уголовника, а ныне депутата господина Карпушкина, который должен был купить героин у Большого Расула. Похоже, именно он и спонсирует проведение шоу.

Крюков пожалел Ольгу. С такими конкурентками ей до финиша не добраться. Да и конкуренты не слабее. Крюкову также пришло на ум сравнение с пауками, посаженными в одну банку. Он изменил свое мнение о шоу. Если раньше оно ему просто не нравилось, то теперь он ждал от него большой беды.

Сыщик присмотрелся к участникам телешоу повнимательнее. Они, сознательно или бессознательно, поделились на группы. Дина, разумеется, кучковалась с Лосем. Тот исполнял при ней роль то ли жениха, то ли телохранителя. А скорее всего — обе сразу. Одним глазом он похотливо поглядывал на дочку Бормана, другим, подозрительно и с вызовом, на соперников. Крюкову такое бинокулярное зрение показалось необычайно забавным.

Руслан Мартанов сразу принялся нарезать круги вокруг Ольги. Крюков даже почувствовал умеренный укол ревности. Не то чтобы он придавал большое значение... Но все-таки впечатления от интимного общения с Ольгой были еще слишком свежи. Крюков пообещал себе при первом удобном случае

немного обломать джигиту рога.

«Так надо. В этом нет ничего личного», — сказал он себе и покраснел. Врать себе он не любил и не умел. Вот другим — пожалуйста.

Яго и Анжела составили последнюю пару. Они не делали вид, что такой случайно-вынужденный расклад их тяготит, но и обниматься не спешили. Анжела демонстрировала холодную независимость. Кроме того. Яго то ли не определился окончательно, то ли не собирался ограничивать свой круг общения. Крюков подумал, что в связи с этим у парня могут быть проблемы с состоянием «морды лица».

Ведущие стравливали участников, как бойцовых псов перед дракой, снова и снова напоминая им и зрителям, что приз только один и получит его самый достойный...

Крюкову стало скучно, он с трудом подавил приступ зевоты. Раньше он считал, что шоу — это какое-то спланированное и просчитанное действие. При чем этот продуманный замысел вовсе не исключал возможности импровизации. Но то, что творилось сейчас перед его глазами, вызывало у него глубочайшее изумление.

Собранные в одну группу молодые люди были, скорее всего, неплохими ребятами. Но, не обладая ни жизненным опытом, ни сколько-нибудь весомыми знаниями, ни определившись чертами характера, они могли быть интересны разве что еще более наивным и неопытным подросткам, для которых юношеские прыщи или первый триппер казались непреодолимым жизненным препятствием. И на такой аудитории телевизионщики умудрялись зашибать миллионы? Воистину был прав тот, кого называют Шекспиром. «Дней связующая нить» лопнула, как старая резинка от трусов.

Тем временем обитатели клетки-студии закончили с застольем, свалили в ведро объедки — шипасто-колючие корки дурианов, раковины устриц и осколки панцирей омаров.

Теперь перед каждым во всей остроте встала серьезная проблема — найти себе подходящее занятие как минимум на неделю. Кроме того, взаимная неприязнь отдельных членов экипажа понемногу стала давать о себе знать.

Яго нервно прошелся по комнате.

— Ну что, соседи, чем будем заниматься? В буру перекинемся? Или пьесу поставим?

— А те, которые до нас сидели, чем занимались? — лениво спросил Руслан.

— Ничем. Сначала изображали перед камерой, какие они умные, а потом трахаться начали, — отозвалась Дина.

— Так может и нам «ничем» заняться? Травки покурить или уколоться? Или сразу в койку! — предложил Яго.

— Это ты мне предлагаешь? — закричал Руслан с сильным кавказским акцентом, появившимся у него, когда он волновался; он вскочил с места, кулаки его судорожно сжались. — Слушай, что ты все ходишь туда-сюда? Еще суток не прошло, ты уже мне вот так надоел! Самый умный, да? Да я тебе задницу на фашистский знак порву. Ночью спать не ложись! Проснешься — а голова в тумбочке. Отрэжу!

Ольга дружески положила Руслану руку на плечо.

— Ты что на него взъелся? Расслабься. Мы же еще не начинали, а ты уже с цепи рвешься.

— А! — Руслан потряс перед своим носом растопыренной пятерней, выразив этим жестом одновременно презрение к противнику и бедность своего словарного запаса.

Яго, сделав вид, что не услышал ужасного оскорбления, скрылся в тренажерном зале.

Анжела, наблюдавшая за этой стычкой со спокойствием психиатра, встала со стула и продекламовала:

— Меж ними все рождало споры, все к мордобитию влекло... Скучно с вами, господа!

Она также прошла в спортивный зал, где принялась крутить педали велотренажера. Яго тем временем соорудил себе подходящий вес и нашел удовлетворение в жиме лежа.

Лось и Дина уединились в спальном помещении. Здесь они присели на один из диванов и завели негромкий разговор. Вдруг Дина неожиданно резко оттолкнула Лося.

— Отвали!

Тот удивленно вытаращил глаза.

— Ты чего, невеста?

— Я тебе еще не невеста! И вообще надо подумать, как с тобой дальше поступить.

Лось обескураженно покрутил головой. Он не мог понять, шутит она или говорит всерьез.

— Не въехал ни фига в тему, — пробормотал он. — Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты влюбилась!

— Ну и влюбилась, тебе-то что? Пошел вон, я отдыхаю!

Лось поднялся и в недоумении покинул кипевшую беспричинной яростью подругу.

Ольга с Русланом вдвоем продолжали сидеть за столом. Руслан сверкал глазами и цедил сквозь зубы:

— Подожди, отец скоро здесь всех подомнет. У него на этом берегу пока только один рынок, а скоро весь город его будет. Кто такой Борман? Крыса, у своих ворует. Думаешь, кто бабки и товар взял? Он, больше никому! Отец говорил, он здоровьем дочери клялся, что не брал. Ха! Вот она, кошка драная, здесь сидит. Кому она нужна?

Ольга недовольно поморщилась.

Слушай, Руслан, к чему ты все это говоришь? Мне это абсолютно не интересно. К тому же вы, мужики, головой всегда думаете одно, а членом — другое делаете.

— Зачем ты так? — вспыхнул гордый сын возвышенностей. — Я бы в нее нож, а не член воткнул, клянусь!

Ольга покачала головой и поднялась.

— Ты меня своими глупостями достал. Неужели поговорить больше не о чем?

Руслан обиделся. Раньше он вообще не умел обижаться на Ольгу. Но теперь в его отношении к ней что-то изменилось.

— Э, слушай, ты влюбилась, да? Ладно, сиди, мечтай о своем принце. Только помни: кто Руслана обидит, долго не проживет, да. Пойду, мешок побью.

Он отправился в спортзал, где выбрал большой боксерский мешок и при-

нялся осыпать его градом размашистых, но резких ударов.

Анжела покрутила педали, потом слезла с велотренажера и подошла к Руслану.

— А можно мне попробовать?

Он просиял. Отповедь Ольги расстроила его. Требовалась компенсация дефицита женского внимания. Он протянул девушке снаряженные боксерские перчатки-блинчики.

— Надень, а то кожу на кулаках сожжешь. Молодец, прямо настоящий боксер!

Он вплотную пристроился к Анжеле, взял ее за запястья и принялся показывать правильную, с его точки зрения, траекторию прямого удара.

Лось вышел из спальни в раздражении и подошел к Ольге.

— Твоя подружка с ума сошла. Влюбилась, наверное.

— Как я ее понимаю! Я. может, тоже влюбилась, — улыбнулась она в ответ.

— В меня?

— Не угадал. А у тебя что нового? Я слышала, у Бормана с Расулом война намечается, а ты тут «за зеркалом» спрятался.

— Я не спрятался! — взорвался Лось. — Если война начнется, я всю эту ерунду брошу и уйду. Но сначала шенка Расулова придушу.

— Какие же вы все кровожадные! — с презрением заметила Ольга. — Один тут сидел, зубами скрипел — всех зарэжу! И ты туда же.

— Жизнь такая, — нравоучительным тоном произнес Лось. — Люди несвободны в поступках. Так один умный человек сказал.

— Философ древний?

— Нет, Борман, — Лось понизил голос до шепота. — А наше дело собачье. Приказали — выполняй. Может ведь и так случиться, что мне, например, тебя придется зарезать. Но для тебя я сделаю исключение. Обещаю, ты ничего не почувствуешь.

Ольга наклонилась к нему и медленно, с расстановкой произнесла:

— Так иди к своей хозяйке, пес, полижи у нее... сам знаешь где.

Лось сжал ее руку так, что побелели суставы.

— Со мной так шутить не надо. Я на пол головы контуженный, шуток не понимаю.

Лось в сильнейшем раздражении вскочил и, бросившись вон из столовой, столкнулся в дверях с Русланом.

— Не суйся под ноги, чурбан! — поприветствовал бригадир Мартанова-младшего.

Тот побледнел от гнева и с разгона попытался заехать арийцу коленом в пах. Лось, будучи опытным бойцом, успел уклониться: оба, сцепившись, рухнули на пол, едва не повалив хлипкие зеркальные стены. Тут же в студию вбежали охранники и растащили яростно сопротивлявшихся соперников в стороны. Камермен предусмотрительно вывел эту сцену из поля зрения телеобъективов...

Режиссер Задославский и продюсер Сароев, наблюдая за взаимоотношениями «застекольщиков», утирали слезы счастья и умиления.

— Ну что? — твердил режиссер. — Какие шекспировские страсти! Тебе этого мало?

— Да, высокие отношения! — согласился с ним Сароев. — Будем надеяться, что они продолжат свое развитие...

Намахавшись штангой, Яго прошел в ванную. По дороге он чуть не столкнулся с Диной, которая также решила принять душ. При встрече он испуганно шарахнулся в сторону. Но она вдруг довольно дружелюбно подозвала его жестом.

— Ты все еще обижаешься?

— С чего ты взяла? — он постарался изобразить оскорбленное величие.

— Нет? Очень хорошо, — Дина хлопнула его по богатырскому плечу. — Так вот, Яша, у меня для тебя дело будет. Сделаешь четко — не пожалеешь. Не сделаешь — пожалеешь. А пока свободен.

Она скрылась в одной из душевых кабин. Яго проводил ее полным ненависти взглядом и направился в другую.

Первая неделя содержания в прозрачной клетке близилась к концу. Через два дня зрители должны были подвести итог и решить, кого из участников шоу покарать изгнанием. Отношения между «зазеркальщиками» несколько не улучшились, но, к неудовольствию режиссера, и не обострились. Кипение страстей несколько утихло.

Трансляция и видеозапись шли без перерывов, за исключением еженощного пятиминутного «привета от Чубайса». Но это ощущали только наблюдатели из Интернета. Кстати, согласно концепции игры, ее участники имели, правда, ограниченный доступ к сети, и могли смотреть касавшиеся шоу новостные программы. Все это должно было способствовать росту напряженности в коллективе.

Крюков внимательно приглядывался к обитателям Зазеркалья. Теперь он мог составить, пусть неточные и приблизительные, портреты самих «зазеркальщиков».

Руслан Мартанов, как и ожидал сыщик, оказался самым прозрачным в смысле предсказуемости. Он был, что называется, весь на виду. Этаким большой колючий драчун. Он готов был драться когда угодно и с кем угодно. Подсознательная тяга к созданию конфликта и моментальному силовому его разрешению составляла всю его сущность. Крюков подумал, что в скором времени у папаши Расула появится опасный конкурент, ибо Мартанов-младший больше всего на свете не любил подчиняться кому бы то ни было. Похоже, единственное, чего он по-настоящему боялся, — это показать себя трусом, недостойным звания мужчины.

Почти столь же прост, как редиска, и очевиден, как инфляция, был другой «настоящий мужчина» — знойный мачо Яшка. И хотя он старательно напускал на себя вид прожженного мадридского интригана и крутого пацана, даже дураку было ясно — перед ним стопроцентная фальшивка. Ведущей путеводной звездой в жизни Яго была халява. Ей он служил искренне и до полного самозабвения, как Дон Кихот своей идеальной возлюбленной. Служил всей душой, мелкой и грязной, как лужа на проселке, а также телом, преимущественно нижней его половиной. Причем пускал в ход как переднюю сторону своего фасада, так и противоположную.

В противоположность Руслану красавец Яго драться не любил. Больше то-

го — боялся. Из такого сырья лепятся замечательные стукачи и предатели.

Мужскую группу замыкал Лось. Тоже не загадка бытия. Типичный бандитский бригадир, выбившийся, благодаря некоторому наличию интеллекта, в начальники из простых быков. Наглый и сильный, любимчик босса. Казалось бы, чего ему бояться, кроме прямого попадания баллистической ракеты? Ан нет!

Крюков успел отметить, что временами отношения парня с Диной омрачались, словно Лось боялся собственной невесты. Боялся ее или того, кто за ней стоял, то есть Бормана? Получалось, что у Лося от шефа были какие-то секреты. Эта мысль не давала Крюкову покоя.

Женская половина представлялась еще более загадочной. Ночь, проведенная с Ольгой, не сделала девушку более понятной и открытой. Все, что Крюков мог сказать о ней, так то, что она волевая и сильная натура, и если чего захочет, то обязательно добьется. А вот чего она хочет? Вопрос, конечно, интересный. Скорее всего, отомстить за брата. Но после того как Крюков несколько раз поймал ее полный ненависти взгляд, адресованный Лосю, ему стадо казаться, что он многого в ней не понимает.

С Диной было вроде бы проще. Принципиальная девочка. Главный принцип: «Ничего во вред себе». Люби себя, чихай на всех, и в жизни ждет тебя успех. Ее цель — примитивные удовольствия: выпить, перепихнуться, словить кайф Прямая дорога на иглу. Главный страх в жизни — лишиться этих самых удовольствий. Ее жизненный путь — это путь звезды, но, увы, звезды падающей. Ярко сверкнуть и погаснуть.

Анжела казалась Крюкову темной лошадкой. Информации никакой, одни слухи. Как ни приглядывался он к ней, ничего толком понять не мог. Но в целом в ней ощущалось волевое начало, возможно, в этом смысле она была даже сильнее, чем Ольга...

Вскоре сидельцев осчастливил своим присутствием депутат Карпушкин. Крюкова особенно интересовали его отношения с Анжелой, но тот вел себя так, будто видит ее впервые.

Он сидел в окружении «застекольщиков», как ветеран на встрече с пионерами, и вешал нравоучительным тоном.

— Вообще я считаю: легкие наркотики — это то, что доктор прописал!

— А вы сами их когда-нибудь употребляли. Всеволод Адольфович? — спросил Яго.

— Я, сынок, анашу начал курить раньше, чем папиросы. Человек не может обходиться без стимуляторов, так уж он устроен. А чай! В тюрьме без чая — кердык. Многие из вас без пепси обойтись не могут. А если с колесиком эксте-зи... Суперстимуляция. Пашешь, как трактор.

— А мой отец всегда говорил, что лучше стакан водки принять, — вставил Лось.

— Просто водка ему привычнее, — отозвался депутат. — У каждого поколения свои пристрастия.

— А как вы считаете, легко ли быть молодым? — тактично сменила тему Анжела.

— Стариком быть труднее, — самому депутату не было и пятидесяти. — Когда я сел в первый раз, мне говорили, что я загубил свою жизнь. Те, кто это го-

ворил, сейчас либо сами сидят, либо влачат нищенское существование. Самое главное, что вы должны помнить: молодость не повторится. Поэтому добивайтесь всего сейчас, на потом ничего не откладывайте. Работать, учиться, воровать, трахаться — все сейчас, все сразу! Думать об обеспеченной старости, конечно, тоже нужно. Но ведь до нее можно и не дожить! Представляете, как обидно помирать будет? Ха-ха-ха! Жизнь прошла, а ничего не попробовал. Как какой-нибудь Мцырь. Вы читали «Мцыря»? — депутат сделал ударение на последнем слоге...

— Про «Мцыря» вырезаем? — спросил камермен режиссера.

— Зачем? Пусть народ полюбуется на своего избранника, — Задославский пребывал в состоянии творческого экстаза...

После встречи с депутатом Ольга первой прошла в спальню, но ее задержала Дина.

— Что, подруга, и поговорить нам с тобой некогда?

— О чем нам говорить? — Ольга остановилась в дверях. — Между нами давно все сказано. Да и не подруги мы.

— Ну, гляди, тебе жить, — усмехнулась Дина. — А ведь я тебя предупредить хотела. Но раз тебе это не нужно, я пойду за компьютером посижу. Посмотрю рейтинг, кого из нас завтра вышвырнут. Надеюсь, это будешь ты!

Ольга снисходительно усмехнулась.

— А почему не ты? Мой рейтинг выше твоего, я только что проверяла.

Дину передернуло, и она со злостью прошипела сквозь зубы:

— А ты не боишься несчастного случая? Неужели ты на прошлом конкурсе ничего не поняла? Не стоило тебе становиться у меня на пути! — она отодвинула бывшую подругу плечом и направилась в тренажерную.

Ольга вошла в спальню и замерла. На наволочке ее подушки помадой, вынутой из ее же распотрошенной сумочки, было написано:

«Ты первая. Сегодня я зарезу тебя, как свинью».

Ольга перевернула подушку, чтобы не видеть надписи, и задумалась...

Ночью без пяти двенадцать Крюков заглянул в аппаратную. Похотливый Сережа сопел у экрана монитора — кто-то из девчонок принимал душ.

— Ну что, маньяк, все подглядываешь?

Сережа покраснел и стусевался.

— Нет, что ты. Я просто проверял, все ли в порядке. А то сейчас свет отключат.

Крюков вышел в коридор. Ему сильно не нравились эти ночные паузы. Не нравилось и подозрительное нежелание хозяев шоу поставить аккумулятор, чтобы не прерывать запись. Когда он обратился с этим предложением к продюсеру Сароеву, тот заявил, что полуночная пятиминутная пауза погоды не делает, а доставка мощного аккумулятора обойдется недешево.

В конце коридора послышались шаги. Крюков удивился. Весь свободный от смены персонал охраны был задействован внизу, провожая депутата Карпушкина. Он направился в конец коридора. Шаги стихли. Крюков ускорил движение. Когда он был уже у двери и собирался ее распахнуть, сработала интуиция: он спиной почувствовал опасность. Но повернуться не успел: потолок вдруг обрушился на него, и сыщик отключился...

Без сознания Крюков был недолго. Когда открыл глаза, то ничего не увидел. Ослеп? Но тут же с облегчением понял свою ошибку. Свет зажегся в ту же секунду. Значит, он пребывал в отключке минут пять-шесть. Капитан огляделся. Потолок был на месте. Просто он, как последний лопух, не заметил детской западни и получил сзади удар по своей, как выяснилось, недостаточно умной голове. Так ей и надо.

Нападавшего, естественно, и след простыл, только легкий специфический аромат продолжал витать в воздухе... Крюков нетвердой походкой направился назад, в аппаратную. Сережа продолжал наблюдение.

— Все в порядке? Ничего подозрительного нет? — хрипло спросил капитан младшего помощника камермена.

Тот с испугом оглянулся на него: вид у Крюкова был довольно помятый.

— Что с тобой?

— У меня все нормально. Что в клетке? Где Ольга?

Сережа ткнул пальцем в один из мониторов.

— Вот она.

Ольга полулежала на кровати в напряженной позе и механически листала книгу. Он посмотрел на остальные экраны. Анжела вышла из душа, Яго, как всегда, качал штангу, Лось сидел за компьютером, а Руслан холил по столовой от стены к стене, как тигр в клетке.

— А где Дина? — спросил Крюков.

— В интимном уголке, в комнате психологической разгрузки, — ухмыльнулся Сережа и чуть слюни не пустил. — Гляди, что вытворяет.

Дина с наушниками на голове исполняла то ли эротический танец, то ли комплекс аэробики. Из одежды на ней были надеты только короткая майка и трусики-стринги, состоящие из резинки и тесемок. Те, которые он порвал? Зашила, что ли? Голова гудела и не хотела соображать.

— Нет, ну ты смотри... — Сережа был вне себя от счастья.

— И давно она так? — спросил Крюков.

— Не очень, как свет дали.

— Что?!

Только теперь до Крюкова дошел смысл происходящего.

— Это же запись! — проревел он в лицо перепуганному и ничего не понимающему ассистенту и бросился в студию.

— Подъем! — зарычал он на скучающего от безделья охранника в коридоре.

Уголок психологической разгрузки снаружи не просматривался. Дверь в студию находилась с противоположной стороны. Крюков ударом ноги сокрушил зеркально-прозрачную преграду и ворвался в интимный закуток.

Дина лежала на полу, одетая в тренировочный костюм, раскинув руки. Ее белая спортивная куртка на уровне сердца была пробита чем-то острым. Ткань уже пропиталась кровью. Сам разрез был небольшим. Такое отверстие мог оставить стилет, похожий на тот, что Крюков когда-то в «Парусе» выбил из руки девушки. Тот самый, который сейчас должен был лежать в номере Крюкова на самом дне его спортивной сумки.

Глава четвертая Расследование

За широким мостом, переброшенным через Оку, начинался Мамаевский район Куликовской области. Относительно недавно, еще в XVI веке, здесь проходила засечная черта — фактическая граница Великой Руси, — и начиналось Дикое поле. Отсюда нападали на Москву и сопредельные княжества орды южных кочевников, считавших разбой и работоторговлю главным делом своей жизни. Не одну сотню лет монархия руками своих служилых людей — русских, немцев, украинцев и тех же татар — наводила здесь порядок: насаждала законность, строила дороги, мосты, обустроивала города и веси.

И Дикое поле стало житницей России, кормило полмира, пока крестьянское население его областей не вымерло в результате коллективизации и раскулачивания. Упадок и гибель Советской империи вернули ситуацию в ее исторические рамки. Снова за рекой воцарился беспредел.

Красный губернатор Куликовской области занимался построением коммунизма в отдельно взятом — собственном — подсобном хозяйстве. В Мамаевском районе что хотел, то и делал глава районной администрации, а точнее — удельный князь Расул Мартанов, в прошлом председатель колхоза-миллионера, Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета СССР. После вокняжения Мартанов много внимания уделил работе с оппозицией. Результатом этих усилий стало значительное расширение старого городского кладбища, где и обосновались ослушники.

Парадокс заключается в том, что Большой Расул смог победить на выборах только благодаря широкой поддержке народных масс. В последнее время местное население на себе почувствовало некоторое улучшение материального положения, так как администрация района производила доплаты, пусть даже мизерные, к нищенским пенсиям и зарплатам. Надо отметить, что Мартанов обладал всеми задатками харизматического лидера, что и помогло ему в свое время, при советской власти, закрепиться на этой земле.

Малый бизнес под контролем Мартанова также несколько оживился, и часть бизнесменов находилась в вассальной зависимости от своего сюзерена. Кроме того, еще задолго до наступления периода смуты он подтянул поближе к себе родственников с высоких гор и земляков из безбрежных степей Казахстана. Правда, всем видам деятельности они предпочитали торговлю наркотиками и паленой водкой, которую здесь же и производили. Не гнушались они также рэкетом и вульгарным грабежом. Сам Расул любил называть свой удел Мамаевым ханством и был недалек от истины.

Расул давно мечтал закрепиться на северном берегу Оки. Небольшой плацдарм для этого у него уже был. Возле въезда на мост, в границах города Приокска, существовал Заречный рынок, которым владел Мартанов. Торговали здесь главным образом жители Мамаевского района. Все были довольны. Жители Приокска имели возможность купить морковь и картошку по более низкой цене. Продавцов она вполне устраивала, так как у себя в Куликовской области они вообще ничего бы не продали. Так Расул получил возможность создать форпост на неприятельской территории.

Дохода от своего рынка он почти не имел: ему выгоднее было привлекать

народ низкими ценами и широким ассортиментом продуктов. Навар получал от торговли паленой водкой. Фуры шли через мост, разгружались на рынке, а оттуда мелкими партиями распространялись по Приокску и дальше. Бормана это сильно раздражало, но Расул исправно платил проценты в общак, и придраться к нему не было никакой возможности. Впрочем, если нельзя, но очень хочется...

Ранним утром через мост с мамаевской стороны двигался «КамАЗ» с затянутым тентом кузовом. Неожиданно из предрассветной полутьмы вынырнула фигура в мышинном милицейском мундире со светящимся жезлом в руках.

Машина приняла вправо, к бордюру, и остановилась. Водитель, носатый мужик весом в полтора центнера, приоткрыл дверцу кабины и наполовину высунулся наружу.

— Слушай, ты кто такой? Что надо, а? — с гортанным выговором крикнул он.

Инспектор подошел ближе и представился:

— Мастер спорта по пулевой стрельбе Славянофилов, отдел борьбы с мандариновой мафией, сокращенно мандамафией. Вылезай, если жить хочешь.

Свои слова он сопровождал скупым движением ствола, снабженного глушителем. Водитель замер в недоумении: до сих пор с гаишниками у него никогда проблем не возникало.

— Так тебе, может, переводчик нужен, чтоб ты понял? — сделав вид, что только теперь догадался, спросил лжеинспектор. — У меня как раз с собой переносной, наладонник.

Он дважды нажал на спусковой крючок. Тело водителя завалилось внутрь кабины.

— Теперь понятно? — спросил инспектор и полез в кабину.

Два новых хлопка возвестили о том, что экспедитора постигла та же участь.

«КамАЗ» тронулся, но направился вовсе не к рынку, где его с нетерпением ждали, а проследовал в промышленную часть города и сразу затерялся среди заводских построек...

По Заречному рынку, не спеша, шествовали молодые коротко стриженные люди с сильными руками шахтеров или сталеваров. Правда, мозоли на их ухоженных руках были набиты не кайлом или лопатой, а грифом штанги. Молодые люди ничего не покупали и не продавали. Они внимательно смотрели по сторонам и чего-то ждали. И дождались.

К одному из ларьков, в витрине которого одиноко пылились выцветшие рыбные консервы и пустые коробки из-под конфет, подошел постоянный покупатель. Сунув продавцу полсотни, он получил бутылку паленки и стал ждать сдачу. Вместо этого из ларька выкатился его хозяин, сверкая белками глаз на смуглом лице.

— Вах, шайтан-мамэ! Ишак вонючий, какой деньги давал!

Он размахивал в воздухе только что полученной от покупателя купюрой. Даже невооруженным глазом было видно, что бумажка напечатана на цветном ксероксе, причем очень неаккуратно.

Покупатель среагировал молниеносно. Он в мгновение ока сорвал с бутыл-

ки пробку, крутанул сосуд и принял позу трубящего горниста. В целом прозрачная, вернее, слегка мутноватая жидкость с невероятной быстротой устремилась ему в глотку.

— Вах! — ошарашенный продавец попытался вырвать свой товар у него из рук.

Но не тут-то было. Фальшивомонетчик вцепился в бутылку с нечеловеческой силой. С таким же успехом можно было бы попробовать вырвать кепку из руки бронзового Ленина.

— Ах ты, шакал!

Продавец утроил свои усилия, сопровождая безуспешные попытки вернуть неправомерно отчужденный товар пинками и затрещинами. Но обманщика это не смущало. Он проявил истинно русскую стойкость и, невзирая на град тумачков, не только допил водку, но и потряс бутылку, сцеживая в рот последние капли. Только тут он позволил себе заметить продавца и возвестил:

— Дрянь водка!

Тот опешил от такой наглости.

— Дрянь — не дрянь, давай настоящие деньги!

— Э, нет, — лукаво ухмыльнулся уже сильно окосевший покупатель. — Какой товар, такие и деньги. Водка фальшивая, и деньги тоже.

Произнеся эту тираду, он рухнул на землю. Тут же к продавцу подскочили молодые люди с мозолистыми руками, не говоря худого слова, принялись охаживать его кулаками и ногами по ребрам. Один из них все время в ходе этого занятия комментировал происходящее.

— Гады, суки! Покупателей обвешивают-обсчитывают, так еще и бьют! На ветерана руку подняли!

Лежавшему в луже собственной мочи «ветерану» на самом деле было не больше тридцати, но выглядел он на все девяносто. Тем не менее собравшийся народ принял проблемы алкаша близко к сердцу. В толпе раздались милые всякому русскому сердцу призывы бить чужих. Кое-кто уже перешел от лозунгов к делу и принялся опрокидывать крайние прилавки, невзирая на национальную принадлежность торгующих.

Со стороны административного корпуса появилась охрана рынка: крепкие горцы, предусмотрительно уклонившиеся в свое время от почетной обязанности сложить голову в священной войне с федералами. Было их немного, но все они были оснащены резиновыми дубинками и весьма решительно настроены. Менее организованная и невооруженная толпа погромщиков дрогнула и попятилась.

Но тут навстречу охране со стороны рыночных ворот двинулась другая сплоченная группа молодых людей. У этих борцов за справедливость тоже были сильные руки сталеваров, строителей, хлеборобов и врачей-хирургов.

Они шли твердым шагом, как на параде профессий. И каждый нес при этом свой инструмент. Строитель нес лом, хлебороб — нунчаки, предназначенные, как известно, для обмолота зерна, а хирурги поигрывали острыми ножичками. Наконец предводитель колонны, предположительно дирижер филармонии, взмахнул, как палочкой, бейсбольной битой — и противники с яростью бросились друг на друга.

Сражение приняло ожесточенный и затяжной характер. Участники мордобоя, покалеченные или исчерпавшие свой боевой ресурс, отползали на пери-

ферию схватки, где постепенно приходили в себя и начинали зализывать раны.

Кто-то из присутствующих просто, как древнеримский любитель гладиаторских боев, наслаждался зрелищем поверженных спортсменов, другие набивали сумки упавшим с прилавков товаром. Все громче стали раздаваться призывы позвонить в милицию...

Но городская милиция чуть ли не в полном составе в это время кучковалась возле «Башни смерти» или в ее коридорах. Особенно много серых мундиров скопилось на десятом этаже, где в это время и пребывал опер Крюков. Он сидел в свободной позе напротив молодого, но уже с заметной лысиной и мешками под глазами, унылого длинноносого типа. Барьером между ними служил небольшой журнальный столик, поскольку дело происходило в обычном гостиничном номере, занятом на время для нужд правоохранительных органов.

— Я следователь районной прокуратуры, фамилия моя Кибальчич, — представился длинноносый, поерзав в кресле, — вы предупреждаетесь об ответственности за дачу ложных показаний...

В последнее время, в связи с кадровой проблемой, следователями в милицию и прокуратуру стали брать даже специалистов с незаконченным высшим образованием. У этого на лацкане пиджака гордо сиял «поплавок». Совсем новенький, словно только вчера был получен.

— Вы знаменитому революционеру не родственник? — перебил его Крюков. — Который воздушный шар изобрел.

— Только не воздушный шар, а ракетный двигатель. Это был мой прапрадед, — гордо сообщил следователь. — По делу вопросы будут?

— Обязательно. В каком качестве меня допрашивают? Свидетеля или подозреваемого?

— Пока в качестве свидетеля, — многозначительно изрек Кибальчич-праправнук. — Все будет зависеть от ваших показаний.

— То есть я сам должен себе дело шить? Тогда, может быть, вы со мной зарплатой поделитесь, раз я за вас работать буду?

Следователь обиженно поджал губы.

— Не увиливайте, свидетель. Вы обязаны говорить правду.

— Но как подозреваемый я ее не обязан говорить, — стоял на своем Крюков.

— Вы пока еще свидетель, — не уступал следователь.

— Готов добровольно признаться.

— В убийстве? — обрадовался Кибальчич.

— Нет, — охладил его пыл Крюков. — Готов признать себя подозреваемым. Добровольно.

— Но... — следователь явно был в замешательстве. — В следственной практике такого не случалось...

Крюков был само дружелюбие. Только что по плечу следователя не хлопнул.

— Да какие проблемы, создадим прецедент.

Следователь некоторое время помолчал, собираясь с мыслями. Наконец он нашел Соломоново решение.

— Хорошо, вы можете не расписываться за дачу ложных показаний. Но допрошу вас я все-таки в качестве свидетеля. Где вы находились в момент совершения убийства?

— Вопрос интересный. Пишите. В момент совершения убийства я находился... Написали? Я находился в другом месте.

Следователь так и подскочил вместе со стулом.

— Что за шутки? В каком другом месте?

— Вы по рассеянности забыли сообщить мне время убийства, — охотно пояснил ему Крюков. — Но раз убийства я не совершал, то мог в этот момент находиться где угодно, только не на месте убийства. Что же тут непонятного? Еще что-нибудь хотите спросить? Нет? Я так и думал.

В гостиничный номер, превращенный на время в кабинет следователя, без стука вломился полковник милиции Сидоров. Запросто, по-хамски оттеснив следователя прокуратуры, он расселся в кресле и брезгливо заглянул в протокол. Потом, еще более брезгливо, посмотрел на Крюкова.

— Ну что, не колемся? «Крепкий орешек», часть четвертая. Придется доставить в отделение и поговорить там. Более плотно. Про допрос третьей степени слышал?

— Допрос в кубе? Оригинально. А я слышал, что в милиции не бьют, — доверительно сообщил полковнику Крюков.

— От кого, сынок? — в голосе Сидорова послышалось нескрываемое сочувствие.

— Не помню. А что, это секретная информация? По-моему в какой-то газете писали.

— Все газеты врут, — убежденно отрезал полковник. — Так что собирайся, едем с нами. Научим тебя правильно падать с лестницы.

— А допрос пятой степени не хотите попробовать? — предложил Крюков. — На меня действует безотказно.

— Как это? — заинтересовались оба правоохранителя.

Крюков снова озарил их улыбкой идиота.

— Элементарно! Ведро шампанского, кое-что из рыбной закуски, фосфором память освежить, полкило баксов и блондинку на полчаса. Только чтобы сиськи были с мою голову, не крупнее. После этого я расскажу вам все, что знаю или когда-либо знал. Мне кажется, идея хорошая.

Глаза полковника стали еще добрее и печальнее.

— Нет, сынок, не выйдет. У нас как раз шампанское кончилось. Зато привезли партию совершенно новеньких резиновых дубинок, армированных стальным стержнем. Освежают память лучше рыбы. И расскажешь ты нам даже то, чего не знаешь.

Дверь снова с треском распахнулась. Видимо среди представителей местной элиты такая манера входить считалась мериллом самоуважения и высокой культуры. На пороге стоял бывший полковник спецмилиции, ныне крупнейший городской криминальный авторитет Борман.

— Чем, блин, вы тут занимаетесь?! — загремел он. — Полдня прошло, убийца до сих пор где-то здесь лазит, а вы что делаете?

Полковник Сидоров немного обиделся, но виду не подал. В дом его друга и наставника пришла большая беда, и ему вольно было немного погорячиться. Но и запускать процесс не следовало.

— Мы тут как раз беседуем с молодым человеком по этому поводу.

Борман подошел ближе и придирчиво осмотрел Крюкова. Разве что в рот не заглянул.

— Беседуете? — ехидно скривился Борман. — А почему же у него все зубы целы и морда не побита? Будто я не знаю, как вы беседовать умеете! Короче, хорош фигней заниматься. Гони в шею этого придурка, — Борман кивнул на Крюкова, — и накопай мне хоть что-нибудь на Расула. Другая работа не оплачивается и в план по валу не засчитывается. Поняли меня?

Следователь молчал в стороне с видом пришибленной божьей коровки. Он понимал, что дискуссия определенно не рассчитана на его весовую категорию. Но Сидоров не сдавался.

— А ты знаешь, что это за фрукт? — теперь он, в свою очередь, кивнул на Крюкова.

Тот, непривычный к такому вниманию, готов был залиться девичьим румянцем, но передумал, так как не исключал перехода обсуждения из интеллектуальной плоскости в силовую.

— Кто же это? Киллер Соломоник? Просвети меня, дурака, — Борман с показным смирением опустился на стул у стены и приготовился слушать.

Сидоров прочистил горло и принялся обстоятельно излагать свою версию.

— Этот парень приехал из Москвы буквально накануне здешнего долбаного шоу и тут же сцепился с твоими ребятами в кабаке...

— И поэтому ты решил, что он киллер? — Борман смерил товарища презрительным взглядом. — Конечно, киллер именно так и поступил бы.

— Но зато сразу после драки его практически без проверки взяли охранником в этот балаган. За какие заслуги? А ведь вся охрана — люди Карпа.

— Что скажешь? — Борман уставился на Крюкова тяжелым немигающим взглядом.

Крюков пожал плечами.

— Во-первых, у них был недобор. За такие копейки безвылазно сидеть в этой коробке целый месяц без баб, без бухалова... Если бы я не был на мели, ни в жизнь не подписался бы. А во-вторых, я лицензированный охранник, так что проверку они проводили уже после приема. Во время испытательного срока.

— И сколько этот срок продолжался? — подозрительно прищурился Борман.

— Да он и сейчас еще не кончился. Меня в любой момент могут вышибить отсюда пинком под зад, — уведомил его Крюков. — А что касается какого-то Карпа, то я сейчас слышал о нем впервые. Кроме начальника охраны Бодрова и педика-режиссера, я тут никого не знаю.

— Все равно я ему не верю, — вставил слово Сидоров. — Я заберу его и поддержу у себя в отделе. Если не расколется, завербую в стукачи.

— Эх, Ваня, сколько лет под моим началом проработал, а ума так и не нашил! — съехидничал Борман. — Если он у тебя хоть сутки просидит, а потом выйдет, кто же ему после этого доверять станет? Смотри, как стукачей вербовать нужно.

Борман в упор посмотрел на Крюкова.

— Ты, парень, мне сильно не нравишься. Рожа у тебя больно хитрая, и полковник прав, что тебе не доверяет. Я тоже тебе не верю. К тому же у меня

большое горе. Говорят, физическая нагрузка хорошо снимает стресс. Так вот, через три дня я возьму лопату, своими руками вырою яму, и закопаю в нее либо тебя, либо убийцу, которого ты мне отыщешь. Живым закопаю. А сейчас свободен.

Крюков поднялся, чтобы выйти, но тут в дверь, согласно местной традиции, ворвался один из милицейских оперов, проводивших осмотр помещения студии. В его руках был небольшой пластиковый пакет ярко-красного цвета. Увидев высокое начальство, оперативник застыл в неловком ожидании, теребя пакет.

— Что там у тебя? — раздраженно спросил подчиненного Сидоров.

Тот протянул ему пакет.

— Нашли в вещах жертвы... — он смущенно замолчал. — Судя по всему, он из-под героина.

— И что дальше? — нахмурился Борман.

— По нашим данным, в таких пакетах был упакован исчезнувший груз наркотиков Большого Расула.

— Этого только не хватало! — заскрипел зубами Борман.

Тут он оглянулся и увидел Крюкова.

— Ты еще здесь? — проревел Борман. — Если тебе трех дней много, я могу сократить срок!

Не стоит, я, пожалуй, пойду, — пробормотал Крюков и пулей вылетел из номера.

События принимали совершенно неожиданный оборот...

Крюков направился в свою комнату. Первым делом он решил проверить мелькнувшую у него догадку. Он раскрыл сумку. На дно лезть не пришлось. Кинжал-стилет, отобранный им у Дины в ресторане, лежал прямо поверх других вещей. Только нерадивость и неторопливость проводивших обыск милиционеров помешала им обнаружить столь ценную для следствия улику. Клинок стилета был от острия по самую рукоятку покрыт запекшейся кровью.

Крюков знал, что его отпечатков на оружии быть не может, поэтому аккуратно закатал его в рулон старой газеты и осторожно выглянул в коридор.

До кабинета Бодрова он добрался без приключений. Открыть примитивный замок не составило труда. Не мудрствуя, Крюков опустил улику в ящик стола начальника охраны, потом скомкал ненужную газету и выбросил в окно.

— Нехорошо мусор в окна выбрасывать, — услышал он у себя за спиной голос своего временного шефа.

— Я могу повернуться и быть уверенным, что ты не выстрелишь? — как бы между прочим поинтересовался Крюков.

— Поворачивайся и садись в кресло. Только без резких движений.

Крюков не ошибся. В руке Бодрова был «ИЖ♦70», коммерческий вариант пистолета «Макарова». Дрянь пистолетик и патроны никудышные. Но на таком расстоянии даже из столь бесполезного прибора Бодров вполне смог бы превратить Крюкова в ситечко для чая.

— Подбросил мне свой ножичек? — спросил Бодров.

— Теперь это твой ножичек, — поправил Крюков. — Я, собственно, только вернул его тебе. К тому же на нем никогда не было моих отпечатков. Перед

тем как убрать его в сумку, я его тщательно протер и больше не трогал. Ты зря старался.

Кажется, Бодров был несколько разочарован этим сообщением.

— Но на нем остались следы крови Дины. И трассология всегда покажет, что это она убита именно этим оружием. Если бы его нашли в твоих вещах, вопросов у следствия не было бы.

— Значит, отпечатки я вытер, а клинок отмыть не догадался? — покачал головой Крюков. — За дурака меня держишь? Кроме того, ты хорошо знаешь, что Дину я не убивал.

— Почему это я должен знать? — изобразил удивление Бодров.

— А разве не ты послал этого дебила Бульдозера, помесь скунса с бегемотом? Прежде чем меня вырубить, он так набздел, что и без эксперта было ясно, чьих рук дело. Дину убили именно в это время. И я уверен, что ты знаешь убийцу.

— А хотя бы и так, — цинично усмехнулся Бодров.

— Почему не хочешь назвать?

— А сам-то как думаешь?

— Одно из трех, — начал перечислять Крюков. — Возможно убийца ты сам, что маловероятно. Скорее всего, ты видел убийцу и собираешься его пошантажировать. А может быть такой вариант. Убийца — человек твоего хозяина. Карпа, и тогда тобой руководит элементарная собачья преданность.

— А что ты понимаешь в преданности? — вдруг вскипел Бодров. — Тебя когда-нибудь вышвыривали за порог? И если кто-то тогда протянул мне руку, почему я должен быть неблагодарным? По-моему, уж лучше быть собакой, чем свиньей!.. Но это еще не значит, что ты угадал. Просто я постарался объяснить тебе свои принципы.

— Спасибо, — не вставая, поклонился собеседнику Крюков. — Тогда откровенность за откровенность. Если ты все-таки захочешь срубить капусты по легкому и заняться шантажом, советую еще раз подумать. Я не знаю, кто убийца, но уверен — он тебе не по зубам. Будь осторожен.

— Ты о себе думай, а со своими проблемами я сам как-нибудь разберусь, — резко оборвал его Бодров, но пистолет все же убрал.

— Договорились. — Крюков поднялся из кресла. — А Бульдозеру передай, что, если попадется мне на глаза, я его покалечу.

— Передать нетрудно, трудно поверить, — насмешливо прищурился Крюков.

— Он поверит, потому что знает это. И боится.

Крюков вежливо кивнул и вышел. Бодров ему не препятствовал.

В обращенном в кабинет гостиничном номере следователь прокуратуры Кибальчич нервными шагами выписывал окружность за окружностью, время от времени меняя вектор движения. В центре этого заколдованного круга восседал в кресле полковник Сидоров. Кибальчич отнесся к порученному делу более чем серьезно. На ходу он уткнулся своим удлинненным носом в расчерченный лист бумаги с именами подозреваемых, отчего все время натыкался то на шкаф, то на стол, то на прочие элементы интерьера.

— Я допросил всех свидетелей. Подозревать можно любого, алиби нет ни у кого... — сказал он, не прерывая коловоращения.

— Подозревать всех — значит не подозревать никого, — заметил Сидоров. — Ладно, так что ты там накопал?

— Вот возможные версии преступления, — бубнил следователь. — Первая: Бурмина убита своей подругой Ольгой Ланской. Кстати, обе употребляют или употребляли наркотики.

— Причина?

— Зависть и ревность. Обе участвовали в конкурсе красоты. Ланская победила, но корону вручили Бурминой. Ваш друг постарался для дочки... Кх-м.

Следователь замолчал, не зная, как продолжить. Полковник устало махнул рукой.

— Продолжай, чего заткнулся?

Следователь возобновил свое орбитальное движение по комнате и вернулся к чтению записок.

— В этот раз Ланская твердо решила победить, об этом говорят свидетели. Она вполне могла убить Бурмину.

Полковник скептически покачал головой.

— Может быть, и могла. Но вряд ли. Слишком просто. Давай дальше.

— Бурмину мог убить Руслан Мартанов по заданию отца. Чтобы отомстить Борману за похищение наркотиков.

— А разве доказано, что наркотики Большого Расула похитил Борман? — насутился полковник.

Следователь пожал плечами.

— Мартанову доказательства не нужны. Он и без них уверен, что груз украл Борман. Кроме того, Руслан, как бы это сказать, равнодушен к Ольге Ланской. Так что оснований ненавидеть Дину Бурмину у него было предостаточно. Опять же, южный человек, кровь горячая...

Полковник пожевал губами и задумчиво закатил глаза.

— Это уже лучше, но тоже не убедительно. Факты давай!

— Фактов нет, — бодро отрапортовал следователь. — Орудие преступления не найдено. У остальных членов группы видимых вроде бы мотивов не имеется, но нельзя исключать...

— Нельзя исключать, вроде бы! Одни туманные догадки, да намеки. А что-нибудь конкретное у тебя имеется, чтобы пощупать можно было? — раздраженно перебил Кибальчича Сидоров.

— Вот, — следователь протянул полковнику бумажку.

— Что еще такое?

— Записка. Была найдена в кармане убитой.

Полковник развернул ее и прочитал:

«Приходи в психоразгрузочную перед отключением света».

— Кто писал? — рявкнул он.

— Устанавливаем, — заверил его Кибальчич. — Предварительное, сличение почерка указывает, что писал Яков Ягужинский. Экспертиза покажет.

— Тьфу ты, — полковник грязно и цинично выругался. — Подотришь своей бумажкой или в жопу себе ее засунь. Знаешь, кто такой Ягужинский? Это мой агент. Чтобы из наших ментов близко к нему никто не подходил! А с запиской я сам разберусь, — тон его не допускал возражений.

Он встал и убрал бумажку в карман.

— Значит так, — подвел итог полковник. — Всех под домашний арест.

Съемку прекращаем, никого из гостиницы не выпускать. С прокурором я все улажу. Тряси каждого. Не верю я, что этот москвич даже под страхом смерти кого-нибудь найдет. А найдет, тем хуже для него. Понял мою мысль? Тогда я поехал, ты остаешься за старшего.

И полковник Сидоров покинул «Башню смерти».

После разговора с начальником охраны Крюков прошел в студию. Съемка завершилась, здание гостиницы было оцеплено милицейскими патрулями. Следователь объявил всем участникам шоу, съемочной группе и обслуживающему персоналу, что все они не имеют права никуда уезжать вплоть до особого распоряжения.

Режиссер Задославский пришел в неопишущую ярость и добился, чтобы две камеры оставили включенными для трансляции происходящих событий хотя бы в Интернете.

После выяснения отношений все разбрелись по разным углам. Общаться друг с другом ни у кого желания не было. Ольга отозвала Крюкова в сторону.

— Я должна тебе признаться, — тихо сказала она. — Это я виновата в смерти Дины.

— Не понял, — удивленно вскинул брови Крюков. — Ты ее убила?

Ольга горячо запротестовала.

— Нет, что ты, я ее не убивала! Просто ее убили вместо меня. Понимаешь, я получила записку.

— От кого?

Ольга пожала плечами:

— Понятия не имею. Почерк корявый, похож на каракули Яшки. Там было написано, чтобы перед выключением света я зашла в комнату психологической разгрузки. Я бы зашла, но у нас с Динкой произошел разговор... Короче, она угрожала мне. Ну, а я подбросила записку ей, чтобы она поняла, что ее хитрость раскусили. А она и пошла.

Получается, что к записке она отношения не имела? — уточнил Крюков. — А ты где была в это время.

Ольга замаялась, признание давалось ей с трудом. Крюков это почувствовал.

— Не хочешь, не говори, — предложил Крюков.

Но Ольга решила. Она закатала рукав. Рука ниже сгиба локтя была испещрена точками от уколов.

— Когда они свет отключали, я кололась. В другое время не получается, камеры работают.

— А без этого нельзя? — нахмурился Крюков.

— Поздно. Я давно в системе, — неохотно призналась Ольга.

— И Игнат знал?

— Знал. Он мне и помогал доставать...

— А здесь у кого брала?

Ольга снова замолчала. Потом все-таки переборола себя.

— Немного у меня с собой было, а потом... Динка поделилась. Она хоть и стерва была, но понимала, что такое ломка. Царствие ей небесное.

Крюков напрягся.

— А ты не видела, откуда она вынимала наркоту? Не из красного пакета?

— Из красного, — подтвердила Ольга. — А ты откуда знаешь?

Они не заметили, что Руслан стоял за перегородкой и внимательно прислушивался к их разговору. Услышав про красный пакет, не выдержал и подскокил как ошпаренный.

— Вах! Отец в красные пакеты товар наковал! Который эти шайтаны украли! — он прямо-таки застонал от ярости и выбежал из помещения.

Крюков и Ольга проводили его взглядами.

— Хреново получилось, — покачал головой Крюков — и боюсь, что будет еще хреннее. Войной пахнет.

На дальнем конце Заречного рынка, принадлежавшего Расулу Мартанову, стояла неказистая шашлычная «Караван-сарай». Этот край рынка не пострадал при погроме, в нем и назначили стрелку два местных авторитета — Расул и Борман. После погрома рынок был закрыт, шли ремонтно-восстановительные работы. Здесь встрече авторитетов не мог бы помешать никто, кроме них самих.

В назначенный час к мосту через Оку, возле которого располагался рынок, подъехала вереница машин, из которых повылезали боевики Бормана. Сам Борман прибыл следом. Его сразу окружили избранные телохранители под командой Лося, выпущенного по такому случаю Сидоровым из-под домашнего ареста в «Башне смерти». На почтительном расстоянии рынок оцеплял милицкий кордон, также переброшенный полковником от гостиницы. Присутствие милиции должно было гарантировать стороны от немедленного начала боевых действий.

Большой Расул уже ожидал Бормана в «Президентском зале» шашлычной. Невзрачное строение скрывало в своих недрах помещение, в котором и в самом деле не стыдно было бы принять президента страны. Зал был обставлен с восточной роскошью. Резная мебель и панели на стенах были отделаны золотом.

При появлении гостей Расул даже не потрудился изобразить восточное гостеприимство или проявить хотя бы элементарную любезность. Он лишь нетерпеливым жестом указал вошедшим на их места за большим столом напротив себя. С каждой стороны присутствовало по пять человек. Вопреки обычаю, застолье сегодня не предполагалось.

Когда все расселись, слово взял хозяин. Расул сразу же перешел к основному.

— Дело зашло слишком далеко, — заявил он. — Твои быки в конец оборзели! Меня ограбили, и меня же теперь загоняют в угол! Наркоту сперли, машину водки угнали, людей убили, рынок разгромили. А теперь я виноват? Нет, Борман, это полный беспредел!

Борман с жаром возразил:

— Да сколько можно говорить, что не брал я никакого твоего товара и никаких бабок! Я хотел только немного напрячь вас с Карпом, потому что вы крутите свой бизнес на моей земле.

— Значит, я сам себя ограбил? — ехидно подбоченился Расул.

Борман тоже вскочил.

— А почему бы и нет? Для тебя что, «угол от лимона» — совсем не деньги? И Карп тоже допускает такой вариант. Мог ты его кинуть? Мог. И меня заодно

подставить. Ты на мой берег давно зубы точишь. Так что тебе это выгоднее всего. Это называется провокация. И то, что мою дочь убили, лучшее этому доказательство. И никто пока не доказал, что ты к этому непричастен. Так что мое мнение остается прежним. Это или ты, или Карп. Тот тоже хитрый, как хорек. Он может и нас лбами столкнуть, чтобы потом на свободное место прийти.

Расул некоторое время сидел, уставившись в пол. Наконец поднял глаза на Бормана и заговорил с ним, как с упрямым больным, который не хочет пить горькое лекарство.

— Пойми, Борман, мне не товара жалко. Для меня не то, что четверть лимона, и лимон — копейки. Я — Большой Расул! Но за мной стоят люди, которые еще больше меня. Я их очень уважаю. Что я им скажу? Что не могу контролировать свой отрезок доставки? Ты хочешь, чтобы я лицо потерял?

Борман насупился.

— Ты его и так потерял, когда мою дочку убил.

Расул возвел глаза к потолку и поднял руки ладонями кверху, как бы призывая Аллаха в свидетели.

— Чем хочешь поклянусь. Дину я не убивал и огорчен ее смертью так же, как и ты. Тебе же хочу сказать вот что: ты хочешь проглотить чужой кусок. Смотри, не подавись.

— Пугаешь? — Борман угрожающе нахмурил брови. — Окопался на моем берегу и меня же пугаешь? Да ты, Расул, совсем с ума съехал. Знаешь, сколько со мной людей приехало? Я только свистну, и тут...

— Не надо свистеть, денег не будет, — тихо произнес Мартанов. — Перед тем как сделать необдуманный шаг, сначала оглянись.

Он щелкнул пальцами, и словно эхо в темных углах зала в ответ раздались звонкие металлические щелчки. Борман похолодел. Он хорошо знал природу этих звуков. Такие щелчки издают взводимые курки пистолетов и затворы автоматов. Судя по количеству звуков, противников было раза в два больше, чем приехавших с Борманом бойцов. К тому же они со всех сторон плотным, хотя и невидимым кольцом окружали людей приокского авторитета.

Борман усилием воли заставил себя гордо выпрямиться. От его самообладания сейчас зависела жизнь и смерть не только его самого, но и многих людей. Максимально твердым голосом, на какой только был сейчас способен, он произнес:

— Дорогой Расул, надеюсь, ты не хочешь убить меня прямо здесь? Рынок окружен ментами, поэтому у тебя могут возникнуть очень серьезные проблемы.

Мартанов гордо поднялся и бросил с презрением: Здесь ты был моим гостем. Я не собирался тебя убивать, просто показал тебе свою силу. Но отныне хочу предупредить тебя. Веди себя осторожнее. Малейший наезд на меня или моих людей я буду расценивать как объявление войны. И тогда не жди пощады.

Борман не мог не оставить за собой последнего слова.

— Позволь алаверды ответить тебе тем же. Как говорили в старину на Сицилии: «Берегись, я берегусь». Но первым я не начну.

— И я не начну, — заверил присутствующих Большой Расул. — И пусть проклятье падет на голову того, кто первым прольет чужую кровь.

На этом авторитеты расстались. И хотя стрелка обошлась без кровопролития, все понимали, что война объявлена. Оставалось ждать повода. И снова взгляды невольно обращались к «Башне смерти», потому что беды следовало ждать именно оттуда...

Смеркалось. Над «Башней смерти» собирались тяжелые тучи и в буквальном, и в переносном смысле. Начальник охраны медленно прогуливался по коридорам вверенного ему объекта. Он знал, что Карпушкин будет им сильно недоволен. А если узнает о его маленьком бизнесе, сразу убьет на месте. Но эта игра стоила свеч.

Постановлением прокурора телевизионное шоу было приостановлено на неопределенное время. Одна из камер нелегально продолжала работать на Интернет, но и то нерегулярно.

Участники шоу разбрелись по студии. Кто с утра до вечера торчал в тренажерной, кто в компьютерной. Старались избегать только комнаты психологической разгрузки.

Съемочная группа держалась отдельно, ближе к аппаратной. Охрана нервничала, пытаясь определиться — кто же они теперь? Сторожа или арестованные? Милиция на этаже больше не появлялась, но внизу, в вестибюле, находились посты охраны и наблюдения.

Начальник охраны вошел в туалетно-душевую секцию. Прошел вдоль кабинок, открывая двери. Везде пусто. Только в одной шумела вода. Он подошел и осторожно стукнул.

— Это я. Здесь больше никого нет. Из телекамер работает только одна, и ту я временно обесточил. Так что скажешь? Я могу заложить тебя в любой момент.

— И чем ты это докажешь? — за шумом воды голос из кабинки был еле слышен.

Кому? Борману? Ему не нужны доказательства. Ему нужно только имя убийцы. И я могу его назвать. А ведь это еще не все, что я про тебя знаю. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— И что ты хочешь за свое молчание? — усмехнулся он.

— Денег, конечно. Меня столько раз за последнее время имели, что я уже счет потерял. И в конторе, да и у Карпа. Теперь у меня есть возможность поиметь тебя. Глупо ей не воспользоваться.

— И сколько ты хочешь?

Бодров наморщил лоб, прикидывая.

— Вы взяли на четверть лимона героина и столько же баксами. Думаю, полтора ста штук баксов — это нормальная цена. Остальное можете тратить как хотите.

Шум воды прекратился. Дверка кабины приоткрылась.

— Зайди. Не будем же мы орать на всю студию. В принципе я не против, но надо обсудить детали.

Начальник охраны огляделся по сторонам, открыл дверь душевой и шагнул кабинку...

Крюков болтался по этажу без видимой цели.

— Бодрова не видел? А то моя смена, а я не знаю — мы тут еще работаем или уже срок мотаем? — спросил он камермена Сережу, встретив его возле ап-

паратной.

— Хрен его знает, твоего Бодрова! — раздраженно бросил тот. — Я камеру на душ настроил, а он где-то провод перерубил. Ни фига теперь не пашет.

Крюков заглянул в студию. В столовой сидели и что-то горячо обсуждали Анжела и Ольга.

— А где остальные? — поинтересовался у них Крюков.

Анжела пожала плечами, прервала разговор и направилась в спальню. Ольга двинулась за ней.

— Понятия не имею, никого не видно. Я бы с радостью все бросила и убралась вон. Знаешь, мы пришли к выводу, что нам отсюда живыми не выйти!

— Бред собачий! — возмутился Крюков. — Я сейчас расставлю ребят, они будут вас охранять всю ночь. Плевать мне на режиссера и на Бодрова. Мне приказа на дембель пока никто не зачитывал. Кстати, ты Бодрова не видела?

Ольга попыталась припомнить.

— Кажется, с полчаса назад заглядывал в столовую. Как будто искал кого-то. Ненавижу этого тупого солдафона!

— Ладно, иди спать. И старайтесь держаться все вместе. Особой опасности, в общем, нет, но все-таки так будет спокойнее. Мне бы хотелось еще раз зайти к тебе в гости.

Ольга улыбнулась и провела ладонью по его щеке.

— Обязательно, если только... Если мы отсюда выберемся. — Она повернулась и ушла.

Крюков направился дальше, стараясь вспомнить, что там говорил этот извращенец Сережа? Будто кто-то испортил камеру в душевой? Точно!

Крюков бросился в душевую. Бодрова он увидел сразу. Вернее, только его ноги, само тело лежало, скрючившись, в кабинке. Крюков подошел ближе. Кран был открыт и вода лилась прямо на открытые глаза мертвого начальника службы безопасности. Кровь из небольшой ранки на виске смешивалась с водой и текла в отверстие стока.

На подошве ботинка убитого белел клочок бумаги. Крюков нагнулся и рассмотрел его. Это была записка. Мокрая бумага прилипла и частично расползлась, но Крюкову удалось разобрать несколько слов. Там значилось:

«Приходи в душеву...».

Конец записки был оторван. Крюков сунул ее в карман и направился к выходу. Почему-то он был уверен, что это не последнее убийство, продолжение воследует...

Глава пятая

Новое убийство

Следователь прокуратуры Кибальчич — черной молнии подобный — метался по этажам гостиницы. Оперативно-следственная группа уже заканчивала работу на месте очередного убийства. Труп начальника службы безопасности Бодрова увезли. Крюков спустился вместе с милицией вниз и вышел на улицу. Народу вокруг «Башни смерти» поубавилось, но все же количество зевак продолжало вызывать удивление.

Возле ларька с горячим питанием он увидел участкового Чапаева. Тот сидел за столиком и как раз собирался раздавить свою утреннюю чекушку. На суету вокруг и представителей руководства он внимания не обращал.

Крюков взял бутылку пива и сел рядом. Пожав коллеге руку, участковый предложил:

— Примем по маленькой?

— Нет, спасибо. Мне нельзя, — покачал головой Крюков.

— Почему? — удивился участковый. — Начальника же твоего больше нет, спрашивать с тебя некому.

— На работе не пью, — твердо сказал Крюков. — А работа не закончена.

— Кого-то еще завалить собираешься? — хитро прищурился Чапаев. — Ладно, не обижайся. Шучу. Я знаю, что это не ты.

Он все-таки плеснул граммов пятьдесят в пластмассовый стакан и придвинул его сыщику.

— Пей, не выделывайся. Считаю, что пьешь с агентом. С целью получения оперативной информации. Я же тебя насквозь вижу. Опер опера по запаху чувствует. Давай, за нас, мусоров поганых!

Крюков выпил, не поморщившись. Закуски не полагалось, а запивать он не любил. Он залюбовался тем, как участковый цедит сивуху.

Нигде в мире не пьют так, как у нас. Там, на культурном Западе, утонченные европейцы изо всех сил пытаются придать любому крепкому пойлу приятный вкус, цвет и запах, они вкушают алкоголь с обязательными церемониями, как китайцы свой чай. И к тому же в гомеопатических дозах. Об азиатах вообще речь не идет — им чуждо упоение в бою с алкоголем.

У нас же все наоборот. Чем крепче, тем должно быть противнее! Человек пьет, вернее, глотает порцию обжигающей вонючей жидкости, и тут начинается самое главное, из-за чего, собственно, все это и предпринималось: борьба с собственным организмом. Слабая плоть пытается отторгнуть принятую отраву, а нестигаемый дух вкупе с могучими усилиями воли гонят ее назад в недра желудка. Во рту воняет, как в слоновнике, горло горит, но плохо очищенный спирт приятно согревает желудок, торопливо всасываясь в кровь... Схватка может продолжаться достаточно долго и не всегда заканчивается победой разума над естеством. Да-с, некоторые блюют! Но зато когда «вес взят», сколько искренней радости приносит человеку ощущение одержанной победы. И никто ее у вас не отнимет! Это и есть подлинный момент истины. Все иные — от лукавого.

Примерно эту игру страстей наблюдал сейчас Крюков на лице участкового. Когда тот наконец победил рвотные позывы и умиротворенно расслабился,

Крюков счел возможным поинтересоваться:

— Ты знаешь, что убийца — не я. А кто?

Чапаев усмехнулся и указал на пробежавшего мимо них следователя Кибальчича.

— У него спроси. Моя работа — профилактика правонарушений. Контингент у меня — алкаши и проститутки. И то, только те, которые на улице. Внутри гостиницы меня не пускают. Особенно сейчас. Так откуда мне знать, кто там всех мочит? Одно скажу твердо. Найдешь того, кто наркоту спер, найдешь и своего убийцу.

— Да, — согласился Крюков, — кто шляпку стырил, тот и старушку шлепнул. Я вот о чем хочу спросить: начальника охраны, которого ночью убили, ты знал?

— Как вам сказать, коллега? — Чапаеву сейчас только пенсне не хватало: бывший опер явно пребывал в хорошем настроении, грех было этим не воспользоваться. — Видел я его несколько раз, когда он от Карпа за наркотой приезжал. Говорят, в Конторе когда-то работал, да чем-то не угодил. Вот Карп его и подобрал. И сюда его затем прислали, чтобы он пропавший товар нашел.

— А за что убили, как думаешь?

Чапаев налил себе остатки сивухи, поднял стакан и посмотрел на свет.

— Какая гадость! — вздохнул он. — А? Да... Может, за то и убили, что он что-то нашел? Кто же теперь разберет? Концы в воду.

Крюков задумался. Пока он не мог составить четкой картины происходящего, не хватало данных.

— Как его убили, не знаешь? — спросил он участкового.

— Вроде чем-то острым в висок ударили.

— Типа стилета?

— Может быть, и так.

Неподалеку от них с визгом затормозил темно-зеленый «Ягуар», из него выскочил продюсер Сароев. Он был растрепан, обрамлявшие лысину черные патлы не были собраны, как обычно, в косичку, а бессистемно свисали на уши и шею.

Навстречу ему со стороны гостиницы уже торопился режиссер Задославский. Крюкова удивила разница в их настроении. Режиссер сиял, как новенькая монетка евро, продюсер же метал громы и молнии. Он и начал беседу:

— Что ты лыбишься, придурок? Шоу накрылось медным тазом! Спонсоры меня убьют, а потом по кускам растащат! Но сначала я убью тебя, это будет единственным моим утешением!

Задославский ничуть не испугался его угроз.

— Напротив! — восклицал он. — Все идет самым лучшим образом. Ты же хотел пауков в банке, и ты их получил. И мы не ошиблись. Рейтинг программы вырос в десятки раз! Все завалено письмами — когда возобновите программу? В Интернете уже делают ставки — кого убьют следующим? Второй тотализатор — кто убийца. Идем, я тебе все покажу!

И Задославский чуть ли не силой утащил продюсера в гостиницу.

Крюков и Чапаев переглянулись.

— Вот оно, значит, как? Пауков в банке им нужно, — процедил сквозь зубы Чапаев.

Крюков ничего не ответил, кивнул на прощанье участковому и, оставив

недопитое пиво, направился следом за организаторами шоу...

В столовой секции студии собрались все участники шоу, съемочная группа и даже сотрудники охраны. Заметив Ольгу, Крюков отозвал ее в сторону.

— Что тут за праздник?

— Не знаю. Задосладкий сказал, что шоу скоро продолжится. Без Динки. Лось, наверно, тоже уйдет. Он же был здесь из-за нее.

— А разве убийцу уже нашли? — удивился Крюков.

— Боюсь, что и не найдут, — вздохнула Ольга.

Их разговор был прерван взрывом радостных криков.

— Торт! Торт принесли!

— Как будто здесь никого и не убивали, — с осуждением заметил Крюков, но вслед за Ольгой направился к столу, вокруг которого столпились все присутствующие.

Посреди стола возвышалась большая высокая коробка. Режиссер Задославский торжественно снял с нее крышку. Торт был подлинным произведением кулинарного искусства. По форме он представлял собой макет здания гостиницы. Белоснежная башня возвышалась над белой поверхностью. В шоколадных окошках виднелись фигурки людей. Режиссер взял большой нож и повернулся к включенной видеокамере.

— Сегодня, сейчас мы открываем новый этап в работе нашей шоу! — провозгласил он и вонзил нож в сладкую плоть.

Жуткий крик девушки из съемочной группы заставил всех вздрогнуть. Из-под ножа Задославского ударила упругая струя тягучей красной жидкости. Скорее всего это был сироп, но на присутствующих он произвел впечатление крови. Такая же липкая жидкость вдруг медленно потекла из шоколадных окошек гостиницы по белоснежным стенам. А на поверхности у основания сладкой башни проступили буквы: «Привет от «Башни смерти»! Кто следующий?»

Ошарашенный не меньше остальных режиссер стоял с перепачканным в красном сиропе ножом. Красные капли усеивали его лицо и свитер. Он повернулся к стоявшему рядом продюсеру.

— Сароев, это твои штучки?

— С какой стати? — возмутился тот.

— Но ведь торт привез ты!

— Мне его передали сегодня утром. Сказали, что это твой заказ, — оправдывался продюсер.

— А если бы тебе бомбу передали и сказали, что это для меня? — не унимался режиссер.

Крюков стоял в стороне, чтобы не попадать в объектив камеры. Поэтому он сразу заметил, что Яго боком вылез из толпы и скрылся в коридоре. Крюков осторожно двинулся за ним. Яго зашел в свой спальный модуль. Он вышел оттуда буквально через минуту и торопливо двинулся по коридору, часто при этом оглядываясь.

Преследовать его в длинном и прямом пустом коридоре было невозможно. Он сразу заметил бы слежку. Поэтому Крюков решил порыться в его вещах. Он подошел к тумбочке Яго и раскрыл ее. Осмотр верхней полки не дал сколько-нибудь интересных результатов. Зато в дальнем конце нижнего отделения Крюкова ожидала ценная находка — пейджер. Для чего он ему понадобился

здесь, в его временном заточении? Скорее всего. Яго ждал какого-то сигнала. А почему теперь он оставил прибор в тумбочке? Потому что этот сигнал получил! И поспешно отправился исполнять чье-то приказание. Крюков залез в память пейджера: ему повезло. Яго торопился и не стер запись. На дисплее значилось:

«Жду через пять минут в корпусе «В». Сторож».

Корпус «В» был тем самым соседним зданием, с крыши которого в Ольгу стрелял снайпер.

Крюков не знал, каким именно путем пойдет туда Яго, но сам решил воспользоваться тем же проходом, что и в прошлый раз. К его удивлению проход оказался закрыт. На двери висел навесной амбарный замок. Он бы справился с ним без особого труда, но проблема была в другом. Замок висел с обратной стороны, и чтобы добраться до него, сначала пришлось бы выломать дверь.

Крюков спустился вниз, но здесь его остановил постовой милиционер.

— Вы куда?

— В соседний корпус, — объяснил Крюков.

— Это запрещено, — категорически заявил страж порядка. — Вернитесь в расположение вашей группы.

Несмотря на молодость, настроен парень был крайне решительно, и Крюкову осталось только подчиниться. Он вернулся на десятый этаж. Теперь здесь царило уныние. Общество понемногу расплодилось по сегментам игрового модуля. Режиссер с продюсером отбыли, Яго отсутствовал. Телевизионщики отправились к себе.

Крюков подошел к Ольге.

— Что тут было интересного без меня? Я ничего не упустил?

— Только торт, — улыбнулась она. — Очень страшный, но ужасно вкусный. Тебе уже не осталось.

— А где красавец Яго? Ты его не видела?

Ольга указала на тренажерную.

— Качает мышцы. Зашел, сожрал самый большой кусок торта и свалил. Зачем он тебе?

Отвечать Крюкову не пришлось. Резкий крик Руслана заставил присутствующих обернуться в его сторону. Мартанов-младший заседал на невозмутимо сидевшего на краю стола Лося. Начало их конфликта Крюков упустил, но его развитие было весьма драматичным.

— Вы все ишаки необрезанные! — орал Руслан. — Когда отец узнает про красный пакет, который у твоей суки нашли, он всех за яйца повесит! Все, как она, подохнете!

Лось, не вставая с места, схватил со стола вилку и швырнул Руслану в голову. Тот уклонился, и столовый прибор, просвистев в паре сантиметров от его головы, вонзился в декоративную панель стены студии. Руслан завизжал что-то нечленораздельное, схватил нож, которым Задославский резал торт, и бросился на врага.

Двое охранников, сидевших тут же, вскочили и отпрянули в разные углы комнаты. Неожиданно Анжела повернулась к дерущимся, подхватила освободившийся стул одного из охранников и поймала руку Руслана, вооруженную ножом, между металлических ножек. Резкое движение, хруст и звон. Нож отлетел в сторону, а Руслан с воем схватился за локоть.

Анжела резко повернулась, перехватила свое оружие двумя руками и резким ударом в челюсть ребром спинки стула смела Лося на пол. Некоторое время он лежал на лопатках, растерянно моргая, под тихие подвывания своего противника.

— Вот так и сидите, уроды, если по-хорошему вести себя не умеете, — презрительно бросила им Анжела и вышла из столовой.

Охранники, вспомнив о своих обязанностях, бросились то ли разнимать бойцов, то ли оказывать им первую помощь. Крюков не стал вмешиваться и направился к себе.

Всю ночь педантичный Кибальчич донимал обитателей «Башни смертно бесконечными допросами, и теперь Крюков мечтал только об одном — выспаться.

Он отправился в свой номер, предоставленный ему администрацией шоу.

Буквально рухнув на постель, капитан неожиданно отметил, что подушка на сей раз была более жесткой, чем обычно. Под ней оказалась видеокассета. Как ни хотелось сыщику спать, но пришлось взять черную коробочку и тащиться в пустующий номер режиссера, где стоял телевизор с видеомagneфоном. Он не счел возможным воспользоваться аппаратной. Раз кассету подсунули под подушку, она могла содержать интимную информацию.

Информация на кассете была более чем интимной. Она была компрометирующей. И компрометировала она не кого иного, как Крюкова. Да еще как! Спать мгновенно расхотелось.

Сначала он увидел себя на экране телевизора в плотском совокуплении с Диной, ныне покойной. Выглядели они неплохо, но существовали персоны, которым это могло не понравиться. Например, Борман или его любимчик Лось. Ну и, возможно, Ольга. Затем Крюков снова увидел себя, достающего из сумки окровавленный стилет. И, наконец, он выходит из душевой секции, а камера выхватывает ноги невинно убиенного начальника службы безопасности Бодрова, торчащие из кабинки. Это было похлеще сексуальной оргии. Попади кассета в нужные руки, и все его проблемы останутся позади, вернее, их у него не останется совсем. За него все решат другие, причем очень быстро.

Оставалось выяснить, кто и зачем все это записал, и чего этот неизвестный хочет от него, Крюкова? Ни на самой кассете, ни в коробке пояснений он не нашел. Оставалось только ждать. Когда нужно, Крюков становился фаталистом. С такими мыслями он и вернулся к себе...

Дверь в номер Крюкова распахнулась. Не оборачиваясь, по манере исполнения, он догадался, что это милиция. Это был не самый плохой выход.

— Ты Крюков? — прорычал медвежий бас. — Полковник Сидоров тебя вызывает. Пошли.

Видом посланник напоминал скорее гориллу в звании сержанта милиции, чем медведя. Крюков положил кассету в сумку и проследил за взглядом Кинг-Конга в погонах. Тот не проявил ни малейшего желания завладеть столь важной уликой.

— Чего там у тебя, порнуха? — осклабился он.

— В общем, да, порнуха. А еще фильм ужасов, — признался Крюков.

— Дашь посмотреть?

— Обязательно, — заверил Крюков могучего стража. — Только попозже, я

еще сам не досмотрел. Пошли?

Они двинулись по коридору к номеру, превращенному Кибальчицем в следственный кабинет.

Полковник Сидоров ждал Крюкова с нетерпением.

— Ну что? — спросил он, не дав Крюкову ни войти, ни сесть. — Борман тебе срок отмерил, который кончается. Закопает тебя старик, он шуток не понимает. Что скажешь?

Крюков развел руками.

— Я могу пойти к Мальчишу-Кибальчишу и признаться в убийстве. Тогда меня, по крайней мере, не закопают.

— Это не выход, — Сидоров загадочно улыбался. — Борман тебя и в камере достанет.

— У вас имеются другие предложения? — не стал скрывать заинтересованности Крюков. — Готов рассмотреть в порядке поступления.

— Не остри. Я тоже шуток не люблю, — посуровел лицом полковник. — А предложение у меня к тебе такое. Ты помогаешь мне оприходовать Расулова сопляка, а я тебе — выбраться отсюда живым и, по возможности, здоровым.

— Так это что, он убил Дину и Бодрова? — изумился Крюков.

Такое простое решение как-то не приходило ему в голову.

Полковник рубанул кулаком по столу:

— Может и он. Не знаю. И знать не желаю. Мне нужен убийца, а он на эту роль подходит лучше остальных.

— И даже лучше меня? — Крюков был искренне удивлен.

Сидоров пожевал губами и нехотя признался.

— Понимаешь, сынок, если бы мне нужно было просто закрыть дело, я бы с удовольствием повесил эту мокруху на тебя. Но в данном случае мне нужен убийца, который поможет свалить крупную фигуру. Как в шашках — ать-два и в дамки! Вроде тарана. И кандидатура Мартанова меня вполне устраивает во всех отношениях.

— Ну а Яшка Ягужинский чем хуже?

Полковник рассердился.

— Не твое дело. Вали и благодари Бога, что я сегодня хорошо позавтракал. А то для профилактики сунул бы тебя в камеру с клопами и парой беспределщиков. Иди, погуляй до завтра. И не забывай, дело тебе придется иметь — не со мной, так с Борманом. Невелик выбор.

Крюков вышел от полковника и направился в студию. Ему необходимо было поговорить с Ольгой насчет Яго и Анжелы. Он знал о них слишком мало, но оба вызывали у него все больший интерес.

Ольгу он нашел в спортивном модуле. Она сидела на велотренажере, но не крутила педали, а выслушивала возбужденную речь Руслана. Тот стоял рядом и что-то горячо ей доказывал. Вид у нее был по меньшей мере ошарашенный. В руках Руслан крутил лист бумаги, от которого машинально отрывал клочки и катал в шарики.

Увидев вошедшего Крюкова. Руслан со злостью смял остаток листка, бросил на пол и поспешно вышел вон. Крюков по привычке, автоматически поднял обрывок бумаги и разгладил его. Обрывок как обрывок. Только на одном его конце была накарയാбана буква «ю». Она вполне могла быть последней недо-

стающей буквой во фразе: «Приходи в душевую». Впрочем, это была только гипотеза.

— Чего хотел от тебя этот сумасшедший? — спросил сыщик Ольгу.

Она не сразу сообразила, что от нее хотят. Наконец поняла.

— Знаешь, он только что признался, что убил Дину.

— И Бодрова?

— И Бодрова. А ты откуда знаешь?

— У меня в детском саду по дедукции всегда пятерка была, — буркнул Крюков. — Расскажи подробнее.

Ольга замялась, потом, решилась и начала излагать события с самого начала.

— Понимаешь, он ко мне клеился уже давно. Но я его просто боюсь. Он же отмороженный. Чуть что — сразу за нож хватается. Если бы не его отец, он бы сел не один раз и в сумме лет на сорок. Потом я его, вроде, отшила. А теперь он снова взялся за свое. Пришлось в который раз объяснять, что он герой не моего романа. Он обиделся и ни с того ни с сего вдруг заявляет, что ради меня замочил Динку. В том смысле, что она и сейчас все равно бы победила, как тогда, на конкурсе. Потому что у Бормана все схвачено.

— А Бодрова за что? — спросил Крюков.

Руслан сказал, что тот его вычислил. И стал шантажировать. Какие-то бешеные деньги требовал. Пришлось убить.

Крюков зашевелил извилинами, и эта напряженная работа мысли сопровождалась страдальческой гримасой на его лице.

— А ты сама-то веришь в то, что он рассказал?

Ольга пожала плечами.

— Руслан очень странный и непредсказуемый. Самое смешное, что это может быть правдой.

Они вместе вышли в столовую. Здесь собрались Анжела, Руслан, Яго. Лось, трое охранников и члены съемочной группы. Они закусывали. Увидев вошедших, Руслан вскочил и двинулся на Крюкова. Ольга постаралась удержать его, но он отстранил ее движением руки.

— Не мешай, женщина!

И затем обратился к капитану.

— Слушай ты, охрана, твое место в собачьей будке у дверей дома! Если я тебя еще раз увижу...

— Сблаговоли захлопнуть пасть, придурок недоделанный, — вежливо посоветовал ему Крюков. — А то больше никогда и ничего не увидишь.

Руслан завыл, как южный тайфун, и, сметая на пути детали интерьера и предметы сервировки, обрушился на противника. Крюков шагнул в сторону и разрушительный смерч пронесся мимо, чтобы через секунду вернуться. И снова мимо.

— Ты слишком злишься, — объяснил ему Крюков. — Таким злым драться нельзя, а надо сидеть в сортире и кричать: «Занято!».

Тут капитану пришлось прервать лекцию, потому что противник подошел на среднюю дистанцию и принялся яростно размахивать руками и ногами. Сила в его конечностях была невероятная, но ему чуть-чуть не хватало координации. Большой стол, стулья, этажерка с полками — все это цеплялось за его ноги, словно он был большим магнитом и получил власть над всем, что

попадало в поле его притяжения. Поэтому Руслан оставил тщетные попытки во что бы то ни стало ударить врага ногой и обрушил на него кулаки. Впрочем, тоже без особого успеха.

Крюкову не составляло труда уклоняться от его сильных и довольно резких ударов. Пока тот замахивался, Крюков успевал покинуть зону поражения, наградив атакующего парой-тройкой болезненных апперкотов или свингов. При этом он старался не слишком покалечить противника и лупил его преимущественно по корпусу, чтобы сбить дыхание. Но Руслан, казалось, был отлит из металла. Ему бы пройти хорошую школу, стал бы классным бойцом. Но, видно, не любил парень учиться.

Через несколько секунд яростного напора Руслан стал выдыхаться. Он пропустил несколько болезненных и еще более оскорбительных для себя ударов и решил форсировать ход поединка.

— Осторожно! — воскликнула Ольга, но Крюков и сам заметил тускло блеснувший в кулаке Руслана клинок.

«Увы, вечер теряет томность очарования», — подумал Крюков и взялся за противника всерьез.

Он отступил на шаг, чем спровоцировал дерзкого юношу на атаку. Затем сметающим блоком «миказуки» подошвой ботинка отбил в сторону руку с ножом, повернулся и ребром все той же подошвы ударом «йоко» пробил железный пресс противника. Вероятно, брюшные мышцы Руслана могли бы выдержать удар лошадиного копыта. Но ведь лошадь, в отличие от Крюкова, никогда специально не училась бить ногами ближнего своего. Бедняга согнулся в низком поклоне.

Крюков допустил ошибку. Увидев в руке Руслана нож, он тоже на него разозлился, правда, совсем немного, но и этого оказалось достаточно. Он не смог отказать себе в удовольствии добить противника боксерским сокрушительным «прямым правой в репу». Нож отлетел в один угол, его незадачливый пользователь в другой. Движимый понятным чувством беспокойства, Крюков, естественно, наклонился к ножу. Поднимать его он не стал. И без того знал сей предмет лучше, чем собственную зубную щетку. Это был все тот же злополучный стилет, изъятый им в кабаке у Дины, которым она позже и была убита, подброшенный ему в сумку и «подаренный» затем Бодрову. Скорее всего, именно этим стилетом был убит Бодров. На клинке все еще темнели пятна засохшей крови.

Трое охранников подскочили к Крюкову.

— Сейчас мы этого джигита зароем!

Им тоже не понравился тезис Руслана насчет места в собачьей будке. Но Крюков знал, что далеко не все вопросы можно решить путем насилия.

— Не надо, — остановил их Крюков. — Просто не выпускайте его из студии. А нож надо ментам передать. Или этому шизанутому следаку Кибальчишу. Похоже, этим пером замочили борманову дочку и нашего шефа.

Крюков отошел в сторону. Руслан медленно приходил в себя. Из разбитого носа у него обильно текла кровь.

Ольга подошла к Крюкову и протянула стакан холодного сока.

— На, остынь. Зря ты расквасил ему нос. Камера работала, его соплеменники за рекой наверняка смотрят нас по Интернету. У тебя могут быть неприятности.

— Ерунда, — отмахнулся Крюков. — Ты не заметила, откуда у него взялся нож? По-моему из кармана его он не доставал.

Ольга задумалась.

— Может, ему его кто-то сунул в руку? Этот дикий идиот — идеальная кандидатура для такой подставы. Он же, не глядя, хватает все блестящее и острое. Как тогда, в драке с Лосем.

— Кстати, а где Лось? — поинтересовался Крюков.

— Думаешь, это он мог сунуть Руслану нож?

— Да, — кивнул Крюков, — мог. А мог и кто-то другой. Кстати, где все?

Ольга огляделась. В столовой не было никого — ни Лося, ни Анжелы, ни Яго. Только охрана и телевизионщики.

— Я видел, как Яшка уходил, — сообщил Сережа, когда они пришли в операторскую. — Ему на пейджер сообщение пришло. Он прочитал и тут же свалил.

— Вот оно как! — Крюков озадаченно почесал кончик носа. — Слушайте меня. Это чучело, — он указал охранникам на все еще не пришедшего в себя Руслана, — за порог студии не выпускать.

Потом обратился к Ольге:

— Я понимаю, что тебе это удовольствия не доставит, но постарайся далеко от него не отходить.

— Глаз не спущу, — вздохнула она. — А для начала отведу умыться.

— Слушай, Камерман... — Крюков доверительно взял за плечо Сережу.

— Я не камерман, а камермен, то есть видеооператор, — поправил тот. — Вообще-то я помощник камермена...

— А я думал, это у тебя фамилия такая, чисто русская, — удивился Крюков. — Короче, наладь изображение из умывальника. Ты же любишь за душем наблюдать.

— Сделаем, — и Сережа обрадовано заспешил в аппаратную.

Крюков покрутил головой, проверяя, не забыл ли он что-нибудь важное.

— Куда собрался? — спросила его Ольга.

— Не кудыкай, дорогу закудыкаешь. Сбегаю в соседний корпус, надо одну версию оттоптать. — И капитан вышел из студии...

Крюков заскочил в комнату охраны, выдернул из ящика с инструментами ломик и бросился к переходу в корпус «В». Дверь, как и в прошлый раз, оказалась закрыта на замок с другой стороны. Но теперь Крюков был готов к решению этой проблемы. Несколько движений фомкой — и дверь с вырванными петлями гостеприимно распахнулась. Отбросив ненужный более инструмент, сыщик направился дальше...

Попав в коридор служебного корпуса «В», он растерялся. На каком этаже искать? В каком кабинете? Он подошел к большому окну. Отсюда «Башня смерти» была видна как на ладони. Хорошо просматривалось окно десятого этажа, стекло которого пробил пуля снайпера, засевшего на крыше. Странно, что они так и не нашли тогда никаких его следов, кроме старых газет.

Стоп! А почему, собственно, на крыше? А почему бы не в одной из комнат верхнего этажа? Но тогда в деле задействован хозяин гостиницы — Борман? Или арендатор — Карп. Или есть кто-то третий? Но зачем им всем убивать Ольгу? Что она может знать? Место, где лежат пропавшие при пожаре гости-

ницы сокровища? Но тогда ее надо не убивать, а допросить.

В прошлый раз снайпер не добился результата. Теперь он не смог бы произвести прицельный выстрел, так как окно душевой закрыто пластиковой панелью.

Неожиданно над головой Крюкова, этажом выше, что-то негромко хлопнуло. словно бутылку шампанского открыли. И тут же в оконном стекле и пластиковой панели образовалось отверстие. Итак, снайпер выстрелил снова. Но зачем стрелять вслепую? Или не вслепую? Для чего же существуют телевизоры? А он сам велел Сереже включить камеру в умывальнике.

Значит, в прошлый раз выстрел в Ольгу был пристрелочным. Киллер закрепил оружие неподвижно, в станке. Теперь, глядя на экран монитора, он дождался, когда цель подойдет к крану и нажал на спусковой крючок.

Кто же был целью — Ольга или Руслан?

Все это Крюков обдумывал на бегу, прыгая вверх по лестнице через три ступеньки. На верхнем этаже он безошибочно вычислил дверь номера, которую киллер избрал для засады. Дверь комнаты была распахнута настежь. Неужели он опять опоздал и снайпер ушел?

Что-то заставило Крюкова задержаться в коридоре и не сунуться сразу в открытую комнату. Скорее всего, это было некое несоответствие, алогизм... Изощренный замысел киллера никак не вязался с наивно распахнутой дверью. Более того, все это очень сильно напоминало ловушку.

Крюков замер и осторожно огляделся. Убийца мог выскочить из любой комнаты. Крюков отошел на несколько шагов, прижался спиной к стене и застыл в ожидании. Он не ошибся, хотя и не сумел точно просчитать замысел противника. Взрыв огромной силы швырнул его на пол. Рядом ударились о стену сорванная с петель дверь, посыпались куски бетона и штукатурки. Но Крюков, оглушенный взрывом, ничего этого не видел и не слышал. Если бы он вошел в гостеприимно распахнутую дверь, то наверняка был бы разорван в клочья.

Он не слышал ни топота ног по лестнице, ни гортанных возмущенных восклицаний. словно сквозь туман он чувствовал, что его сначала куда-то тащат, потом везут.

Он немного пришел в себя, когда его довольно грубо выволокли из машины, поставили на ноги и сильно толкнули в спину. Не удержавшись на ногах, он рухнул на колени и по инерции проехал по пыльной сухой земле не меньше метра. Откуда-то сверху до него донеслась русская речь с сильным кавказским акцентом.

— Вот этот ишак убил нашего Руслана.

— Спасибо, Лечи. Теперь мы сумеем отомстить за моего мальчика.

После этого сильный удар по голове заставил Крюкова снова отключиться.

Глава шестая Война

Очнулся Крюков в яме. Сверху слышалась гортанная непонятная речь с отдельными вкраплениями понятных русскому уху идиоматических выражений. Неужели, пока он находился без сознания, его вывезли в Чечню? Кажется, у тамошних жителей такая яма для содержания пленных называлась зинданом. В отличие от скорбной обители Жилина и Костылина зиндан, где торчал Крюков, можно было бы назвать комфортабельным. Выход, правда, только через потолок, и тот закрыт люком с решеткой. Бункер был с бетонными стенами и полом, просторный, в углу унитаза и кран для воды. Вероятно, подвал находился непосредственно под домом его владельца, и тот не хотел, чтобы вонь оттуда просачивалась в комнаты.

Он задремал и не знал, сколько прошло времени, когда люк над его головой со скрипом отворился. В отверстие заглянула бородатая физиономия. Ее обладатель на ломаном русском языке спросил:

— Оклемался, ишак? Харашо! Вылезай, с тобой Большой Расул говорить хочет.

«Интересно, как я отсюда вылезу без посторонней помощи», — подумал Крюков, как вдруг услышит над головой тихий гул электромотора. В люк опустился трос с петлей на конце.

— Вставай ногой, — посоветовал сверху бородатый, — а рукой держись.

Крюков вступил в импровизированное стремя и взялся за покрытый маслом и грязью стальной канат. Электромотор все с тем же негромким гулом потянул его наверх.

Бородатый наверху был не один, Крюкова здесь ждали еще трое носатых смуглых боевиков. Все с автоматами Калашникова.

— Смотри. Лечи, урус сильный. Сам поднялся, — с интересом произнес один из них.

— А то пришлось бы петлей за шею вытаскивать, — пошутил второй.

Место, где очутился Крюков было подвальным коридором, из пола которого торчали крышки люков. Вдоль потолка проходил приваренный во всю его длину швеллер. По нему, как по рельсу, каталась электрическая таль — подъемное устройство, с помощью которого пленников поднимали из камер или опускали вниз. Такое устройство полностью исключало возможность побега.

— Тащите его к Расулу, — приказал тот, кого звали Лечи. — Мне еще надо с бормановыми шакалами разобраться. Хозяин хочет посмотреть, как они будут подыхать.

— А этого когда кончать? — один из стражей ткнул Крюкова концом ствола в поясницу.

— С этим особый разговор, — мечтательно улыбнулся бородатый Лечи. — За смерть сына хозяин его будет три дня убивать, не меньше.

Крюкова сбили с ног и проволокли по коридору, потом вверх по лестнице. Помещение наверху снова оказалось подвальным.

«Они тут что, небоскреб, что ли, закопали?» — удивился Крюков.

В этом подвале было темно и ужасно воняло протухшим бараньим салом. Крюкова отволокли в угол и пристегнули наручниками к железной скобе, тор-

чащей из бетонной стены. После этого все ушли. Крюков успел задремать, пока в подвал снова вошли люди.

Зажегся свет, и он увидел, где находится. Потолок был высокий, больше трех метров, увешанный блоками и петлями. Посреди большого зала из отверстий в бетоне торчали два невысоких, по плечо, кола. Один в диаметре был раза в два толще другого. Оба остро заточены и до жирного блеска смазаны. Крюков понял, откуда исходила вонь бараньего сала.

В зал вошли люди. Впереди Расул, за ним остальные. Из obsługi Крюков узнал бородатого Лечи. Сюда же приволокли двоих связанных быков: у одного не было носа, у другого — глаза.

— Эти шакалы, — торжественно сказал Расул по-русски, — нарушили договор. Они переоделись в ментовскую форму и захватили на мосту мою машину с водкой, которая везла товар на Заречный рынок. Похоже, у Бормана стало традицией захватывать мой товар. Пора положить этому конец. Сейчас виновные умрут, а запись их казни мы отошлем Борману. Того, кто убивал Амира и Зелымхана, посадим на толстый кол. Он будет умирать долго. Второй, его помощник, умрет быстрее, на тонком колу.

Здесь не было электрического подъемника. Бойцы Расула перебросили через блок веревку и на раз-два подняли к потолку сначала убийцу, а потом его помощника. Правда, у них вышла небольшая заминка.

— Что случилось, Лечи? — нахмурился Расул.

— Их Лема допрашивал. Он лучше знает, кто из них убийца. А мне все русские на одно лицо. Нет, кажется, вот этот убивал.

Подвешенный к потолку безносый дико орал сквозь кляп. Его одноглазый товарищ, видимо, смирился со своей участью, он не издал ни звука.

— Ладно, продолжайте.

— Смотри внимательно и завидуй, шакал, — проговорил Расул, обращаясь к Крюкову. — Знаешь, какую казнь я для тебя придумал? По сравнению с ней то, что сейчас испытывают эти бледножопые, просто райское удовольствие. Вы все мне ответите за смерть сына! Что молчишь?

— Я его не убивал, тебя дезинформировали, — твердо сказал Крюков.

Расул пренебрежительно махнул рукой и вышел.

«Да, положение хуже терминаторского, — мрачно подумал Крюков. — Или лучше?..»

Тем временем нукеры Расула отстегнули наручники, которыми он был прикован к стене и повели его обратно в отведенную ему нору.

В дверях они столкнулись с высоким, похожим на Лечи, джигитом. Только борода у него была длиннее, а усы подстрижены совсем коротко, по-ваххабитски.

Послышались голоса.

— Лема пришел! Эй, Лечи, твой брат пришел!

Лечи подошел к брату и спросил.

— Скажи, Лема, мы правильно разобрались? На толстый кол посадили того, кто убил Амира с Зелымханом. На тонкий — его помощника.

— Конечно же нет, дети баранов! — пришедший Лема с возмущением покачал головой. — Я же объяснил, что тот, у кого я выбил глаз, — убийца. А тот, у кого ты, Лечи, отрезал нос и ухо, — его помощник. А вы все сделали наоборот. Одноглазый сидит на тонком колу, а безносый — на толстом.

Крюков только теперь понял, почему перед казнью обреченные вели себя по-разному, и не мог лишний раз не подивиться человеческой природе. Безносый орал не потому, что его должны были казнить, с этим он смирился. Его возмущало, что он получит большую порцию мучений по ошибке, вместо своего напарника. Тот же, напротив, вел себя безучастно, вполне удовлетворенный такой ошибкой.

— Вай-вай, нехорошо! Аллах не прощает несправедливости и излишней жестокости! — Лема снова с осуждением покачал головой, затем достал из-под куртки огромный хромированный калибра ноль сорок четыре «Магнум» и с ужасающим грохотом разрядил его в голову безносого. Брызги крови и мозга долетели даже до Крюкова.

Лечи только виновато руками развел.

— Прости, брат, так получилось. Ошиблись.

Крюкова снова протащили по коридорам и лестницам и водворили в его подземный мешок.

В ресторане «Парус» полным ходом шло совещание бормановской братвы. Руководил им Лось. Присутствовало человек двадцать бригадиров и командиров младшего звена.

Качок с кожаной черной банданой на голове горячился:

— Не тормози! Черные уже войну начали! Динку замочили, Гнуса с Мотылем повязали, которые у них фуру с паленой водкой увели. Чего еще ждать? Когда они нас всех перемочат?

Лось остановил его.

— Расслабься, Сникерс. У нас главный все-таки не ты, а Борман. Подождем, что он скажет. Надо ждать его приказа.

Но Сникерс не сдавался, чувствуя за собой поддержку большинства собравшихся.

— Ты, Лось, пока торчал в своем застеколье, мальчика от жизни оторвался. А тут такие дела творятся! Ты сам должен растолковать Борману, что Расула пора мочить. Он тебя скорее послушает, ты же у него любимчик.

Лосю не нравилось, когда подрывали его авторитет, а те, кто это делал, не нравились еще больше.

— Борман сначала Динку похоронит. И Расулу сына похоронить надо. Раньше ни тот, ни другой войны не начнут! — оборвал он оппонента.

Неожиданно с улицы послышались крики и шум. Взвизгнули автомобильные тормоза, раздались автоматные очереди и отдельные выстрелы. Грохнул взрыв.

Братва бросилась к окнам, на ходу доставая стволы. Лось не успел подскокнуть к большому ресторанному окну, как оно, прошитое пулями, лопнуло и осыпалось дождем осколков. Если бы не задернутая плотная штора, он, как минимум, остался бы без глаз.

Лось высунул в окно руку с «береттой» и произвел несколько неприцельных выстрелов. Затем осторожно отодвинул край занавески и выглянул наружу.

По дому велась интенсивная стрельба из двух притормозивших возле ресторана джипов. Нападавшие изрешетили и взорвали стоявшие поблизости машины бормановской братвы, разогнали охрану боевиков и теперь полива-

ли огнем ресторан, где совещались командиры.

Лось прицелился в одну из фигур в ближайшем к нему джипе. Кажется, это был главный Расулов палач, Лема? Или Лечи? Лось всегда путал этих «братьев Садомазовых». Но, прежде чем он успел спустить курок, в окно влетела граната, выпущенная из автоматного подствольника. Снаряд отрикошетил от стены и отлетел прямо под ноги Лосю. Тот не растерялся и успел накрыть его перевернутым столиком. С низкими поражающими качествами этого боеприпаса он не раз сталкивался в Чечне. Он не ошибся. Взрыв прозвучал глухо, осколки засели в толстом пластике.

Выпустив еще несколько коротких очередей, налетчики, взревев пробитым глушителем, исчезли так же неожиданно, как и появились. Бормановские бригады стали понемногу приходить в себя и выбираться из укрытий. Один оказался убит в самом начале обстрела, трое серьезно ранены то ли пулями, то ли осколками стекла.

Сникерс показался из-за большой кадки с пальмой, за которой он прятался. В правой руке он держал безделушку, автомат «Аграм◆2000», левой зажимал длинный кровотокающий рубец на лбу.

Через разбитые окна все повылезали на улицу. Преследовать налетчиков было не на чем. Машины стояли изрешеченные и обугленные.

— А это что? — на асфальте, там, где маневрировали расуловские джипы, валялись два больших мешка. — Бляха-муха, это же наши!

Мешки развязали и обнаружили внутри изуродованные трупы.

— Это же Гнус с Мотылем!

— Ну что теперь скажешь? — набросился Сникерс на Лосю. — Будем ждать похорон? Только чьих? Своих собственных?

Лось присел на корточки рядом с телом Мотыля.

— Будем мочить гадов. Собирайте людей, а с Борманом я сам, если нужно, перетру...

К «Башне смерти» подкатил небольшой кортеж, впереди которого следовала милицейская машина с мигалкой. За ней подрулил темно-зеленый «Ягуар» продюсера Сароева. Он вышел, захлопнул дверцу и направился в холл, где его с нетерпением ожидал режиссер Задославский.

— Полный порядок! — торжествовал режиссер. — Прокуратура дала добро на продолжение. Преступников нашли. Дину и Бодрова убил сын Расула Мартанова, а его из винтовки застрелил сообщник, охранник. Крюков, кажется. Сам он чуть не погиб при взрыве, но успел сбежать. Сейчас его ищут. Все транслировалось в Интернете и по одному кабельному каналу. Рейтинг нашей программы выше, чем у «Гарри Поттера»! Может быть, даже удастся перебраться на какой-нибудь канал центрального телевидения.

Продюсера это известие, казалось, совсем не обрадовало.

— А группа? — спросил он. — Двое убиты, остальные разбежались. Кого показывать будем?

— Почему разбежались? — обиделся Задославский. — Девочки здесь, Яго тоже. Бандит, правда, куда-то скрылся, но, думаю, тоже вернется. А не вернется — кобыле легче.

Продюсер понизил голос до злобного шепота:

— Я ведь знаю, что ты своего педика Яшку протезировать хочешь. Только

не налейся. Победителем он не станет. Наш главный спонсор, депутат Карпушкин, не затем раскошелывался на всю эту затею, чтобы оплачивать твои удовольствия из своего кармана. Ты ведь знаешь его девку. Если она не победит, ты можешь пополнить список жертв «Башни смерти».

Режиссер побледнел.

— Ты хочешь сказать, что за всеми этими убийствами стоит он?

Сароев посмотрел на партнера, как на несмышленного сопляка.

— Ты сдурел? С чего ты это взял?

— Но... Ты же сам сказал, что...

— Что я сказал? — повысил голос продюсер. — Я тебе ничего такого не говорил. Понял? И запомни, придурок, от тебя требуется совсем немного — держать на привязи два своих органа: язык и елду. Или задницу, я в нюансах твоей ориентации не разбираюсь. Ладно, иди, собирай группу. Самое позднее завтра надо продолжить наше шоу...

Яго слышал разговор режиссера с продюсером. Во время их беседы он прятался за стойкой администратора и попеременно то краснел, то бледнел.

Задославский совершенно однозначно обещал ему победу в конкурсе. Теперь же оказалось, что от него ничего не зависит. Настоящим хозяином был этот лысый коротышка-продюсер. Если бы Яго знал, он сразу принялся бы обрабатывать его.

Правда, в отличие от режиссера. Сароев к гомосексуальные связи относился резко отрицательно. К гетеросексуальным он, впрочем, тоже не тяготел. Насколько проницательный Яго сумел его вычислить, продюсер испытывал юношески-пылкую страсть только к деньгам. Но здесь Яго был бессилен.

Правда, если нужного человека нельзя соблазнить, его можно запугать, посадить, убить. Не самому, конечно. Зачем? Из услышанного разговора Яго сделал вывод, что господин Сароев ходит по краю пропасти и сильно опасается... Кого и чего? Вот это и предстояло узнать соискателю премии. Времени, судя по намерениям организаторов, у него оставалось немного...

Люк зиндана снова со скрежетом открылся, и Крюкова с помощью троса и электромотора вытащили в коридор. На сей раз его сопровождали всего двое.

— Пошли наверх, — скомандовал старший.

Как ни странно, капитана не толкали и не пинали. Даже не обзывали. Неужели его предстоящая казнь должна была принять столь ужасающую форму, что даже стражники прониклись к нему сочувствием? Он предпочел не фантазировать. Не тот случай.

К его удивлению, они миновали подвал, где на глазах Крюкова казнили двух бандитов, и поднялись выше. Здесь, в обычной комнате, его ждали Расул, Лечи и Лема. В помещении стояли три дивана и телевизор с видеоманитофоном. Стены и пол покрывали ковры. «Настоящий персидский исфахан...» — отметил про себя Крюков.

Его усадили на один из диванов. Большой Расул сел напротив.

— Ты говорил, что не убивал моего сына? — спросил он довольно благожелательно, чем весьма удивил капитана.

— Могу повторить это еще раз, — подтвердил Крюков. — Я услышал выстрел и, когда подбежал к двери комнаты, раздался взрыв. Дальше не помню.

Очнулся в подвале; кстати, где мы? В Чечне?

— Нет, в Швейцарии, — пошутил Расул. — Посмотри, что это?

Он протянул Крюкову маленькую черную коробочку. Тот внимательно осмотрел предмет и потрогал две кнопки на его крышке.

— Похоже на пульт. Где нашли?

— Там же, в умывальнике, где убили Руслана, — нехотя признался Мартанов. — Можешь предложить мне убедительную и правдоподобную версию или тебя предварительно поддержать в кипятке?

— Не надо в кипятке. Зачем зря воду греть, электроэнергию расходовать в условиях кризиса? — поспешно заговорил Крюков. — Версия у меня есть. А насколько она правдоподобная, это не мне решать.

— Говори, — приказал Большой Расул.

Крюков собрался с мыслями, что в создавшейся ситуации было непросто, и начал.

— До открытия шоу, когда я находился в умывальной с одной из участниц, Ольгой, ее чуть не убил снайпер. Я не видел, откуда именно он стрелял, подумал, что с крыши. Я еще удивился тому, что он очень быстро сбежал и практически не оставил на месте лежки никаких следов. Теперь мне кажется, он стрелял не столько в Ольгу, сколько в то место, где за секунду до этого находилась ее голова. Малокалиберная снайперская винтовка была закреплена в станке, слабая отдача не могла изменить ее положения. Окно закрывала панель, но снайпер не испытывал необходимости целиться. Оружие было пристреляно по определенной точке. А дальше совсем просто. Оставалось ждать, когда намеченная жертва займет нужную позицию, и нажать на кнопку. Простенькое реле на спусковом крючке — для одного точного выстрела вполне достаточно. Другая кнопка — взрыв системы. По замыслу киллеров, я должен был вбежать в заминированную комнату, откуда был произведен выстрел. Там бы меня и нашли. И никаких вопросов, все просчитано. Какая дальность у этого пульта?

— Около пятидесяти метров, — ответил Расул.

— То, что нужно. На кнопку мог нажать человек, находившийся рядом с Русланом. Я попросил Ольгу не отходить от него. Но она же не могла стрелять в себя в предыдущий раз. Правда, у нее мог быть сообщник... Кроме нее, поблизости, возможно, могли находиться охранники. Они сторожили Руслана после его выхода с ножом. Кто еще?

— Все, — произнес Расул. — Они все там были, кроме тебя. Смотри сам.

Он пустил видеозапись. На пленке действительно замелькали по очереди все участники шоу. Ольга помогала Руслану смыть кровь из разбитого Крюковым носа, Анжела промелькнула в душ. Лосю приспичило чистить зубы, а Яго занимался своей шевелюрой. Затем выстрел, и Руслан падает с пробитой головой. Крюков отметил, что пуля, пройдя навывлет, ударила в ту же самую кафельную плитку, что и в прошлый раз. Черной коробочки пульта ни у кого в руках видно не было. Требовалось детально изучить каждый миллиметр записи.

— Останови кадр, — попросил он.

— Ты ничего не разберешь, — возразил Расул. — Запись шла в режиме «лонг-плей». Нужно смотреть главную кассету, а она у режиссера. Мои люди не успели ее достать.

Крюков откинулся на спинку дивана. Кажется, убивать его пока не собирались.

— Значит, ты понял, что я не убийца твоего сына? — в упор спросил он Мартанова.

Тот покачал головой и устало прикрыл глаза.

— Да, я знаю, что ты не убивал Руслана. Его убил кто-то из тех, других. Но умереть тебе все равно придется.

Крюков был неприятно удивлен таким исходом дела.

— Зачем?

— Ты здесь слишком много видел. Как бы это сказать, набрал смертельную дозу информации. Сам понимаешь, я не могу тебя отпустить. Ты мне даже нравишься, но убить тебя все же следует. Но не волнуйся. Тебя убьет Лема. Он человек справедливый и спокойный, так что ты умрешь легко и быстро.

— За заботу, конечно, спасибо, — Крюков отвесил изящный поклон. — Но я бы предпочел медленную смерть с растянутым удовольствием. Например, непрерывный секс в течение суток с постоянно меняющимися партнерами.

Руслан усмехнулся. Улыбнулись и нукеры.

— Ах, шайтан-урус! Ты джигит, я тебя уважаю. Ты умеешь умирать достойно. — Марганов кивнул своим людям, и двое из них, приблизившись, взяли его под локти.

— А тебя не интересуется, кто убил твоего сына и забрал наркоту? — спросил напоследок Крюков.

Расул тяжело вздохнул.

— А зачем выяснять? Моего сына убил Борман! Только так, другие варианты меня не устраивают. Товар, конечно, хотелось бы вернуть, но я не могу рисковать. Менты тебя ищут, если найдут, ты им про меня расскажешь. Почему не рассказать? Я тебе не отец, не брат и не друг. Так что прощай и не обижайся. Ночью тебя убьют. Водки хочешь? Правда, паленая. Нет? И правильно, здоровье дороже. Уведите его!..

В ожидании смерти, сидя в своем каменном мешке, Крюков не терял надежды. По примеру знаменитого бандита Котовского, он отжался от пола, попристал, попрыгал, сразился с тенью, а затем принялся рассуждать.

Если принять официальную версию и считать, что Дину и Бодрова убил Расул, то кто тогда убрал его самого? Соучастник? Допустим, Расул пошел на убийство ради Ольги. Но зачем ей убирать его? Отпадает.

Другой вариант — Расул убил Дину, а Лось ему отомстил. Но снайперская винтовка была установлена задолго до убийства Дины. Кроме того, ее отличала некоторая универсальность. Этим оружием можно было убить любого участника шоу. И этот вариант не проходит.

Про Яго и Анжелу он знал слишком мало, и то на уровне непроверенных сплетен: якобы Яго — протеже режиссера Задославского и, похоже, стукач полковника Сидорова, а Анжела — журналистка и любовница спонсора шоу, криминального депутата Карпушкина.

Любой из них мог привести винтовку в действие. Но по какой причине? Ответить на этот вопрос он не мог.

А если пульт сработал случайно? Такой вариант тоже нельзя было исклю-

чать.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо было добраться до рабочей кассеты, которая хранилась у режиссера Задославского. Возможно, на ней Крюкову удалось бы рассмотреть, в чьих руках в момент выстрела находилось оружие со смертью Руслана...

К тому моменту, когда люк зиндана стал со скрипом отворяться, капитан так ничего и не надумал. Он в последний раз, как рыба на крючке, совершил путешествие по воздуху. В коридоре его ждали два боевика и добрый Лема. Капитану тут же зафиксировали за спиной руки наручниками и снова повели наверх.

«Еще бы недельку здесь побыть, и мог бы экскурсоводом тут работать», — невесело подумал Крюков.

Жить почему-то хотелось все сильнее и сильнее. Его вывели на поверхность. Он и раньше предполагал, что находится не в Чечне и уж, конечно, не в Швейцарии. Тогда бы его не понадобилось убивать. Подвал расположился под особняком Расула Мартанова на окраине большой деревни, именуемой городом Мамаевым.

На улице смеркалось, в доме ярко сияли распахнутые окна, играл магнитофон. Под звуки монотонной восточной песни Крюкову заклеили рот скотчем, на голову нахлобучили мешок и затолкали его в большой черный джип. Лема сел рядом, один из боевиков пристроился с другой стороны, второй был за рулем.

— Почему мы его в подвале не кончили? — с неудовольствием спросил водитель.

— Расул так приказал, — отрезал Лема. — Труп вывозить опаснее, чем живого.

— А если менты остановят?

— Раскуем его и пусть бежит. Какая разница, кто его пристрелит — они или мы? Он же все равно в розыске. Заводи, поехали! — распорядился Лема и хлопал Крюкова по плечу: — Поверь, брат, в этом нет ничего личного. Только необходимость.

Они двинулись по темным ночным улицам. Глушитель время от времени пробивало, и двигатель взрывался диким ревом.

— Шайтан! — выругался водитель. — Борманы, суки, такой машина испортили!

— Ты рули, доедем как-нибудь, — успокоил его Лема. — За городом окажемся, там кому какое дело, что немножко шумим?

Машина катилась по трассе на большой скорости, издавая рев каждый раз, когда водитель давил на педаль газа. Через пять минут быстрой езды второй боевик, до этого времени молчавший, вдруг произнес:

— Смотри, Лема, у нас на хвосте тачка.

Тот оглянулся.

— Давно заметил?

— Почти сразу как на трассу выехали, — ответил боевик. — Вперед не уходит и не отстает.

— Одна?

— Может одна, может, нет. Других отсюда не видно.

Они продолжали ехать в напряженном молчании. Наконец водитель снова не выдержал.

— Слушай. Лема, давай уруса здесь кончим. Свернем в поле, выстрелим в затылок — и весь базар! Зачем его на завод везти? Если хочешь, я сам потом труп закопаю.

Крюков едва не прослезился от такой заботы. Из разговора он понял, что между Борманом и Расулом начались серьезные трения, может быть, даже открытая война. Бормановы братки прострелили джип, на котором они сейчас ехали и, похоже, не ограничившись этим, решили его преследовать. И, наверняка, превосходящими силами: камикадзе среди братвы Бормана не наблюдалось.

Двигатель джипа взревел так, что у Крюкова заложило уши, а резкое ускорение прижало его к спинке сиденья.

— Не отстают. — Лема выругался на непонятном языке и обратился к водителю. — Знаешь, за тем деревом сворачивай в поле и гаси свет. Прорвемся, Аллах с нами, козлы под нами! Давай!

Водитель неожиданно затормозил, вырубил фары и габаритные огни и вывернул руль. Машина запрыгала по кочкам и буеракам. Если бы не пробитый глушитель, возможно, они сумели бы уйти. Но громкий рев мотора, работавшего на пересеченной местности с переменной нагрузкой, выдавал преследователям их местонахождение.

Позади слышались выстрелы. Руководствуясь только слухом — мешок на голове капитана полностью закрывал обзор, — Крюков оценил ситуацию как благоприятную для начала боевых действий. Он навалился спиной на Лему и сдвоенным ударом обеих ног выбил второго охранника наружу вместе с дверью, и тут же выкатился следом сам. Он упал на что-то колючее, перевернулся несколько раз, чтобы погасить энергию движения, и замер. Судя по топоту, охранник, приземлившийся секундой раньше, вскочил и с резвостью боевого верблюда помчался за черным джипом.

Выстрелы преследователей не стихали. Один раз пуля со свистом пролетела в непосредственной близости от головы Крюкова, но все обошлось. Надрывный кашель пробитого глушителя все удалялся, пока не затих вдали. Нападавшие не осмелились преследовать расуловцев пешим ходом в темноте, а гнать машины через целину не захотели. Вероятно, у них не было джипа, а на легкой по сильно пересеченной местности они далеко бы не уехали.

Крюков, лежа на земле в позе эмбриона, вслушивался в приближающиеся голоса:

— Один куда-то туда упал, я видел!.. Вот он, блин! — радостно крикнул кто-то из бормановских следопытов и выстрелил несколько раз в воздух, призывая остальных к месту находки.

Теперь следовало подумать о собственной безопасности. Крюков принялся мычать и дергаться.

— Что за хренотень? — услышал он удивленный голос. — Слышь, Лось, может я шамальну разок?

— Я тебе шамальну! Видишь, он в браслетах, и мешок на голове. Может, это из наших.

Крюков узнал голос Лося и обрадовался ему, как родному.

— Блин. — Лось подошел вплотную и потыкал капитана носком ботин-

ка. — Разуйте ему башку.

В слабом свете луны он тем не менее узнал Крюкова. Подошедшие братки помогли сыщику встать. Кто-то любезно отодрал полосу скотча едва ли не вместе с губами.

— Ты? Вот не ожидал! — Лось широко ухмыльнулся. — Менты базарят, что это ты Руслана завалил. Я смотрю, и Расул того же мнения.

Крюков не стал его разубеждать.

— Есть чем браслеты снять? — спросил он.

— Найдем, — заверил Лось. — И куда ты с ними двигался? На пикник решил прокатиться? В качестве шашлыка! Ха-ха!

Один из братков снял с Крюкова наручники и протянул Лосю.

— Может, выбросим?

— Пригодятся, оставим для Расула. Так куда они тебя везли? — спросил Лось уже более серьезным тоном.

— На какой-то завод, — Крюков потер слегка занемевшие руки.

— Не на какой-то, а на Расулову «ликерку» — водочный розлив, — Лось сделал ударение на первом слоге. — Он там паленую водку бодяжит и по бутылкам расфасовывает. Наклейки-марки акцизные лепит. Повезло тебе, мы как раз туда двигались. Вдруг слышим — джип с пробитым глушаком. А у нас к этой самой тачке и тем, кто на ней пилит, как раз претензии имеются.

— Это Лемы тачка, — пояснил Крюков.

— А по мне что он, что его брат, один хрен, — признался Лось. — Где поймаю, там и замочу. Может быть, на заводе с ним и встретимся. Ты с нами поедешь, пусть эти бараны думают, что Карповы москвичи к нам переметнулись. Тебе что, моя идея не по кайфу?

— Да как тебе сказать, — протянул Крюков, делая вид, что раздумывает, хотя на самом деле ему было все равно.

— А как хочешь, так и скажи. Могу тебе и другой вариант предложить. Возможно, он тебе больше понравится. Мы сейчас громим водочный завод Расула, а потом с той же целью подбрасываем там твой труп. Выбирай, что лучше.

Крюков усмехнулся.

— Богатый выбор. Но на завод ехать все равно ведь придется. Тогда двигаем, я в дороге решу и тебя поставлю в известность.

— А ты веселый пацан, — оценил его юмор Лось. — Все по коням!

Они ехали долго в ночной тишине. Наконец вдали засветились редкие огоньки Расуловой фабрики. Ночная смена обеспечивала право народа на бесперебойное снабжение товаром первой необходимости. Колонна из пяти машин, в числе которых были два микроавтобуса, остановилась. При ближайшем рассмотрении здание показалось Крюкову похожим на очень большой, монументальный сарай с оштукатуренными светлыми стенами в прожилках свежей плесени. Ни дать, ни взять — брусок сыра «Рокфор» или «Дор-Блю».

— Как думаешь, нас здесь ждут? — спросил Лось Крюкова.

— Думаю, да. Вряд ли Лема будет держать ваш рейд в секрете. Если только при бегстве он не потерял свой мобильник.

— Тогда рассыпаемся, окружаем эту богадельню и вперед... Ты с нами?

Крюков прищурился.

— Вообще-то у меня рогатка есть. Но желалось бы иметь что-нибудь посу-

щественнее?

— Тебе ствол дать или трубочку для жеваной бумаги скрутишь?

— Бумага — оружие бюрократа, — отрезал Крюков, — нам она без надобности. Давай, показывай ассортимент.

Лось жестом рыночного зазывалы кинул на колени кейс и раскрыл его.

— Пожалте, все импортное. Своего говна не держим-с! Товар — первый класс! А вот «глок-семнадцать» пластмассовый, старенький, но надежный. Семнадцать патрончиков и столько же в дополнительном магазине. Завернуть?

— Пластмассовый? Водяной, что ли? — скривился Крюков. — А деревяненького чего-нибудь не найдется? Или, на худой конец, железненького.

— Сколько угодно. Вот фашистский пестик, «вальтер», самый железный. Орехи колоть можно. А хочешь — еврейский «иерихон». Все под парабеллумовский патрон. Машинки — что надо.

— Ладно, — согласился Крюков, — давай еврейский.

«Иерихон» оказался довольно массивным пистолетом. побольше ТТ, но поменьше «стечкина». Он был красив, особенно впечатляло сочетание серебристо-матовой рамки с черным кожухом затвора и рукояткой.

— Тяжеловат, — заметил Крюков, взвесив машинку на ладони.

— Зато самовзвод, два предохранителя — в любой момент и с любой руки стрелять можешь!

— Сойдет. А в кого стрелять? Какая будет диспозиция?

Лось собрал все силы атакующих. Крюков с удивлением отметил, что на два с лишним десятка человек у них в наличии всего три ручных пулемета Калашникова, несколько автоматов и ручной противотанковый гранатомет «муха».

Лось извлек из кармана план завода, нарисованный на разлинованной в клеточку бумажке, и принялся расставлять людей.

Сникерс недовольно проворчал:

— Что тут думать? Берем штурмом, и все дела. А ну, братва, не тормози!

Он бросился к воротам большого сарая. За ним последовал с десятков таких же идиотов: они шли в полный рост, как капелевцы в психическую атаку.

— Плохо, когда в армии отсутствует единоначалие, — сделал замечание Крюков.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Лось и обратился к пулеметчикам. — Эй, братва, прикройте их!

— А куда шмалять-то? — поинтересовался один из них.

— Сейчас увидишь, — обнадежил его Крюков.

И в самом деле, навстречу атакующим с чердака, из узкого окошка у ворот и даже откуда-то снизу, чуть ли не из-под фундамента, ударили автоматные очереди. Трое самых неудачливых упали, остальные тут же залегли и отползли обратно.

Зато пулеметчики наконец увидели свои цели и смогли открыть прицельный огонь.

— Руби по фундаменту, у них там бойницы, — посоветовал Крюков. — Не мешало бы нам окопаться, осада затягивается.

Лось оказываться не стал, а отступил к бетонированной помойке. Под прикрытием высоких, в рост человека, стен он чувствовал себя в полной безопас-

ности. Крюков старался не отставать от командира, понимая, что самое безопасное место находится у того за спиной. Носом он старался не дышать. Сюда же спустя пару минут сквозь горы слежавшегося мусора пробрался Сникерс. Несмотря на то, что его авантюрный штурм захлебнулся, он был доволен.

— Эх, зря «шмеля» не захватили. Огнемет здесь как раз подошел бы, — мечтательно произнес он.

— Ща, — оборвал его Лось. — Ты как думаешь. Расул здесь?

— Хочется в это верить, — предположил Сникерс.

— Верить в то, что он дурак? — уточнил Крюков. — Что ему здесь делать, особенно сейчас?

Пулеметчики постепенно превращали «Рокфор» в «Маздам», покрывая кирпичную поверхность сарая все большим количеством дырок. Осажденные отстрели вались как могли.

Но их ответные очереди постепенно превратились в отдельные выстрелы, а потом и вовсе прекратились. Наученные горьким опытом, люди Лося продолжали поливать здание огнем и свинцом еще минут пять. Потом осторожно ринулись на штурм.

Первым выскочил из зарослей толстяк с трубой гранатомета «Муха» и направил ее на ворота.

— Куда, дубина, отойди подальше!

Но тот уже шарахнул в упор по дверям сарая. На столь близком расстоянии основной заряд не успел воспламениться. Граната ударила в створку простой болванкой, отлетела рикошетом в канаву и там взорвалась. К счастью, без всяких последствий для нападавших. Оглушенный толстяк некоторое время пребывал в ступоре, соображая — жив он или уже умер.

— Штаны поменять не забудь, — посоветовал Лось, пробегая мимо него в цепи атакующих. — И чем теперь дверь ломать?

Он приблизился вплотную к воротам и толкнул. С легким скрипом створка отошла.

— Блин, а тут не заперто, — с удивлением отметил один из бойцов.

Крюков вслед за братками вошел в здание спиртозавода. В нос ударил резкий запах сивухи, какого-то химического растворителя и сгоревшего пороха.

— Ну и кислятина! — оценил Сникерс. — Крутое амбрэ!

Основную часть внутреннего пространства занимали емкости со спиртом. Сейчас, простреленные в решето, они извергали на пол последние струи алкогольного реактива.

Послышались восхищенные голоса.

— Вот оно, море водки, блин! Братва, по водке же ходим! Рассказать — не поверят!

— Сначала вернуться надо. С победой! — подчеркнул Лось. — Быстро обшарить тут все углы! Проверить все трупы. Мне нужны эти козлы — Лема, Лечи и, понятно, Расул.

Братки рассыпались по цехам завода. Крюков пошел с ними. Первый труп плавал в луже спирта. На приспешника Расула, тем более на него самого, убитый походил мало. Более того, судя по чертам лица, это был украинец или молдаванин.

Дальше трупы стали попадаться чаще, но все те же — нелегальных рабочих, которых, похоже, отсюда вообще не выпускали. У многих был прострелен

затылок. Крюков терялся в догадках, кто именно их убил — братки Лося или люди Расула? От запаха крови, смешанного с сивухой, мутилось в голове и к горлу подкатывала тошнота.

Крюков бесцельно бродил по цехам и коридорам. На складе готовой продукции пол был устлан толстым ковром битого стекла. Неожиданно позади себя он услышал негромкий хлопок и железное звяканье. Так звучит близкий выстрел пистолета с глушителем. Падать было просто некуда, он резко нырнул в сторону. Над ухом тонко просвистела пуля и ушла в трухлявую кирпичную стену.

Крюков оглянулся и увидел мелькнувшую тень. Он выстрелил навскидку, но непривычно замедленная тяга самовзвода заставила его потерять секунду. Пуля ушла, если не «за молоком», то за водкой. Он отправился следом и наткнулся на растерянно бродивших по заводу братков. Ни одного расуловского бойца они так и не нашли — ни живого, ни мертвого. Не было найдено и оружия.

— А кто же тогда в нас шмалял? — в недоумении протянул кто-то из них.

— Ушли, суки! — Лось выругался. — Кто у нас заднюю сторону сарая пас?

— Таракан с Мартыном.

— Где они?

Сникерс почесал макушку.

— Наверно, караулят. Пошли посмотрим.

Оставшиеся на ногах бойцы вслед за Лосем через распахнутую настежь заднюю дверь выбрались на свежий воздух. Крюков не мог не вздохнуть с облегчением.

— И где эти долбаные сторожа? — орал Лось на Сникерса.

Он все еще никак не мог простить качку покушения на свой авторитет. Тот долго и растерянно крутил головой, пока наконец не обнаружил искомое.

— Вон они! — обрадовано воскликнул Сникерс.

Братки подошли к ним и поняли, что радоваться особо не стоило. Оба караульщика были мертвы. Через горло, от уха до уха у каждого шел длинный разрез.

— Заснули, козлы! — Лось в ярости пнул ногой одного из трупов.

— Вряд ли, когда бы они успели, — Крюков наклонился и вырвал из судорожно сцепленных пальцев убитого половинку стодолларовой бумажки. — Лема у них «проездной» купил, потом обоих зарезал. А баксы-то фальшивые!

Лось еще раз в ярости пнул труп.

— Закиньте их в багажник, все по машинам. Здесь все поджечь!

В ярком свете луны вереница машин мчалась по пустой дороге, не зажигая фар и габаритов. Позади них в полнеба полыхал пожар: это горел водочный завод Расула.

Крюков и Лось находились, втроем с водителем, в первой машине, пятисотой «БМВ». Двоих раненых и троих убитых погрузили в замыкающую. Все подавленно молчали, находясь под впечатлением от бойни на заводе.

— Куда катимся? — поинтересовался Крюков у предводителя.

— В особняк Расула, — нехотя отозвался Лось. — Если его не возьмем, нам кердык. Он, гад, и за сына, и за завод отомстит. Мне тогда лучше сразу вешаться. От него и в Америке не спрячешься.

— Рекомендую остров Питкерн, — посоветовал Крюков. — Туда корабли практически не заходят, а если заходят, то не могут пристать. Волны, рифы. Только шлюпки швартуются. И каждый приехавший на виду.

— А как же они живут? — не поверил в такое чудо Лось.

— Марки выпускают. Очень дорогие. Они там все — потомки беглых английских моряков с «Баунти» и туземок с Таити. Не слыхал?

— А я фильм такой смотрел! — восторженно заорал водитель.

— За дорогой лучше смотри, — остудил его пыл Лось. — И прибавь газу, а то Сникерс обойдет. Эх. только бы успеть Расула прихватить!

— Думаешь, он нас там ждет? — Крюков постарался выразить тоном весь скепсис, на который был способен.

Но их действительно ждали. Причем давно и с нетерпением. Выйдя из поворота. Сникерс на своей черной спортивной «Мицубиси» все-таки обошел их. Лося это не понравилось.

— Обгоняй, куда отпустил? — недовольно крикнул он водителю.

Нездоровое соперничество обоих лидеров — формального и неформального — на этот раз пошло на пользу им и их экипажам. Погашенные огни и высокая скорость позволили двум первым машинам проскочить то место, где люди Расула устроили засаду. Огненный шар-капсула из огнемета «шмель» ударил в шедший за ними микроавтобус, и он сразу же запылал ослепительно ярким пламенем. Последующим позади машинам застрочили пулеметы и автоматы. Через секунду посреди шоссе крутился и клочкотал настоящий вулкан. Взрывы и выстрелы соединились в единый гул. Пули летели во все стороны. Водитель Лося затормозил и оглянулся. Губы его тряслись.

— Что встал? — Лось с силой толкнул его в плечо. — Газуй, им уже не поможешь!

Сникерс понял это еще раньше. Его шестицилиндровая «Мицубиси» рванула с места и исчезла за следующим поворотом. «БМВ» Лося сорвалась с места в тот самый момент, когда сзади по багажнику ударила пуля, выпущенная то ли кем-то из боевиков Расула, то ли гибнущими на дороге братками.

— Лось, звони Борману! Пусть подмогу высылают! — заорал водитель.

Но Лось и сам уже набирал номер босса.

— Алло, шеф, это я. Лось. Нас тут зажали возле Расуловой хазы, братву побили...

Благодаря сильной мембране Крюков хорошо слышал голос абонента.

— Где вас носит? — заорал Борман. — Я же запрещал мобилу отключать! Расул давно в городе. Тут война идет, а вы хрен знает где болтаетесь! В Приокске сплошной ад! Возвращайтесь немедленно!

На прямой Сникерс успел вырваться далеко вперед, а дальше дорога пошла хуже, и на одном из поворотов они его догнали. Но, когда выскочили на трассу, перед самым мостом через Оку, Сникерс снова ушел в отрыв.

— Не тормози! — крикнул он на прощанье. — Сникерсни! — машина «Мицубиси» вылетела на мост.

Крюкову показалось странным, что его перегораживают пара милицейских машин и люди в серой форме. Один из них предостерегающе поднял светящийся жезл, но Сникерс не обратил на это ни малейшего внимания и лишь прибавил газу.

Короткая очередь из крупнокалиберного пулемета разворотила капот, буквально надвое перерезав салон машины, которая черным метеором пронеслась наискось по мосту и, выбив парапет, обрушилась в реку.

Водитель «БМВ» так резко дал по тормозам, что ее не просто занесло, а развернуло на сто восемьдесят градусов. Без всяких указаний водитель откатил на обочину и замер в тени раскидистых деревьев.

Прошло несколько секунд, прежде чем Лось закрыл наконец разинутый от удивления рот.

— Сидор, че, озверел, в натуре? Своих не узнает?

Он потер лоб, словно проверяя, не бред ли все увиденное им. Затем достал из кармана несколько стодолларовых купюр и сунул их водителю.

— Сходи к ментам, объясни им, что к чему. И купи нам «проездной». Борман за задержку удавит.

Водитель, оробев, взял деньги и направился к милицейскому посту.

Крюков и Лось внимательно следили за тем, как он подошел к первому постовому и принялся что-то ему объяснять, время от времени указывая рукой на стоявшую в тени машину. Тот сначала внимательно слушал, потом взял деньги и махнул своим рукой.

— Порядок, — вздохнул с облегчением Лось.

Водитель повернулся и направился было к своей машине. Но тут постовой вдруг выхватил из-под форменной куртки пистолет.

«Почему не из кобуры?» — подумал Крюков и тут же догадался.

Оружие не табельное, его ствол удлиняла насадка глушителя. Постовой выстрелил в затылок водителю, перебросил его через развороченные Сникерсом перила моста и бегом потрусил вниз, к затаившейся в кушах машине Лося. К нему присоединились трое бойцов с автоматами. Они оживленно общались между собой. Слов слышно не было, но по жестикуляции можно было догадаться об их намерениях. В смысле — окружить и уничтожить. Живыми пассажирами машины, похоже, брать не собирались.

— Это не местные менты! Это вообще отморозки какие-то! — выкрикнул Лось. — Валить надо!

Но Крюков и без его советов змеей протиснулся с заднего сиденья на переднее, повернул ключ зажигания и с силой надавил на педаль газа. С диким визгом шин «БМВ» рванула на первой скорости как болид «Формулы-1». Со звоном разлетелось заднее стекло, машина пошла юзом — значит пробили колесо.

— Не уйдем, — простонал сзади Лось.

— Не уйдем, так убежим, — сквозь зубы процедил Крюков.

Он вывернул руль, машина перелетела через неглубокий кювет и ткнулась капотом в густой кустарник, укрывший их от обзора с дороги. Спустя минуту мимо «БМВ», мигая огнями, как новогодняя елка, пролетел бело-синий патрульный «Мерседес». Преследователи потеряли их из виду.

— Ты цел? — спросил Крюков предводителя братвы, оставшегося без бойцов.

— Кажется, да.

— Тогда пошли. Ножками. Нам еще через речку как-то переплыть нужно.

Оставив машину в кустах, они бесшумно, след в след, как два гурона, углубились в чахлый перелесок. Крюков шел впереди...

Глава седьмая

Снова война

Когда они вышли на берег реки, была глубокая ночь. Встав лицом к водной глади. Крюков прикинул расстояние до противоположного берега. На глаз выходило метров пятьдесят: противоположный берег был еле виден в тумане.

— И как поплывем? — сказал он в пространство перед собой, присаживаясь на ствол поваленного дерева. — Температура воды градуса четыре.

— Можно до Каширы или до Серпухова добраться, — предложил Лось свой вариант отступления.

— На чем? Пешочком вдоль берега? — отозвался Крюков.

Лось презрительно фыркнул.

— Нереально. Придется угонять лодку.

— Где?

— Выше по течению яхт-клуб. Но там охрана... — неуверенно произнес он.

Крюков с удивлением посмотрел на спутника: до сих пор тот меньше всего напоминал человека, у которого охрана яхт-клуба способна вызвать пароксизм страха. Видимо, давали себя знать неожиданно обрушившиеся неудачи.

— С каких пор ты боишься охраны? — ехидно спросил капитан и решительно двинулся в указанном направлении.

Продираясь сквозь лес в условиях слабой видимости, они с полчаса шли берегом. Крюков вздохнул с облегчением, когда между веток замелькали огни причала. У пристани стояло множество моторных лодок и несколько небольших парусных яхт.

Вдоль высокого ограждения из металлической сетки с противоположной стороны бегала пара зверского вида кобелей. Крюков подошел к воротам и, не скрываясь, выстрелил из своего большого красивого еврейского пистолета в дужку скреплявшего створки замка.

— Не отставай, — предупредил он Лося.

Как только ворота приоткрылись, собаки стремглав бросились наружу, пробежав по инерции несколько метров, прежде чем им удалось затормозить. Крюков молнией нырнул в образовавшуюся щель и втянул за собой несколько растерявшегося напарника. Ворота захлопнулись перед самым носом захлебнувшихся от яростного лая псов. Лось невольно поежился.

— Вот звери! Когда ты ствол достал, я подумал — валить их будешь.

— Зачем? — пожал плечами Крюков. — Животных любить надо, братьев наших меньших.

— А людей? — после потери всей своей братвы Лось стал задумываться о ценности человеческой жизни.

— Тоже, но не всех, — убежденно произнес Крюков.

Лось показал своим пистолетом на выскочившего из дома охранника с помповым ружьем в руках.

— А как насчет этого? Мы его полюбим?

— Определенно. У него добрые глаза.

Прежде чем сторож успел зарядить свой прибор, Крюков подскочил к нему и легонько ткнул дулом в большой ленинский лоб. На коже отчетливо отпечатался красный кружок, который криминалисты именуют штанц-маркой.

— Пиф-паф! — сказал Крюков ошеломленному охраннику. — Падай, ты убит. Или предпочитаешь, чтобы я в тебя стрельнул по-настоящему?

Охранник выпустил ружье, оно упало на землю, и Крюков ногой оттолкнул его подальше. Лось подошел с другой стороны.

— Ключи от лодок, быстро! — приказал он.

— В-возьмите мо-мою, — предложил сторож. — За чужую меня у-убьют. Вот ключи...

Лось выхватил ключи из его руки.

— Где лодка?

— В-вон та, зеленая.

Они вместе приблизились к зеленому катеру. Один ключ подошел к замку, запиравшему причальную цепь, другой — к замку зажигания.

Воспользовавшись тем, что грабители отвлеклись, охранник вдруг резко сиганул в кусты.

— Стой, а весла?! — крикнул вслед Крюков.

— Не надо, хрен с ними. Этот гад, наверно, уже собак спускает, — возразил Лось и оттолкнулся от пирса.

Он не ошибся. Через секунду на причале выросли тени жутких псов. Но к этому моменту лодку отделяла от берега полоса воды шириной в несколько метров. Собаки в воду не полезли, несмотря на понукания хозяина. Тогда он бросился к ружью, но как только поднял его, Крюков пощекотал ему слух выстрелом из еврейского пистолета. Деморализованный сторож бросил ружье и скрылся в домике. И принял более радикальные меры. Беглецов оглушил вой сирены, настолько мощный, что, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Возможно, так гудел крейсер «Варяг», когда его команда открыла кингстоны. Одновременно белый луч прожектора заскользил по зыбкой поверхности, отыскивая угнанную ладью.

— Ну, хулиган! Гляди, что вытворяет! — возмутился Крюков.

— Заводи, ну его, — махнул рукой Лось.

Крюков наклонился к рулю, поковырялся в скважине стартера: никакой реакции.

— Искра в воду ушла, — предположил он. — Или бензин кончился. Ну, сторож, козел, нарочно такое корыто впарил! И весел, как на грех, нет.

Лодку постепенно влекло вниз по течению и сносило к середине реки. Впереди, на порядочном расстоянии, был виден мост, где с ними не так давно обошлись столь негостеприимно. На мосту слышали сирену; мелкие, как липицы, фигурки постовых засуетились, забегали вдоль ограждения.

— Все, — сокрушенно вздохнул Лось. — Сейчас они нас, как Коккинаки на бреющем полете, расстреляют. Только в замедленном темпе.

— Гребите! — крикнул Крюков изо всех сил.

— Чем?

Крюков швырнул товарищу по несчастью забытый кем-то в лодке комплект отдыхающего — ракетку для бадминтона в пластиковом пакете. Другой такой же вооружился сам.

— Осторожнее, не сломай!

Наверное, ни один каторжник на галере никогда не греб с таким усердием. Тем не менее лодка все же медленно и неуклюже, двигалась к противоположному берегу. Течение сносило ее вниз, к смертельно опасному мосту. С его сто-

роны раздалась автоматная очередь, и фонтанчики воды отметили линию попаданий. Пока мимо.

— Врете, суки, Чапаевы не тонут! — Крюков погрозил кулаком в сторону моста.

— Ты кого имеешь в виду, — спросил Лось, — нашего участкового?

— Я имею в виду Василия Иваныча, — отозвался Крюков. — Думаю, он смог бы объяснить, с чего это ваши менты вдруг взбесились. Налегай! Табань! Полный вперед!

Они гребли неслаженно, заставляя свое плавсредство то рыскать в стороны, то замирать, то дергаться, так что стрелкам на мосту никак не удавалось точно прицелиться. Пули сыпались куда угодно, только не в движущуюся мишень, и миновали отважных мореплавателей.

Наконец лодка ткнулась носом в песок левого берега. Вряд ли Колумб радовался больше, ощутив под ногами твердую землю Америки. В тот же момент ракетка в руках Лося с хрустом переломилась.

— Вовремя, — заметил Крюков. — Предлагаю сойти на берег и ознакомиться с местными достопримечательностями.

Они бегом миновали прибрежный участок и выбрались на дорогу. Над центром города колыхалось зарево, подсвечивавшее нижнюю часть уходящего в небо черного столба дыма.

— Только бы у тех мусоров с моста не хватило ума за нами машину послать с нарядом, — забеспокоился Лось.

— Вряд ли, — возразил Крюков. — У них и на мосту работы хватает. А вот городских на нас по рации навести — нафига делать. Ты с ними как?

— Как кошка с собакой. Менты — они и в Африке менты. Но раньше такого беспредела не устраивали!

Они поднялись по насыпи и вышли на дорогу надостаточно большом удалении от пикета. Вскоре с противоположной от моста стороны показались фары. Беглецы насторожились, но тут же расслабились. По дороге хромал ветхий «Запорожец». Лось вышел на середину трассы и показал столь же ветхому водителю пистолет. Тот послушно затормозил. Крюков, извинившись за насильственную реквизицию раритета, сел на заднее сиденье. Лось бесцеремонно плюхнулся спереди.

— Не обижайся, старче, — сказал Крюков хозяину «запора», — отвезешь нас в центр города или к «Парусу», получишь полсотни баксов, это больше твоей пенсии. Не время церемониться. Гони!

Водитель, не рассуждая, дал газ. Он постарался выжать максимум мощности из своего драндулета, и у него это почти получилось. Некоторое время они ехали молча, пока Лось не прервал затянувшуюся паузу.

— Славно попутешествовали! — он блаженно вытянул ноги, благо конструкция машины это позволяла. — Скажи, шеф, что тут без нас стряслось? Марсиане налетели?

Водитель-пенсионер скосил глаз на пистолет, торчавший у Лося из-за ремня. Тот это заметил.

— Не бери в голову, отец. Мы не отморозки. Я Лось, бригадир Бормана, — представился он как человек, не чуждый великосветских манер. — Так что вы тут без нас натворили?

— Мы натворили? — не смог сдержать возмущения пенсионер. — Это вы

все никак не разберетесь, кто главнее. Мало своих бандюков, так еще абреки из-за реки наезжают! Белые пришли — грабят, черные пришли — тоже, понимаешь, грабят. Никакого житья от вас нет простому человеку, народ сейчас никому не нужен! Скорее бы уж вы друг друга перестреляли.

— Ну, ты, дед, потише! Расшумелся, — стал урезонивать водителя Лось.

Возможно, если бы не присутствие Крюкова, он просто дал бы обличительно по голове, чтобы вправить мозги. Но тут пришлось сдержаться.

— И в «Парус» я вас не повезу, — окончательно распоясался ветеран. — Нету его больше. А в центре вообще светопреставление. Сами как хотите добирайтесь, а я дальше не поеду. И денег мне ваших не надо. — Старик лихо тормознул, откинулся на спинку сиденья и сложил руки крестом на груди, как Наполеон перед отправкой на остров Св. Елены.

— Да пошел ты, старый козел! — Лось выбрался из машины и со злостью пнул колесо «Запорожца».

Крюков молча последовал за ним, оставив на сиденье банкноту цвета вареного щавеля. Лось достал мобильник, нажал кнопку повтора. Борман взял трубку сразу.

— Да! Слушаю!

— Это Лось. Пять минут назад мы ступили на родной берег.

— Кто это мы? — рявкнул Борман.

— Со мной москвич. Тот, который убил Руслана. Я нашел его за речкой.

— И все? А где остальные?

— Все погибли. Мы стоим на углу Ленина и Фрунзе. Если пришлете за нами тачку, через пять минут все расскажу лично. И бесплатно. А то у меня карточка кончается.

— Ждите, — Борман дал отбой.

Лось не успел выкурить сигарету, когда рядом с ними со скрипом затормозила старая разбитая «Волга». Крюков окинул недоверчивым взглядом явно представлявшее опасность для водителя и пешеходов изделие горьковчан, но Лось потянул его за рукав.

— Садись, это тачка борманова садовника. Видно, у старика дела совсем плохи. Вдарился в конспирацию.

Обособник Бормана находился в центре поселка. Он напоминал осажденную Брестскую крепость. Близлежащие улицы были перегорожены бетонными блоками, между домами стояли тяжелые грузовики с песком, чтобы в любой момент перекрыть движение.

Лось и Крюков вышли из машины перед парадным крыльцом особняка. Лося тут же принялись хлопать по плечам. Послышались радостные восклицания. На Крюкова смотрели настороженно, но без враждебности. Приехавших сразу же провели в дом.

Борман сидел в большом зале перед горящим камином. Когда вошли Лось с Крюковым, он только вяло махнул им.

— Налейте там себе чего-нибудь!

Лось по-хозяйски прошел к бару и обернулся к Крюкову:

— Тебе чего?

— Пива.

Лось бросил ему банку «Хольстена». Крюков предпочитал бутылочное, но спорить не стал. Себе Лось плеснул виски «Джонни Уокер» из бутылки с чер-

ным лейблом. Пил он его, разумеется, неразбавленным.

— Теперь рассказывай, — велел Борман.

Лось принялся, по возможности подробно излагать историю своих приключений, приглашая время от времени Крюкова в свидетели. Тот молча кивал, подтверждая правоту его слов. Наконец Лось закончил.

Только теперь, впервые за все время разговора, Борман взглянул на Крюкова.

— Так ты живой? Значит, будем считать, что выполнил условие нашего договора. Наверное, не стоило убивать Расулова щенка, но теперь ничего не поправишь. Расул как с цепи сорвался. Пока вы жгли его завод и попадались в расставленные ловушки, он переехал на наш берег и начал тут полномасштабную войну.

Лось поперхнулся «Уокером».

— Скажите, шеф, а какого хрена молчит наш мент Сидоров? — спросил он, откашлявшись. — Или он уже не наш?

— Не знаю, не могу до него добраться, — неохотно ответил Борман. — Сейчас вернутся ребята из рейда по городу. Поедете с ними. Работы очень много. А пока отдыхайте, — усталым жестом дал им понять, что аудиенция окончена.

Растянувшись на диване в холле под ветвистыми оленьими рогами перед тем как впасть в сонное забытие, Крюков спросил устроившегося на соседнем диване Лося:

— Слушай, а почему ты Лось?

Тот проследил за его взглядом и осклабился.

— Ха! Думаешь, в смысле сохатый и все такое? Хрен ты угадал! Фамилия у меня Лосев. Вот так-то. А тебя как зовут? В смысле не фамилия, а имя.

— Отвали, я сплю, — буркнул Крюков и действительно мгновенно заснул...

Ребята Коржика, одного из бригадиров Бормана, прибыли только к утру. Все братки были злые и чумазые, словно тушили пожары, а не разжигали их. Лось с Крюковым присутствовали на совещании у шефа. Своими параметрами Коржик напомнил Крюкову Птенчика: такой же баскетбольный рост и могучая комплекция.

— Дела хреновые, — докладывал Коржик шефу. — Джигиты покрутились по городу и окопались в трех местах: в «Караван-сараяе» на Заречном рынке, в хачапурне Рашида и шашлычной «Кавказ» в парке культуры. Оттуда они долбают нас и бомбят наши точки. Половину ночью сожгли: оптовку у автовокзала, вещевой рынок на стадионе «Физик», кабаков без счета — «Сто ран». «Центральный»... У братвы большие потери. Всего не перескажешь. А менты как попрятались. Говорят, наших на мосту побили, а этих козлов пропускают.

Борман сидел чернее тучи.

— С Сидоровым я сегодня же разберусь, — мрачно пообещал он, — а вы берите подкрепление и дуйте выбивать Расула из города обратно в его поганое Мамаево ханство. Иначе он нас отсюда выдавит. Нам, в отличие от него, отступать некуда, позади Москва. С вами поедут Лось и Крюков. Лось будет старшим, введите его в курс дела.

— Сделаем, шеф! — Коржик не обрадовался такой кадровой перестановке, тем более, что после возвращения из дерзкого рейда по расуловским тылам Лось приобрел в глазах братвы статус эпического героя. Но возражать не осме-

лился.

В команде Коржика было одиннадцать человек, все бывшие спортсмены. Они прикатили на трех больших старых тачках: «Ниссан-патроле», «Форде» и «Мерседесе». Братки на скорую руку перекусили, пополнили боезапас и двинулись в город. Лось и Крюков разместились в командирской иномарке.

В столь ранний час машин на улицах почти не было, а те, что встречались по пути, в ужасе шарахались в стороны, предпочитая загодя освободить дорогу бешено мчавшемуся «мерину» и его эскорту. Милиция по-прежнему не обнаруживала своего присутствия. Может быть, она таилась в засадах? Но, скорее всего, правоохранители, в силу своей немногочисленности, решили стойко оборонять от вероятного посягательства объекты государственного значения, в том числе и свои отделы, вместо того чтобы распылять силы.

Людей на улицах тоже не было. Только бомжи провожали летевшие стаей иномарки озабоченными взглядами.

Коржик сам вел ярко-красное чудо германского автомобилестроения. Управлял машиной он мастерски. Крюков не замедлил выразить ему свое восхищение, но на всякий случай поинтересовался, как обстоят дела с тормозами.

— Полный порядок. Колодки новенькие. У Кузьмы в автосервисе лежат. Ха-ха! Так откуда начнем! — спросил он, оборачиваясь к главкому уголовных сил.

— Откуда начнем? — повторил вопрос водителя-бригадира Лось. — А ты как думаешь? Ты обстановку знаешь лучше меня.

— Можно попробовать с шашлычной, — предложил Коржик. — Возможно, и Расул там. Сейчас они наверняка спят.

Парк культуры действительно встретил их утренней тишиной. Спали даже штатные сторожа на воротах. Тройка машин сразу взяла шашлычную в кольцо. «Мерс» Коржика и «Форд» с воем сирен атаковали строение с фронта. «Ниссан-патроле» проломил ограду соседнего «Зеленого театра» и застыл на тылах заведения, отрезав басурманам путь к отступлению.

Кроме Крюкова и Лося с их пистолетами, все остальные братки были вооружены куда серьезнее. Они с налета-поворота обрушили на стены и окна злополучной шашлычной автоматный огонь. Кто-то ударил из подствольного гранатомета. Толку, правда, вышло немного, но шуму наделали выше крыши.

Заречные абреки высыпали из шашлычной кто в чем спал. Не все даже успели прихватить с собой оружие. Они бросились к черному ходу, но тут их встретил огонь из «Ниссана».

Лось разрядил в бегущих один магазин, перезарядил свою «беретту» и спросил у Крюкова:

— А ты почему не шмаляешь? Джигитов жалко?

Крюков не считал нужным участвовать без крайней необходимости в бандитских разборках. По его мнению, незачем мешать разбойникам убивать друг друга, поскольку это значительно сокращает расходы государства на борьбу с организованной преступностью и содержание под стражей. Но вдаваться в объяснения он не стал.

— Нет. Патроны. Думаю, они еще пригодятся. А стрелков тут и без меня хватает.

Лось сразу поскучнел и опустил ствол. Его азарт испарился.

— Умеешь настроение испортить, — проворчал он и крикнул своим бой-

цам. — Эй, братва, хорош патроны жечь!

Те с видимой неохотой подчинились. Коржик дал последнюю очередь из укороченного «калаша» и предложил:

— Я схожу на зачистку. Кто со мной?

Крюков шагнул вперед: на сей раз у него были свои резоны выдвинуться на передний край.

— Я. Остальные пусть прикрывают.

Лось было сунулся вперед, но Коржик напомнил ему:

— Тебе нельзя, ты командир, я пойду. — Он все-таки завидовал славе конкурента и стремился сравняться с ним в репутации.

Крюков и Коржик направились к дверям шашлычной. Они были заперты, но бригадиру хватило одного богатырского удара ногой, чтобы замок с хрустом вывернулся и проход открылся.

У Крюкова был опыт оперативной работы, у Коржика, судя по всему, — чеченских зачисток. Ударив в дверь, он отскочил за косяк, ожидая выстрела изнутри. Но его не последовало.

Они крадучись вошли в длинный коридор. Осторожность, впрочем, была излишней, так как битое стекло под их ногами хрустело, подобно чипсам «Принглс» в пасти крокодила по имени Йо-йо из популярной телерекламы.

На полу лежали тела людей. Но на сей раз это были не несчастные рабы-нелегалы, а крепкие и здоровые в ближайшем прошлом люди Расула. Его родня, кунаки и абреки. Двоих раненых Коржик добил.

Войдя в кухню, Крюков повел носом. Здесь царил естественный беспорядок, присущий банальному погрому. Внимание сыщика привлек большой и старый производственный холодильник, закрывающийся не на магнитную присоску, как новые, а на ручку с запором. Дверца была чуть приоткрыта, а шнур выдернут из розетки.

«Чтобы рука от холода не дрожала и тень изнутри не падала», — догадался Крюков.

Он, как можно тише, подкрался к холодильнику и захлопнул дверцу. Потом воткнул вилку в розетку и с удовлетворением услышал гул холодильного мотора.

— Что тут у тебя? — сунулся в кухню Коржик.

— Ложись! — заорал Крюков и сам выполнил свою команду.

Предупреждение несколько запоздало. Обшивку холодильника изнутри вспорола автоматная очередь. Коржик выругался и стал оседать на пол. Крюков выстрелил в ответ два раза: пули ушли в недра холодильника. Отборная брань в ответ на обстрел прозвучала глухо, как в танке.

— Эй, отморозок, ты живой? — поинтересовался Крюков.

— Открой, я сдаюсь! Не убивай только.

Крюков палкой от швабры поддел ручку холодильника. Дверца приоткрылась.

— Разоружайся! — велел сыщик.

Абрек и не думал сопротивляться.

На пол кухни упал автомат «борз» кустарного производства. за ним «Макаров», снабженный глушителем. и длинный, как мачете, кинжал в серебряных ножнах.

— Все? — спросил Крюков.

— Все!

— Тогда вылезай медленно, спиной вперед, лапы в гору. Предупреждаю, если мне что-то в тебе не понравится — чихнуть захочешь или пернуть — считаю за побег и стреляю без предупреждения.

— Не стреляй, я все сделаю!

Из камеры холодильника показалась спина. Боевик осторожно выполз и замер в растопырку, ожидая дальнейших указаний. Правая его рука поднималась плохо, из плеча текла кровь. Крюков наклонился к раненому Коржику.

— Ты как?

Тот держался за бедро и морщился.

— Фигня, видишь, по заднице чиркнуло. Хорошо, что бедренную артерию не задело. У нас во взводе одному пацану как раз в артерию попало. Кровь фонтаном, ничем не остановишь. Меньше минуты — и холодец. Оформляй проездные на «груз♦200».

— Потерпи, сейчас братки подгребут, — обнадежил его Крюков и пнул пленного. — Двигай на воздух!

Тот повернулся, и Крюков узнал его до боли родное бородатое лицо.

— Лечи! Ты рад нашей встрече? Я так очень.

— Я тебя, между прочим, не трогал, — с обидой и надеждой в голосе произнес бородач.

— Неужели? А кто из холодильника шмалять начал? Махмуд Эсамбаев или Бисер Киров? Кстати, Лечи, а где брат твой Лема? Или ты не сторож брату своему? Вот к нему у меня имеются некоторые претензии. Чисто производственные, ничего личного.

— Если меня не убьют и отпустят, скажу. Он с Расулом. Здесь, в городе.

Крюков недоверчиво прищурился.

— Что-то ты быстро раскололся.

— Место знать мало, — усмехнулся тот, — их еще взять надо.

— Хорошо, — согласился Крюков. — Тебя не убьют и отпустят. Обещаю. Где они?

— В хачапурне Рашида.

— Я и сам так думал, — подал голос Коржик. — Во-первых, Рашид узбек. За ним земляки стоят, а у нас их, косоглазых, тут до хрена. Плюс связи в городской администрации. Рашид человек Карпа. А во-вторых, хачапурня стоит как раз напротив городской ментовки... Да где же наши-то, блин?

Но тут как раз в кухню вломилась братва с Лосем во главе.

— Вы что тут, до холодильника добрались? Холодными закусками пробавляетесь? — обиженно произнес Лось.

Братки бережно приподняли Коржика и повели на выход.

— До холодильника, точно, добрались, — усмехнулся Крюков. — Только нас самих чуть на холодные закуски не пустили. Знакомься, мой лучший друг Лечи.

Лось схватился за рукоятку «беретты».

— Замочу суку! Он наших пацанов на кол посадил!

— Я это видел, — Крюков придержал ствол его пистолета. — Но я обещал его отпустить.

— Ты чего, с кровлей поссорился? — искренне возмутился Лось. — Да я его сам сейчас кончу!

— Он сдал Расула, — тихо сказал ему в самое ухо Крюков. — Звони Борману. Мы едем в хачапурню Рашида.

Лось посмотрел Крюкову в глаза и понял, что тот не уступит. Время для конфликта было неподходящее, и он только с горечью бросил:

— А, хрен с тобой! Делай, как знаешь. Только имей в виду, он же тебя и кончит при первом удобном случае.

— Это вряд ли, — Крюков толкнул абрека в здоровое плечо. — Слышишь, джигит? Говорят, не стоит тебя отпускать.

— Ты же слово дал, — презрительно буркнул пленник.

— А если ты возьмешь автомат и опять в меня стрелять начнешь?

— Не возьму, — Лечи доверительно наклонился к Крюкову. — Слово даю. Домой уеду. У меня дом в Сочи. Жена, дети. Зачем мне ваша война?

— Вот и я так думаю, — согласился Крюков. — Ладно, вали. Но имей в виду, в следующий раз так легко можешь и не отделаться. Побереги себя для своих детей.

Лечи не стал тратить время на дискуссию, а махнул в окно и через секунду скрылся. Крюков и Лось вышли из здания разгромленной шашлычной и направились к «Мерседесу». Коржик без штанов, с перевязанным бедром расположился на переднем пассажирском сиденье.

— Я позвонил Борману, он сам едет к Рашиду, — доложил он и спросил: — Кто из вас за руль сядет?

Лось замялся. Порулить он любил, но как руководитель высшего звена считал это ниже своего достоинства. Крюкову же стесняться было нечего. Он уселся за баранку, запустил движок и бегло осмотрел панель управления.

— Коробка — автомат?

Коржик подтвердил. Крюков поморщился. Он называл машины с автоматической коробкой передач «инвалидками». К тому же без постоянной привычки левая нога все время искала, чем заняться, и норовила нажать на педаль тормоза. Но, тронувшись, он быстро сориентировался и даже почувствовал некоторое удовольствие — словно катаешься на электромобильчике в парке аттракционов — знай жми на газ да крути баранку.

В это время машин на улицах стало больше, но Крюкова это не смущало. Он гнал «мерина» на пределе его возможностей. Коржик был за штурмана и показывал дорогу.

По пути Крюков до смерти напугал неизвестно как очутившуюся на улице новенькую милицейскую «десятку» с экипажем. То ли они заблудились, то ли не успели спрятаться. Затем удачно подрезал самосвал со щебенкой и внезапно выскочил на улицу, где все ехали им навстречу.

— Они что, все головой долбанулись? Или просто сговорились? — сдержанно удивился Крюков.

— Блин! — Коржик с досады хлопнул себя по лбу. — Тут же неделю назад одностороннее ввели!

— Не ссы в компот, там повар ноги моет, — утешил его Крюков в армейском стиле и поинтересовался:

— Ты свою тачку давно красил?

— Год назад, — непонимающе протянул Коржик. — А что?

— Краска осталась?

— Вроде осталась. Надо в гараже посмотреть...

— Тогда порядок, — Крюков направил машину в узкую щель между троллейбусом и асфальтовым катком.

Через минуту «Мерседес» с чуть ободранными боками затормозил напротив входа в хачапурню Рашида. Борман со своими гвардейцами уже был здесь.

— Быстро вы добрались, — отметил он. — А где остальные?

— Сейчас подтянутся, — пояснил Крюков. — Их тачки подвели.

— У них что, движки слабее? — нахмурился Борман.

— Нет, корпус шире. Не везде пролезет.

В этот момент из-за угла показались отставшие машины Коржаковой бригады. Их бока и в самом деле были изрядно помяты.

— Ладно, — распорядился Борман, — здание оцеплено, но на рожон лезть не надо. Для начала я навещу полковника Сидорова. А вы пока покурите. Первыми не начинайте. Станут стрелять, отвечайте. Но только в рамках необходимости. Я пошел.

— Вы пойдете один? — с тревогой спросил Лось.

— Конечно. Если Сидоров захочет подвесить мне хомут, то вместе со мной задержит и того, кто со мной пойдет. А вы будете нужны здесь.

И Борман вальяжной походкой направился к гостеприимно распахнутой двери городского Управления внутренних дел.

Полковника Сидорова он нашел в его собственном кабинете. Но, в отличие от предыдущих встреч, секретарша вместо вежливой улыбки встретила его появление сжатыми в куриную гузку губами.

— Я сейчас узнаю, свободен ли Иван Иванович.

— Что?

Возмущенный Борман не совсем вежливо отодвинул ее в сторону и открыл дверь кабинета. Полковник Сидоров сидел за своим столом и обстоятельно, не торопясь, пил кофе из севрского фарфора. Аромат от чашки исходил просто сногшибательный.

Борман без приглашения прошел к столу и уселся в кресло напротив.

— Какаву пить время находишь? — ехидно поинтересовался он. — А трубку поднять некогда! Или у тебя только для меня времени нет?

Полковник аккуратно поставил чашку на стол и отодвинул в сторону. Промокнул губы салфеткой. Он все делал не спеша, словно старался оттянуть какой-то неприятный момент. Наконец Сидоров поднял на Бормана непроницаемый взгляд.

— Что стряслось? Почему ты врываешься ко мне в кабинет? Кричишь, топашь ногами. Объяснись, будь любезен.

— Нет, это ты объяснись! — с плохо сдерживаемой яростью прорычал Борман. — Что творится в городе? Расул ведет себя здесь как у себя дома, убивает моих людей, ломает и жжет имущество. А вся милиция исчезла. Попряталась, словно от стыда.

Полковник потер лицо ладонью. Борман только теперь заметил, что у него красные глаза: то ли с перепоя, то ли от недосыпания. А может быть, от того и другого вместе.

— Я все это знаю. Но у меня приказ сверху ни во что не вмешиваться, — неохотно признался полковник. — И я его нарушить не могу. Мне до пенсии три года осталось.

Борман выслушал его с недоумением, а когда тот закончил, то расхохотался.

— Болван! Идиот! Тебя же элементарно подставили! Неужели ты думаешь, что после всех этих погромов, всех этих пожаров, взрывов и стрельбы ты сохранишь свое место? Если тебя не посадят, можешь считать, что тебе очень сильно повезло!

Сидоров обиделся.

— Я так не думаю. Ты просто не знаешь, кто за всем этим стоит.

— Мне на это наплевать! Я просто хочу тебе напомнить, что когда-то мы были друзьями, и это место ты получил только благодаря нашей дружбе.

— Ты мне тоже кое-чем обязан, — недовольно пробурчал полковник. — Но я не собираюсь с тобой считаться одолжениями!

— Потому что счет этот будет не в твою пользу. — Борман теперь не орал, а говорил тихо, но каждое его слово падало, как топор на плаху. — И если ты, мягко выражаясь, плюешь на нашу старую дружбу, я со своей стороны тоже забуду о каких бы то ни было обязательствах. На меня нападают, моей жизни угрожают враги. А правоохранительные органы демонстративно самоустраняются и отказываются обеспечить мою защиту! Поэтому я буду защищаться сам, как смогу и как сумею.

Бывшие приятели в ярости вскочили с мест и некоторое время пытались испепелить друг друга полными ненависти взглядами. Безуспешно. Наконец Борман резко отвернулся и бросился к выходу из кабинета.

— Смотри, шею не сверни! — прокричал на прощанье его бывший друг.

Борман остановился на пороге.

— Спасибо за совет. А сейчас я на твоих глазах возьму штурмом харчевню и выковырю из ее развалин этого клеща — Расула. Вот тогда и посмотрим, что скажут твои новые хозяева.

Тут полковник рассердился всерьез. В конце концов Борман ему не отец родной, а их услуги и в самом деле были обоюдными. Сидоров впервые в жизни позволил себе рывкнуть на бывшего начальника.

— Не советую. Тогда мне придется тебя арестовать.

— Попробуй! — Борман хлопнул дверью так, что та едва не слетела с петель.

На этом они и расстались. Полковник Сидоров долго ходил по кабинету и все никак не мог успокоиться. Он не хуже Бормана понимал, насколько тот прав. Но поделать уже ничего не мог. Самое смешное состояло в том, что полковнику приходилось полагаться на порядочность человека, которого он сам считал законченным подонком и негодяем.

Борман же, напротив, чем дальше, тем больше остывал. И все яснее ему становилось, что штурмовать хачапурню нельзя ни в коем случае.

Крюков сидел в машине Коржика и думал примерно о том же. Хачапурня Рашида располагалась в старом доме сталинской постройки. Окна были закрыты железными ставнями. Двери изнутри завалены мешками с песком. Эти приготовления лучше рекламной вывески сообщали, что Расул прячется именно здесь.

Борман вернулся крайне недовольный. Бригадиры окружили его «шестисотый».

— Что скажете, шеф? — спросил его Лось. — Добрались до недоноска Сидора?

— Да. Но все без толку. На нас круто наехали. И теперь эта жирная сука в полковничьих погонах только и ждет, чтобы мы прокололись. Когда абреки мочили наших пацанов, менты делали вид, что ничего не видят! А теперь прозрели. Если мы сейчас возьмемся за Расула всерьез, нас задавят совместными усилиями мусора и расуловцы.

— Значит, будем терпеть? — взвился Лось.

— Нет, — Борман до хруста сжал кулак. — Надо отправить к Расулу парламентаря.

— А кто пойдет? Вы? Я? Может. Коржика пошлем, он все равно раненый? — съехидничал начальник охраны.

Люди Бормана переминались, понимая, что ситуация зашла в тупик. Крюков это также понимал.

— Давайте, я схожу, — предложил он беззаботным тоном, как будто речь шла о походе в театр.

— Смеешься? — Лось был настроен серьезно. — Расул тебя за яйца повесит.

— Тогда вы за меня отомстите. Похороните на высоком берегу. И будете гонять вокруг пионеров с пароходами, чтобы они мне все время привет передавали.

Борман подозрительно оглядел сыщика.

— Слушай, а зачем тебе это надо?

Крюков загадочно улыбнулся.

— Есть у меня одно маленькое незаконченное дельце. Если, конечно, тот, кто мне нужен, там. А я думаю, что он там. Но, заметьте, я не навязываюсь. В конце концов, это ваша свадьба.

Борман взглянул на Лося.

— А что. это вариант. Я не все понимаю, но меня это предложение устраивает. Звони Расулу. Какой у него номер?..

Крюкова встретили в холле хачапурни и провели на второй этаж. Вооруженных людей он не увидел, наверно, они получили приказ не светиться перед парламентарем. На втором этаже в большой комнате на разбросанных по коврам подушках сидели Расул, Лема и толстый узбек. Вероятно, это и был хозяин заведения Рашид.

— А, это снова ты? — Расул как будто даже обрадовался, увидев Крюкова. — Присаживайся. Чаю хочешь?

— Спасибо, не откажусь.

Рашид молча налил полную пиалу зеленого чая и с улыбкой протянул ее Крюкову. Но тот отстранил его руку: он знал восточные дела не хуже Сухова.

— Рахмат, уважаемый Рашид. Если я не вовремя, так и скажите, я уйду. А унижать гостя, который может не знать ваших обычаев, недостойно мужчины.

Оскорбленный Рашид побледнел от гнева, а Большой Расул рассмеялся.

— Ван. молодец, урус! Ты мне нравишься, жалко убивать будет. Клянусь бородой пророка, мир его праху! Рашид, подай гостю чаю как полагается.

Скрипя зубами от унижения. Рашид плеснул в другую пиалу чая на доньшко и с вымученной улыбкой снова протянул Крюкову.

— Прошу, уважаемый, — прогнусавил он.

— Снова рахмат, — на сей раз Крюков взял пиалу, продегустировал горячий аромат чая и отпил немного.

Большой Расул вел себя так спокойно, словно сидел у своей тещи на бешбармаке, а не в окружении смертельных врагов. Он дождался, пока Крюков отставит чашку, и только тогда спросил:

— С чем пришел?

— От Лечи привет передать. Мы с ним виделись недавно в парке культуры.

Расул впервые за время встречи проявил беспокойство.

— Он жив?

— Да, жив. Я его отпустил. Мне он ничего плохого не сделал. А вот с кем-бы я всерьез хотел встретиться, так это с Лемой. Он в прошлый раз слишком быстро ушел.

— Не отвлекайся, — Расул понял, что Крюкова здесь не переиграешь. — С чем тебя прислал Борман?

Крюков не спеша, словно в замедленном фильме, взял пиалу и отпил еще глоток чая: переговорный процесс не терпит суеты.

— Борман предлагает тебе сдать, — сказал он, возвращая пиалу на место. — Его люди окружили этот дом. У них имеются даже гранатометы, так что тебе и вертолет не поможет. Здесь не Брестская крепость, у тебя нет шансов.

Расул изобразил на лице крайнюю степень презрения.

— Так что же он не начинает? Боится? Я всегда говорил, что он трусливый шакал.

Крюков покачал головой.

— Ты сам прекрасно знаешь, что Борман не трус. Просто он не хочет поднимать большой шум без необходимости. Ментовка рядом. Да и хозяина обижать не следует, — Крюков учтиво кивнул в сторону Рашида. — Я видел, во что превратились шашлычная в парке культуры и твой водочный завод. Их теперь проще заасфальтировать и использовать под стоянку автомобилей. Ты ведь не хочешь, чтобы и здесь такое случилось?

Большой Расул задумался. Потом посмотрел на Крюкова.

— Слушай, ответь мне на один вопрос. Почему ты служишь этому шакалу Борману, а не мне? Сколько он тебе платит?

Крюков в ответ лишь вежливо рассмеялся.

— Во-первых, он мне не платит, во-вторых, я ему не служу, а в-третьих, он, в отличие от тебя, не собирался меня убивать. По крайней мере, до сих пор. Что ты хочешь предложить в ответ?

Расул хитро прищурился.

— Предлагаю решить вопрос по-мужски. Поединок без оружия до полной победы или смерти. Если победит Борман, я сдамся без всяких условий, а если я, то он выпустит отсюда меня вместе со всеми моими людьми.

— Ты сам хочешь драться с Борманом? — в голосе Крюкова послышалось сомнение.

— Конечно, нет, — рассмеялся Большой Расул. — Это будет нечестно, я же убью его с первого удара. Пусть он выставит своего бойца, а я выставлю своего. Это мое последнее слово.

Крюков поднялся и собрался уходить, но задержался в дверях.

— Последняя просьба. Неставляй Лему, оставь его для меня.

И подмигнул кавказскому богатырю...

Борман, как ни странно, с азартом ухватился за предложенную Расулом идею.

— Давай, я подписываюсь!

— А кого мы выставим? — охладил его пыл Лось. — Главные поединщики отпадают. У нас Коржик ранен, у них Лечи. К тому же он неизвестно где прячется. Значит, Расул выставит Лему. Я его, конечно, не боюсь, но и гарантировать нашу победу стопроцентно не могу.

— Предложения есть? — уже не столь бодрым тоном продолжил Борман.

— Я бы москвича подписал. Он меня там, в «Башне», с одного удара вырубил. Если он так Лему приложит, тому мало не покажется.

Борман повернулся к Крюкову. В глазах остальных боевиков и бригадиров он превращался в мифического героя.

— Сколько возьмешь за то, чтобы подраться с Лемой? — спросил Борман.

Крюков задумался. Было очевидно, что он взвешивает в уме все за и против. Наконец он изрек:

— Лему я буду бить бесплатно, на халяву. Вместо подарка фирмы...

Место для поединка оборудовали перед входом в хачапурню, на помосте, куда во время летней жары выносили столики. Боевики Расула размонтировали несколько выходивших на помост окон, прикрыв их на всякий случай решетками. Братва Бормана собралась полукругом со стороны улицы.

Крюков не стал надевать какую-либо специальную форму и, тем более, оголяться. Это не гей-парад и не фестиваль педиков. Он снял куртку и остался в рубашке и джинсах. Лема, а Расул выставил на поединок именно его. тоже не выпендривался и вышел на помост в том же, в чем был одет до этого.

Болельщики встретили появление своих бойцов бурей оваций и оглушительным свистом.

Крюков и раньше мог оценить внешние данные противника, но тут получил возможность познакомиться с его деловыми качествами. В частности, — с двигательными функциями.

Лема на вид казался массивным и неповоротливым, как медведь. Но Крюкову приходилось раньше встречаться с медведями, и он знал, насколько обманчивым бывает такое впечатление.

Он ждал от Лемы броска, но тот прыгнул вперед с ударом. Странно, обычно горцы Северного Кавказа предпочитали заниматься борьбой, реже каратэ. В боксе преуспевали жители Закавказья. А тут такой сюрприз.

Крюков вперед не лез, силу удара противника оценивать не спешил, проверял его на скорость и технику. Крюкову стало понятно, у кого учился покойный Руслан. С техникой и у наставника было не все гладко. Бил Лема с размаху, в каждый удар вкладывал не только могучую свою силу, но и ненависть. Под такой удар и блок не поставишь — разве что железобетонный. Да и тот сметет. Прямо батыр из народных мифов. Такой врага хватает, поднимает высоко над головой и вбивает в землю. Кого по колено, а кого и по уши, как фишка ляжет.

Крюков двигался легко, на полсекунды опережая грозного противника. Уходил из поражаемого пространства не назад, а в сторону и чуть вперед, по

диагонали. Поэтому, невзирая на сверхмалые размеры импровизированной арены, Леме не удавалось прижать Крюкова в углу, ухватить покрепче и порвать своими могучими лапами, как старую резиновую грелку.

Крюков не просто уходил от атак Лемы, но сопровождал уклоны и уходы короткими проникающими тычками. Вырубить не вырубят, а больно. И сильно вил портят. Что за батыр, когда нос расквашен, глаз заплывает и бровь рассечена? Одним словом, кровища по всей морде. К тому же публика от этого сильно нервничает, гадости кричит.

Когда разъяренный такими комариными укусами Лема попробовал провести борцовский захват, Крюков совершенно не по-джентельменски заехал ему коленом в печень. И тут же добавил тем же коленом в подбородок. У нормального человека такое воздействие вызвало бы долгий и глубокий нокаут с более-менее тяжкими телесными повреждениями. Но не у Лемы.

Каждый человек создан для чего-то особенного. Кто-то — на пианино играть, а кто-то — пить и не закусывать. Лему природа наделила способностью наносить и получать удары, причем в неограниченных количествах. Глядя на его низкий череп, сразу становилось ясно — эта кость не мозговая, сотрясение тут не грозит.

Пропустив два сокрушительных удара, Лема только икнул, потряс головой и снова ринулся на неуловимого врага. Из этого Крюков сделал вывод, что в печень он не попал.

Сам Крюков тоже пропустил несколько ударов, но скользящих. В случае прямого попадания кулака противника он наверняка превратился бы в лепную деталь фасада хачапурни, и смыть его от стены было бы не под силу даже криминалистам.

Но тут Лема вспомнил о ногах и пустил их в дело, словно тяжелую артиллерию. Его приунывшие болельщики снова оживились. Лема был достаточно опытным бойцом и не бил высоко. Грамотный и сильный лоу-кик — удар подъемом или набитой голенью по мышце бедра — способен вызвать парализующую боль, а если приходится сбоку по колену, может сломать ногу в суставе.

Крюков применил испытанный контрприем «липкие ноги» — подставил под «мавашку» Лемы колено, попав тому в нервный центр на внутренней стороне бедра. Тот на секунду завис — этого было достаточно.

С детства Крюков не любил бить здоровяков. Пока отлупишь — семь раз вспотеешь. Тогда же он усвоил, что, если противник силен и велик размерами, кулак и даже пятка редко дают хороший результат. Таких следует окучивать исключительно локтями и коленями. Этот набор он сейчас и выдал не вовремя тормознувшему Леме, причем по полной программе: все что знал и умел. У музыкантов нечто похожее называется гаммой, а у художников — палитрой.

Теперь Крюкову удалось нащупать печень клиента, и он отвесил туда три удара коленом, от души и не стесняясь. А потом долго и методично бил согнувшегося противника локтями и коленями по его крепкому, полетать панцирю морской черепахи, но такому беззащитному в данной ситуации черепу.

Тот крепился, как утес в бурю, но рано или поздно любой упорный труд приносит свои плоды. Так и усилия Крюкова увенчались успехом. После очередного, чуть ли не с разбегу, пинка в ухо, зрачки у Лемы закатились под веки,

а его утомленный дух на время покинул брненное тело и завис над полем битвы, наблюдая за реакцией зрителей со стороны.

— Ничего личного, просто необходимость, — тяжело дыша, развел разбитыми в кровь руками Крюков, словно противник мог его слышать.

Люди Большого Расула погрузились в гробовое молчание. Ликованию же бормановых братков не было предела.

— Добей его! Добей! — орали с разных сторон, призывая жестами прикончить павшего гладиатора.

Крюков потер натруженные руки и тряхнул головой.

— Нет, это уж вы как-нибудь сами, без меня. Я что-то притомился.

И он сошел с помоста. Его тут же подхватили восторженные болельщики и потащили с таким энтузиазмом, что он испугался:

«Если случайно уронят, то затопчут до толщины газетного листа».

К счастью, все обошлось, его не уронили. Сверху Крюкову хорошо было видно, как из здания хачапуни выводили Большого Расула и его людей. Все это напомнило ему поединок Мстислава тьмутараканского с косожским князем Редедей: тогда бой закончился с таким же результатом.

Оказалось, что проигравших было совсем немного: на самом деле во время визита в хачапурню от Крюкова никто не прятался. Расул просто блефовал. Людей с ним было всего несколько человек личной охраны. Если бы Борман устроил штурм, они бы не продержались и десяти минут.

Все это Крюков и изложил Борману спустя полчаса, в кабинете ресторана «Центральный», где братки собрались чествовать победителя. Но тот уклонился от участия в мероприятии: к лавровым венкам он относился без пиетета. Однако Борман не хотел отпустить триумфатора без оваций.

— Ты, москвич, сам не представляешь, как нам помог, — откровенно признался авторитет. — Если бы я послал братву штурмовать забегаловку Рашида, у меня могли бы случиться очень большие неприятности. Возможно, с летальным исходом. А сейчас все стороны довольны, в том числе и Рашидова родня. Я не тронул их собственность, они же, по понятиям, теперь обязаны отстегнуть мне неустойку за предательство. А менты могут обвинить меня разве что в организации незарегистрированного тотализатора. Кстати, я поставил на тебя и выиграл пару штук баксов. Благодаря тебе война прекращена в начальной стадии. Кстати, — взгляд Бормана стал печальным, почти человеческим, — пора приступить к организации похорон моей девочки. За мирской суетой важным делом заняться некогда было. А она ждет...

Борман посидел немного и уехал в сопровождении Лося. Братва во главе с Коржиком решила продолжить чествование героя — правда, в его отсутствие — на спортивной базе общества «Физик», давно купленной Борманом и переделанной в своего рода тренировочный лагерь для его быков. Там же решили на время разместить пленных. Их заперли в оцинкованном и закрытом решетками помещении бывшей кассы...

Борман привез Лося в свой особняк, больше похожий на осажденный апачами форт, и провел его в свой кабинет. Там они закрылись, и Борман строго-настрого велел охране его не беспокоить.

Он включил телевизор, вставил кассету в видеомаягнитофон и пригласил своего конфиденанта занять место в кресле у сервировочного столика, на кото-

ром выстроились в два ряда бутылки виски и стаканы соответствующей формы. Сам Борман рухнул во второе кресло, взял со столика тяжелую хрустальную емкость и плеснул в нее солидную дозу шотландского самогона.

— Что это, кошмарик? — спросил Лось, последовав его примеру.

— Для меня кошмарик. А для кого-то и порнуха, это зависит от точки зрения.

Запись пошла. На экране обнаженный Крюков, напоминавший в этом ракурсе Геракла в момент совершения им тринадцатого подвига, стоя у стены, совокуплялся с Диной. Она висела на нем, обняв руками за шею. Ее бедра тисками сжимали его узкий таз, а изящной формы голени были скрещены на ягодицах партнера. Крюков поддерживал ее снизу обеими руками, в быстром темпе то подталкивая вверх, то слегка отпуская. Оба находились в непрерывном движении, словно заведенные невидимой, причем одной на двоих, пружиной автоматы. Лось некоторое время внимательно смотрел на экран, никак не выражая своего отношения к происходящему. Наконец он поинтересовался:

— Откуда кассета?

Борман, не скрывая раздражения, проворчал:

— Наша знакомая подбросила. Подружка Карпа. Думаю, он ей за это вставит небольшой пистон.

Лось в недоумении пожал плечами:

— А ей-то это зачем?

— Потому что стерва. Но речь сейчас не о ней, уверен, что ее уже наказали, а о нашем Ромео, — Борман отвернулся от экрана. — Помог он нам, конечно, очень здорово. Но на данном этапе, я думаю, надобность в нем отпала. Война-то, считай, кончилась. Расул на цепи, Сидор в жопе. А от москвича теперь больше проблем, чем пользы: знает слишком много.

— Я больше него знаю, — проворчал Лось, в общем-то симпатизировавший Крюкову. — Что же, и меня теперь мочить?

— Ты наш! — Борман рубанул ладонью по столешнице с такой силой, что бутылки и стаканы подпрыгнули миллиметров на двадцать. — А он чужой, я это нутром чую. Сегодня здесь, завтра там. К тому же кассета. Нет, я, конечно, человек современный, но кому приятно, если его дочку, к тому же покойную, трахает первый встречный проходимец?

«Эх, знал бы ты, кто и в какие дырки твою покойную дочку только не трахал», — подумал Лось, но вслух говорить не стал из уважения к горю отца.

— Так что скажешь? — спросил тот Лося.

— Он нам помог, нет базара. Но я согласен с вами. Его все-таки надо замочить. Так, на всякий случай.

— Грех не боишься на душу взять?

— Что вы, шеф! У меня их столько, покойников, что одним больше или меньше — ни Аллах, ни прокурор не заметят.

Борман принял решение. Он поставил стакан с виски на стол и протянул руку в сторону Лося.

— Поддай пульт, я все сотру. Больше об этом ни одна душа не должна узнать. А с москвичом надо кончать. Уберешь его, когда посчитаешь удобным. У меня все...

Для начала Крюков в компании Коржика и других бригадиров отправился поправлять здоровье в сауне. В драке с таким сильным и опытным бойцом, как Лема, ему тоже прилично досталось. Сейчас тело ломило так, словно его с трех сторон обработали паровым молотом.

Воздух в сауне был сухой и горячий, градусов под сто. Он обжигал легкие и проникал до самых внутренностей. По причине сильной усталости Крюков подолгу в парилке не засиживался. Прогревшись до костей, он бухался в ледяную воду бассейна, после чего запахивался в простыню, словно римский патриций в тогу, и отдыхал в прохладе холла, слушая хвалебные песни братков, которые — и те и другие — его сильно утомляли.

Постепенно народ стал рассасываться. Война еще не кончилась, возможны были отдельные рецидивы сопротивления или агрессии. Не прошло и пары часов с тех пор, как Крюков и Коржик остались в одиночестве. Не считая, разумеется, полудюжины быков Коржика, которые несли службу по охране и обороне базы.

Коржик все еще выражал свое восхищение, смешанное с некоторой долей обиды. Ведь на месте триумфатора мог бы быть он.

— Классно ты этого жлоба уделал! Только знаешь, тебе надо было его на дистанции держать и бить по ногам. У Лемы коленки ни к черту, связки — одна синтетика. Он пять лет в регби играл.

Крюков вспомнил колоннообразные нижние конечности своего противника, которые иногда со свистом рассекали воздух в опасной близости от его носа, и порадовался, что не знал всего этого раньше. Вряд ли он преодолел бы искушение — попробовать ударить Лему по ногам. Но, скорее всего, сам разбился бы об эти толстые сваи, как сокол о скалы.

Они в последний раз заскочили в парилку и разлеглись на горячих досках. Коржик блаженно закатил глаза.

— Ба-бу-бы, — мечтательно пробубнил он.

— Че? — не понял Крюков.

— Говорю, бабу бы сейчас.

И будто в ответ на его пожелание на улице засигналила машина. Выбравшись на порог сауны, парильщики узнали в ней милицейский «бобик». Из кабины вылез старшина. Он обошел машину, отворил заднюю дверь «собачника» и явил изумленному взору присутствующих четырех жриц районного храма Афродиты Приокской. Девочки были — высший класс. Любую из них было бы не стыдно предложить и Клинтону, если бы он когда-нибудь добрался бы до здешних мест. А уж о простом человеке, пусть даже похожем на генерального прокурора, и говорить нечего.

Внимание Крюкова привлекла последняя из девушек. грациозно выпрыгнувшая из машины, опершись на галантно протянутую руку старшины. Это была Анжела, одна из участниц шоу.

Старшина откашлялся и, переминаясь с ноги на ногу, прочитал по извлеченной из кармана бумажке.

— Это, значит, как бы от начальника нашего, полковника Сидорова. Вроде как извиняется за возникшее недоразумение и впредь надеется на взаимопонимание.

Процесс соединения звуков в слоги и слова дался сержанту нелегко.

— Девочки, поздравляю вас с началом субботника! — отрапортовал он, ух-

мыльнулся в густые усы и укатил.

Путанки, естественно, без крайнего энтузиазма проследовали к гостеприимно запахнутым дверям сауны.

Словно учуявшие мед трутни, на сладкое потянулись и быки Коржика.

— А вы куда? Мы с москвичом раненые, нам положено, — одернул их командир. — А ваше дело пленных стеречь и нас охранять. Службу нести бодро, ни на что не отвлекаясь... И все такое.

— Да куда вам двоим четырех-то? — в сердцах махнул рукой один из бойцов.

— Не гони волну, Толян, — смилостивился Коржик. — Может, и вам кое-что обломится. Я сегодня добрый и гуманный. Девчонки, заходи!

Он широким жестом хлебосола пригласил дам к столу.

— Угощайтесь, не стесняйтесь. Если кто помыться желает, нет проблем. И не хнычьте, будете хорошо себя вести, работу оплатим. Мы не менты голозадые, нам халява без надобности.

Как заметил Крюков, из девушек одна только Анжела не обрадовалась заманчивому обещанию: предложение ее покорило.

— Ты какую выбираешь? — предложил Коржик. — Тебе как виновнику торжества первое слово.

— Мне бы лучше вон ту, сисястую, — она глупей! — процитировал Крюков нелюбимого поэта и указал на Анжелу.

Коржик наоборот, Есенина не читал, но фраза ему страшно понравилась.

— Ха-ха! Забирай! Только почему она сисястая? Я бы так не сказал.

Крюков сжал пальцами предплечье Анжелы и повел ее в предбанник. Та подчинилась с видом крайнего возмущения.

— Посиди пока, я оденусь, — сказал он, не обращая внимания на ее состояние. — Или ты хочешь здесь остаться?..

Когда Крюков, уже одетый, в сопровождении Анжелы показался в холле. Коржик не смог скрыть разочарования.

— А вы куда? У нас так быстро не сваливают! Мы же, блин, в натуре, только начали!

— Меня Борман ждет, — соврал Крюков. — А ее я забираю на правах именинника. Ты не против?

— Какой базар, братан? — Коржик полез обниматься. — Можешь оставить ее себе навсегда... Сисястую... Ну, приколот! — он едва не прослезился от смеха.

— Тачку дашь? — спросил Крюков.

— Никаких проблем. Ща свистну, тебя конкретно доставят.

— Не надо, — возразил Крюков. — У тебя тут народу и так немного.

— Зато все пацаны реальные, без базара! А тачку бери любую, какая больше понравится. Вон гараж, ключи на вахте. Ну, пока, братан! Эх, и полюбил я тебя! Но чует мое сердце, больше мы не увидимся...

— Что так, уезжаешь, что ли? — удивился Крюков.

— Не, это мне жопа моя подсказывает, а она меня никогда не обманывает. Пятая точка — шестое чувство. Ну, прощай! Жалко, что мало посидели.

Он крепко обнял Крюкова, оказавшего братку лишь слабое сопротивление. Расставшись с бригадиром, капитан и Анжела прошли к огромному гаражу, заставленному машинами, преимущественно иномарками.

Вероятно, большая их часть была краденой. Охранник дремал возле видеодвойки, где на экране Джеки Чан выделывал умопомрачительные трюки.

Крюков испытывал сильное искушение оседлать «Порше» или «Мерседес», но решил лишний раз не привлекать к себе внимания. Он выбрал вишневую «Ладу» — восьмерку с затемненными стеклами.

Махнув охраннику на воротах, они с Анжелой выбрались на трассу. До города всего километров пятнадцать. Пролететь их при желании можно было за семь-восемь минут, но Крюков поехал не спеша. У него появился шанс пообщаться с «темной лошадкой», как он про себя назвал Анжелу. И упустить такой шанс было бы с его стороны верхом глупости и неосмотрительности.

Сначала они ехали молча. Наконец Крюков не удержался и спросил.

— Как ты очутилась в этой компании? Командировочные за месяц вперед в карты проиграла? Или на новые джинсы подзаработать решила?

Анжела в ответ лишь презрительно фыркнула, как кошка. Но Крюков проявил настойчивость: чтобы разговорить попутчицу, ему пришлось сделать неджентльменский ход.

— Но, если тебе не нравится моя компания, мы можем вернуться, — предложил он, улыбнувшись.

Поломавшись еще с минуту, девушка, наконец, снизошла до разговора.

— Я в кои-то веки выбралась из гостиницы немного размять ноги и посмотреть этот идиотский город... — начала она свою печальную повесть.

— Не бывала здесь раньше? — перебил ее Крюков.

— Никогда, — ответила Анжела, и капитан почувствовал в ее голосе фальшь. — И вдруг меня хватают посреди улицы какие-то менты и везут за город на базу в качестве проститутки для пьяных бандитов!

— А мне показалось, что кто-то хотел тебя наказать за какие-то грешки. Нет? Конечно, нет, это же просто фантазии. Я отвезу тебя прямо в гостиницу. Постарайся до начала шоу больше из нее не выходить, — посоветовал девушке ее спаситель.

— Спасибо, — Анжела была смущена: Крюков не походил на образец добродетели, и такого отношения она от него не ожидала. — Я действительно поняла, чем тебе обязана. Но сначала мне было не до того. Я была в таком состоянии. Да и девчонки эти... Ты обратил внимание на ту — высокую и рыжую?

— Нет, — пошутил Крюков. — Я смотрел только на тебя.

— Нет, я серьезно, — Анжела повернулась к собеседнику. — Тот усатый старшина отзывал ее в сторону и передавал ей что-то.

— Что? Бомбу? Пистолет?

— Хуже. По-моему, это был клофелин.

— Тьфу, блин! — Крюков так резко затормозил, что пассажирка чуть не выдала головой лобовое стекло. — А что же ты раньше-то молчала?

— Я на тебя обиделась.

— За глупею и сисястую? — невесело усмехнулся Крюков.

— Да, и за это тоже. Мы возвращаемся?

Крюков достал мобильник. До Бормана он дозвонился сразу.

— Алло, это москвич, — представился он. — Я только что узнал — Сидоров прислал Коржику путанок с клофелином. Боюсь, что уже поздно. Перекрой мост. Я еду туда, но у меня один пистолет с неполным магазином. Хоп, буду ждать на месте. — он отключился.

То, что они опоздали, он понял, когда услышал гулкие взрывы с той стороны, где находилась база, и когда мимо них в сторону города промчалась вереница машин с затемненными стеклами. В одной из них наверняка увозили Большого Расула. Это означало одно — феодальная война продолжается...

На пепелище базы он вошел один, оставив Анжелу в машине на трассе. Так было безопаснее для нее.

— Сиди и не дергайся, словно тебя нет. Я сгоняю на разведку.

Ворота базы были сорваны с петель и валялись на земле. Из-под одной створки торчали ноги охранника. Крюков извлек ствол и чуть ли не попластунски стал пробираться вдоль асфальтированной дорожки к корпусам. Время от времени он поднимал голову и озирался в поисках хоть каких-нибудь движущихся объектов. Но тщетно.

Сауна была пуста. Крюков вошел в нее, замер, прислушался. Ни из бассейна, ни из парилки не доносилось ни звука. Вокруг парил хаос. Всюду были следы разгрома, возле бассейна образовалась лужа красного цвета: похоже, это была кровь. Но людей как живых, так и мертвых, он нигде не обнаружил. Не пришельцы же их похитили.

Также осторожно Крюков пробрался к главному административному корпусу. По гулкому, скрипевшему старыми половицами коридору он чуть ли не на цыпочках приблизился к помещению бывшей кассы, куда они заперли пленного Расула и его гвардейцев.

Здесь он и нашел всех. Нет, не Расула и не Лему. Здесь лежали Коржик в белой тоге и его бойцы. Двое даже успели раздеться перед смертью.

Рядом распростерлись тела трех несчастных голых путанок. На лице рыжей застыло выражение крайнего удивления. Видимо, усатый старшина обещал ей за предательство что-то совсем другое. У всех без исключения трупов было перерезано горло. Пол густо заливала кровь. Значит, резали их уже здесь. Зачем? Такая бессмысленно-садистская педантичность заставила Крюкова поморщиться.

С улицы послышался звук автомобильного сигнала. Крюков вышел на встречу. Из подъехавших машин выбирались Борман и его люди.

Борман и Лось подошли к Крюкову.

— Они все там, — он кивнул на зарешеченное окошко кассы.

— Убиты? — спросил Борман.

— Да. У всех горло перерезано.

— Тогда по коням, перехватим их по дороге! — предложил Лось.

Когда они выезжали на трассу, Крюков повертел головой, обозревая окрестности, и спросил Лося:

— Слушай, ты тут на обочине вишневую «восьмерку» не видел? Телка в ней сидела такая клевая.

Лось рассмеялся.

— Не было тут никакой «восьмерки». Что, кинула? У нас девчата такие...

— Она не из ваших, приезжая. А, впрочем, может, она и тут наврала?

По пути Борман разделил своих людей на группы. Теперь вместо Коржика остатками его бригады руководил Крюков. Его задачей было обследование развалин Заречного рынка на предмет поиска Лечи и его людей. Отказываться от этой сомнительной чести капитан не стал: теперь у него был двойной

счет к должнику...

Сметенные словно ураганом ряды прилавков, груды мусора, сторевшие обломки ларьков и павильонов — вот во что превратился оживленный еще недавно Заречный рынок.

Навстречу Крюкову и его людям уже спешил стукач-дворник. К хозяевам рынка он относился с ненавистью, основанной на сильнейшей зависти. Потому и стучал на них он не за интерес, а по внутренней естественной необходимости.

— Там они, — радостно сообщил он. — В своем «Караван-сараяе» заперлись.

— Кто у них главный? — строго спросил Крюков.

— Лечи, гад такой! Ух, я бы их...

Капитан не стал дослушивать выступления патриота, а велел своим людям окружить строение. В отличие от хачапурни Рашида, это была временка, не способная выдержать серьезного обстрела. Бойцы же Крюкова были вооружены более чем серьезно: автоматами, гранатометами и даже огнеметом «шмель». Из заделанных железными щитами окон шашлычной сквозь щели-бойницы раздалось несколько безрезультатных выстрелов.

Расставив людей по безопасным позициям, Крюков подобрался поближе и громко обратился к главарю осажденных:

— Эй, Лечи, ты меня слышишь? Не стреляйте!

— Это ты, москвич? — отозвался горец. — Что хочешь?

— Да, это я! Сдавайся, тебе не отбиться. И менты не помогут. Ты же не Расул, а так, шестерка!

— Имей в виду, Расула здесь нет, — на всякий случай предупредил Лечи.

— Мне не он, а ты нужен. Ты уже знаешь, как я твоего брата отделал? Вот тебя бы так!.. — прокричал Крюков. — За что ты ребят в сауне порезал?

— Вах! Баранам баранья смерть! На войне спать нельзя. Они спали, ели, вино пили, баб трахали. Я и мои люди пришли, как свиней всех зарезали.

— Тебя на базу полковник Сидоров навел? — снова спросил Крюков.

Лечи громко засмеялся:

— Ну он, полковник! И что? Подумаешь, Сидоров-пидоров!

Бойцы Крюкова, затаив дыхание следили за их диалогом. Лечи продолжал:

— Слушай, давай опять договоримся. Я тебе много бабок дам, а сам домой уеду. У меня дом в Крыму, жена...

— Ты же когда-то говорил, что в Сочи, — удивился Крюков.

— Да? — Лечи был удивлен не меньше него. — Это другой дом, другой жена. Ислам разрешает четырех жен иметь...

Крюкову надоело полемизировать среди помойки.

— Слушай, кончай свою религиозную пропаганду, говори, что предлагаешь?

Лечи помолчал, прикидывая шансы на спасение.

— Обещаешь отпустить меня и моих людей, если сдадимся?

— Даю слово. Если сдадите оружие и выйдете с поднятыми руками, обещаю сохранить жизнь и отпустить. Всех.

Бойцы Крюкова со своих позиций вдруг грозно зароптали. Они все как один горели желанием отомстить за подло и позорно убитых товарищей. Но капитан одарил кого надо угрожающим взглядом, а на остальных прикрик-

нул. Все тут же затихли.

— Борман поставил меня старшим, и я убью всякого, кто нарушит мой приказ, — предупредил Крюков. — Приготовьте гранаты на всякий случай.

Бойцы зашевелились, не веря, что их надежды сбудутся.

Крюков снова обратился к осажденным:

— Эй, Лечи, слышишь меня? Выходите по одному, без оружия. Руки на затылке. Ты первый. Пошел!

Дверь шашлычной приотворилась. Лечи вышел, щурясь от яркого света направленных на него автомобильных фар. Он улыбался.

— Эй, урусы, я сдаюсь!

Он приблизился к месту, где его ждал Крюков. Сыщик смерил абрека укоризненным взглядом.

— Слушай, Лечи, ведь ты же слово давал, божился, что домой уедешь. Не боишься: что Аллах накажет за обман?

Лечи усмехнулся.

— Зачем накажет? Ты же не правоверный. Тебя обмануть можно, это не грех. Аллах над нами, козлы под нами! Ладно, хорош базарить, давай отпущай, слушай. Ты же слово дал!

Его наглости, казалось, не было границ. Крюкова передернуло.

— Знаешь. Лечи, козлы не под вами. Ты сам козел. Ты меня обманул, я тебя обманул. Теперь мы квиты. Не увидишь ты ни дома в Сочи, ни дома в Крыму, ни жен, ни детей. Алаверды. Лечи. Извинись там перед Коржиком.

И хрипло заорал во все горло:

— Батарея, огонь-пли! Какого хрена ждете? Заснули?!

Братва на миг замешкалась: такого исхода переговоров никто не ждал. Через секунду несколько очередей, выпущенных одновременно, отбросили Лечи назад, он упал навзничь, даже не успев застонать перед смертью.

Одновременно по окнам и в приоткрытую дверь осажденного строения ударили полдюжата противотанковых гранат из «мухи». В образовавшиеся бреши следом обрушился град ручных гранат — мощных «Ф-1», легких «эргедешек», а также «вогов» из автоматных подствольников. Шарахнула огненная капсула из «шмеля», за ней другая, третья... Взрывы слились в один сплошной непрерывный грохот.

Изнутри здания доносились жуткие крики. Там заживо горели люди. И если библейские отроки чудом спаслись из вавилонской печи огненной, то из горнила, в которое превратилась шашлычная «Караван-сарай», не спасся ни один человек.

Крюков во время этого артобстрела стоял не шелохнувшись и мрачно смотрел на дело рук человеческих:

— Господи! — простонал он. — Ну почему же все мы — такое говно?!

«Должен же существовать где-то рядом параллельный мир, — думал капитан, глядя на скачущих от радости, как папуасы вокруг костра, братков, — где живут нормальные, обычные люди. Которые строят дома и дороги, сеют и жнут доброе, вечное, рожают и воспитывают детей. Для которых шуршание банкнот — пустой звук, а порядочность — норма поведения? Почему же я имею дело только с грязью и швалью.»

Крюков вспомнил старика на «Запорожце». Как он там сказал? «Скорее бы вы друг друга перестреляли!» Вот и стало по сему. Отчего же на душе так тяже-

ло и противно?

Капитан повернулся и зашагал прочь от дышащего огнем вулкана, уже ничем не напоминавшего бывшую шашлычную...

Он пересек площадь перед рынком и остановился на крутом берегу Оки как раз в тот момент, когда на нее выруливал бормановский «Мерседес». Из него выскочил Лось.

— Ну, как?! — в нетерпении крикнул он, подбегая к Крюкову.

— У нас все схвачено, — Крюков рукой указал на пылающие в отдалении руины. — Лечи там остался и все, кто с ним были. Ненавижу подонков!

Лось кивнул в знак согласия.

— Точно, — подтвердил он, выхватывая из-за пояса снятую с предохранителя «беретту» — кто же их, подонков, любит!

Невероятной мощности удар в грудь швырнул Крюкова назад, и он, раскинув руки, словно пытаясь опереться ими о воздух, полетел спиной в темную речную воду.

— А говорил, Чапаевы не тонут... — проворчал Лось, разглядывая расходящиеся по возмущенной глади реки круги. — Эх, как нехорошо получилось. Контрольного выстрела теперь не сделаешь. Ладно, если не убит, так захлебнется. Да нет, убит. Я же с пяти шагов, точно в сердце...

Лось неторопливо вернулся к своей машине, сел в нее и укатил докладывать шефу о проделанной работе...

Глава восьмая Игры патриотов

Борман сидел, развалившись в кресле, в просторной, как вокзальный зал, гостиной своей резиденции, на расстоянии вытянутой руки от бара. В последнее время он старался не удаляться от него без крайней на то необходимости.

— Шеф, у нас стало двумя проблемами меньше, — доложил ему Лось сразу же по приезде. — Москвич убрал Лечи, а я отправил следом его самого. Наверное, они уже вместе шашлык лопают в райском парке культуры и отдыха. Скальпа в доказательство, правда, не принес. Не до того было.

— Ладно, верю, — Борман поднял стакан, доверху наполненный не то коньяком цвета виски, не то виски цвета коньяка. — Выпьем! Помянем раба Божьего... Как его звали?

Лось равнодушно пожал плечами:

— Крюков, Дрюков, Жуков... А хрен его знает.

— Я же тебя не про фамилию, а про имя спрашиваю. Для Бога имя существует, а фамилия — это для прокурора.

— А не было у него имени, — убежденно заявил Лось.

— Чудны дела Твои, Господи! Прими же душу раба Твоего невинно убиенного, имя же его Сам, Боже, веси! — забыв перекреститься. Борман пригубил из стакана и закусил жгучим перчиком. — А что в городе творится?

Лось по-хозяйски колдовал у бара с бутылками, смешивая из напитков повышенной крепости нечто непотребное.

— Дерьмовые дела. Расул снова заперся в хачапурне Рашида. Понял, что там он как за каменной стеной. Только теперь он туда стянул все свои силы и так просто его оттуда не выковырять. Да и дураков больше нет, свою жопу подставлять. Эх, москвич-москвич! Хороший ведь, в сущности, парень был. да не повезло. Царствие ему небесное!

— Кого это вы тут поминаете? — поинтересовался Крюков, входя в зал.

У Бормана и Лося, как по команде, синхронно отвисли нижние челюсти. Наверное, точно так же отреагировали секьюрити Эльсинора на появление призрака Гамлета-старшего. Борман выпустил свой стакан из пальцев: хрустальные осколки разлетелись во все стороны, на паркете образовалась янтарного цвета лужа, а воздухе запахло алкоголем... Все-таки это было виски.

— Ты?! — вскричали авторитет и его подручный в один голос.

— А вы кого ждали?

— Ты живой?

Крюков едва удержался от смеха.

— Какой же дурак пойдет на штурм без тяжелого броника? Вот куртку мне этот козел испортил, — он погрозил Лосю указательным пальцем левой руки: правая была занята «иерихоном».

— Как ты вошел? — изумился Борман.

Теперь настал черед Крюкова выразить удивление.

— Ты не забыл, что я все еще герой последней войны с Расулом? Меня даже не обшмонали на входе. У кого из твоих быков поднимется рука меня задержать? Кроме этого мудака, конечно. — Крюков указал стволом на все еще не пришедшего в себя, растерянного Лося. — Он сам придумал меня грохнуть

или это ты посоветовал?

Борман заволновался так, как не волновался со времен первой ночной поллюции. Он стал вдруг бессистемно перебирать предметы на столе.

«Пистолет, что ли, ищет?» — подумал Крюков.

Но Борман взял в руки видеокассету.

— Понимаешь, я получил кассету. На ней такая гадость... Ты и моя дочь...

Крюков не смог скрыть своего возмущения.

— Какая гадость? Что же мы такого там делаем? Говно едим? Над новым гимном насмехаемся? Или, может, трахаемся? Тогда понятно. Ты, наверно, думал, что твоя девочка из сладкого только конфеты любит, а ее на вафли потянуло. Выросла уже, и вкусы у нее изменились.

— Не смей!.. — начал было с пафосом Борман, но Крюков его оборвал.

— А я ничего такого и не собирался тебе говорить. Все гадости ты сам себе уже представил. Так ты хочешь сказать, что этот придурок Лось шмальнул в меня из ревности? А ты отцовским праведным гневом направлял руку благородного мстителя. Ну, знаешь ли, в твои годы пора научиться врать поубедительнее.

Пока Крюков произносил свою обличительную речь, Лось переместился за стойку бара и положил руку на горлышко бутылки коньяку, намереваясь воспользоваться ею по методу Штирлица, но поднять руки не успел: «иерихон» под управлением Крюкова переместился в пространстве и теперь его одинокий глаз был направлен точно в лоб слушника.

— Эй, дружок, а ну-ка вылезай оттуда и поставь бутылку на место. Я не Холтоф, коньяк принимаю внутрь, а не по голове.

Лось нехотя повиновался, Крюков между тем продолжал:

— А теперь, дорогой партайгеноссе Борман, я представлю тебе источник твоих проблем с Расулом и Карпом. Вот он, полюбуйся. Слегка поддат, побрит небрежно... Это твоя верная шестерка, твой сохатый помощник.

— Лось?! — Борман был поражен услышанным.

— Он, родимый, — Крюков указал пистолетом на диван и подождал, пока оба собеседника усядутся. — Я давно пришел к выводу, что наркоту Расула и бабки Карпушкина взял Лось. Разумеется не один, а с помощником. Или с помощницей. Он же убил Игната и Руслана. И, возможно, Дину.

— Что скажешь? — Борман повернул голову и в упор посмотрел в глаза своему начальнику охраны.

— А что тут сказать? — Лось отвел взгляд и под давлением обстоятельств счел нужным признаться. — Да, бабки и наркоту взял я. Но я никого не убивал!

— И кто был твоим помощником? — продолжал наседавать Борман.

— Не помощником, а помощницей. Этот хмырь все верно разнюхал, — кивнул он в сторону Крюкова. — Неужели не догадываетесь, кто мог мне помочь? Это была Дина!

— И ты посмел втянуть ее?!

Лось остановился перед боссом в раздражении.

— Да вот посмел. Во-первых, я любил ее. А во-вторых, если бы я не согласился, она пошла бы на дело одна. Вообще, если быть точным, это она меня втянула.

— Где товар и бабки? — прогремел Борман: в этот момент он, похоже, за-

был о печальной участи дочери.

Лось отрицательно помотал головой.

— Я не знаю. Их Игнат спер. А Дина его того... Замочила. Нет, честно, я в его смерти неповинен. Тогда в гостинице расуловцев и карповых быков я перемочил, это было. Но Игната я не трогал. И Дину не убивал.

Борман сник, словно половой член женолюбца, застигнутого в постели любовницы ее мужем-боксером. Он как-то по-стариковски затряс головой и запричитал:

— Ах, Игнат. Игнат! Говорил же я ему, не связывайся с Карпом. Нашел себе место — начальником безопасности при «Башне смерти». Как же, они с Карпом молочные братья. Одну бабу по очереди трахали!

— Это точно? — прищурился Крюков.

— Сам не видел, но базарили об этом все, кому не лень. Любого спроси.

— И кто она, если не секрет? — насторожился сыщик.

— Ты ее знаешь, а скоро снова увидишь, если шоу продолжают, — успокоил его Борман. — Теперь, когда Дины нет. Карп ей точно первое место пробьет. Злая баба, и всегда добивается своего. Это ведь она мне кассетку про тебя с Диной прислала. А пистолетик убери. Он тебе тут без надобности.

Помедлив, Крюков опустил ствол и позволил собеседникам расслабиться. Он узнал все, что было нужно, даже больше того. Лось и Борман по-прежнему сидели на диване рядком, как два попугайчика-неразлучника. И куда только девалась вся их хваленая крутизна!

Крюков сунул пистолет за пояс и вышел из гостиной, не прощаясь. Борман внимательно посмотрел ему вслед.

— Лучше бы я его одного вместо всех вас, болванов никчемных, нанял... — сказал он со вздохом.

Крюков приехал в «Башню смерти», когда там полным ходом шли работы по возобновлению показа телешоу. Здесь, прямо с порога, его встретил донельзя рассерженный режиссер Задославский.

— Скажите, Крюков, вы у нас работаете или не работаете? Давайте с вами определимся. Или вы здесь, или как?

— Вообще-то я тут новую работу нашел, — огорошил его сыщик. — Банка одного охранять.

Режиссер взвился на дыбы:

— Что вы себе позволяете! У нас контракт! Где дисциплина? Одного убивают, другой увольняется! Чтобы этого больше не было. На время отсутствия начальника службы безопасности временно назначаю вас исполняющим обязанности. Идите и работайте! Для начала соберите мне всю труппу... В смысле всех участников. И своих людей соберите. Этот пердун здоровый куда-то исчез. Как его. Трактор или Комбайн? Бульдозер!

— От труппы остались только трупы, — скаламбурил Крюков и пошел собирать личный состав телешоу.

Бульдозер действительно исчез. Последний раз его видели вскоре после смерти Бодрова. Сразу вслед за этим он пропал.

Не лучше обстояли дела и с участниками телеигры. На возвращение Дося Крюков и не рассчитывал. Обе дамы, Ольга и Анжела, давно не показывались в гостинице. Яго кто-то видел утром, когда он крутился возле аппаратной.

Крюков прекратил поиски и отправился знакомиться с документацией. В

столе Бодрова оперативно-следственная бригада перевернула все, что смогла. Что искали — незарегистрированное оружие или наркотики — оставалось тайной. Крюков полистал подобранные на полу бумаги. Из них он узнал, что сотрудники охраны телешоу непосредственно подчиняются руководству частного охранного предприятия «Ягуар».

Крюков почесал кончик носа, что являлось у него признаком сильного удивления. Фирма «Ягуар» — супертяжеловес на рынке охранных услуг. К ее помощи прибегали звезды эстрады, бизнесмены и политики. Однажды сотрудники фирмы попали в эпицентр крупного скандала, связанного с незаконным прослушиванием телефонов в здании Государственной думы и Белом доме. Но скандал быстро замяли. Крюков был уверен, что при желании «Ягуар» может составить конкуренцию не только милиции, но и ФСБ. Что понадобилось «Ягуару» в такой дыре, как Приокск, можно было только догадываться. Крюков как раз догадывался.

Это открытие его немного озадачило. То, что он временно оказался у руля одного из подразделений столь могущественной и информированной организации, было случайностью и долго продолжаться не могло. Надо было пользоваться моментом. Пока ты начальник, никому в голову не придет задавать тебе вопросы типа «зачем это надо» и «кто разрешил»?

Крюков прошел в аппаратную. Экраны мониторов пока не светились. Показывать было некого и нечего. В комнате никого не было. Тихий стон, донесшийся откуда-то из-под стола, доказал Крюкову, что он ошибается.

Под столом стонал ассистент камермена Сережа. Он лежал, скрючившись, на полу, сжимая руками с двух сторон свою окровавленную голову. С первого взгляда трудно было понять, насколько полученные им травмы совместимы с жизнью.

Крюков наклонился над стонущим, отодрал его руки от головы и исследовал пораженный участок. Кроме довольно приличной шишки, других видимых повреждений на теле страдальца он не обнаружил.

— Вставай. Камерман, — без тени сочувствия, грубо предложил Крюков. — Доподглядывался? Маньяк, блин, наблюдатель. Кто это тебя так?

— Не знаю... Я ни за кем не подглядывал. Просто вошел сюда, в аппаратную... Я сразу понял, что в архиве кто-то рылся, причем недавно. Я хотел позвонить тебе... вам... — оператор говорил нечленораздельно, поскольку каждый второй слог сопровождал всхлипыванием, а каждый четвертый стоном.

— Валяй запросто, я не обижаюсь, — ободрил его сыщик.

— Я хотел вызвать кого-нибудь из охраны, но тут меня сильно ударили чем-то тяжелым сзади по голове. Я упал и потерял сознание.

— Ладно, поднимайся, — велел Крюков. — Поройся в своем архиве и постарайся определить, что пропало. А я тебя буду охранять.

— А это... не вы меня того, по кумполу?.. — робко осведомился Сережа.

— К сожалению, не я, — разочаровал его сыщик. — Я только что от режиссера. Так что Задославский тоже отпадает. Ты вместо того, чтобы строить научные гипотезы, лучше лезь быстрее в свой архив. Кстати, твой кореш, Яго, крутился тут недавно, возможно, что это он тебя приласкал. По старой дружбе.

Сережа со стенаниями поднялся на ноги, уронил себя в кресло на колесиках и покатился на нем к длинному столу, переходящему в шкаф со множеством полок и секций. Там и располагался архив студии в виде множества

кассет и компьютерных дисков. Он принялся разгребать созданные им же самим завалы информации, время от времени отрываясь от этого занятия, дабы пожаловаться на свою незавидную долю.

Крюков долго терпел, но, наконец, устал его выслушивать.

— Ну что ты стонешь, как птица, у которой украли ее яйца. Твои-то яйца целы? Ты, вроде, по другому полюсу получил. Где твоя порнуха? Колись, пока я за тебя не взялся, ты у меня шишкой не отделаешься!

Сережа не глядя махнул на дальнюю полку.

— Там поищи.

Крюков выгреб из указанного хранилища стопку кассет и направился к компактной видеодвойке, включил аппарат и принялся отсматривать материал.

Для какого-нибудь извращена это был просто клад. Здесь совокуплялись десятки людей как незнакомых Крюкову, так и знакомых по работе в телешоу.

Крюкова это обрадовало, но по другой причине.

— Так ты, красавец, не только получал удовольствие от всей этой помойки, но еще и досье собирал! Ничего не скажешь, работа по призванию, да еще и оплата, как при коммунизме, — по потребностям. И много ли надоил?

Сережа смутился и, Крюков не поверил своим глазам, покраснел.

— В общем, нет, я об этом не думал... Так, случайно получилось. Один раз...

— И кто же это был?

— Лось...

— Ты зацепил на крючок Лося и после этого ходишь живой и почти здоровый — всего-навсего с шишкой на бестолковке? Фантастика! Я тебя недооценивал, прости.

Сережа замахал руками.

— Все было совсем не так! Он сам пришел ко мне и сказал, что знает про кассету, где он трахается с любовницей... одного большого человека.

— Кого?! Если колоться, то до самой задницы! Иначе этот день навеки останется в твоей памяти одним непрерывным кошмаром.

Ответом было молчанье. Крюков взял несчастного оператора за шею и легонько нажал пальцем на точку в том месте, где шея переходит в плечо. Лицо упрямяца исказила судорога.

— Ну что ты, дурашка, — почти по-отечески обратился к нему Крюков. — Если хочешь ощутить незабываемый болевой шок, просто попроси об этом. К чему увертки и иносказания?

Сережа в панике отвернулся в сторону.

— Не надо шока! Я не помню!

— А может, попробуем? Один раз, но сильно! Попробовав раз, потом сам просить будешь, бабки предлагать. — Крюков лаской решил добиться своего. — Так о ком идет речь?

Оператор был полностью подавлен.

— О Карпушкине! — то ли выкрикнул, то ли выдохнул он.

— Что? — Крюков не был удивлен, он был поражен, словно эвенк, на ярангу которого свалилась третья ступень ракетносителя «Протон».

— Ты говоришь, что Лось трахал депутата Государственной думы от вашего избирательного округа? Вот это извращенец! Это же особо тяжкое государственное преступление, совершенное с глубочайшим цинизмом! А в государ-

ственный флаг они при этом не заворачивались? Нет? И гимн с новыми словами не пели? И со старыми тоже? Жаль, очень жаль.

— Вы не поняли, — жалобно пролепетал Сережа. — Лось трахал любовницу Карпушкина.

— И всего-то? — разочарованно протянул Крюков. — А в чем же здесь криминал? Я лично такого не вижу. Кстати, я тебе уже говорил, чтобы ты мне не выкал?

— Вы-то... То есть ты-то, может, и не видишь, а Карпушкин другого мнения. Вот Лось и пришел ко мне, чтобы забрать кассету. Да вдобавок и денег потребовал.

— Оригинально, — рассмеялся Крюков. — Значит за его компру ты же ему еще и доплатил? Ничего не скажешь, выгодный бизнес. Ну а эта любовница, кто она?

Сережа сделал страшные глаза и зашипел.

— Она здесь, принимает участие в шоу!

— Понял, не дурак, — Крюков как раз вставил в кассетоприемник видеомагнитофона очередную запись.

Здесь было собрано попури гомосексуалистов как мужского, так и женского пола. Крюков включил просмотр на повышенной скорости. Главным персонажем был режиссер Задославский. Из всех партнеров гения подмостков Крюков опознал только знойного Яго.

— Где же ты все это поназаписывал? — поинтересовался он.

— Я обслуживал системы видеозаписи в отелях, принадлежащих Карпушкину. Там везде такая аппаратура, — неохотно признался Сережа. — В целях безопасности.

— Понимаю, — кивнул Крюков. — Теперь это называется безопасный секс. А наутро вся страна любит человека, сильно похожим на генерального прокурора. Стоп! А это кто?

На экране мелькнуло лицо Ольги. Собственно, ничего криминального в ее появлении в данной коллекции не было. Крюков и сам был ее экспонатом. Неприятно было то, что Ольга обнималась и целовалась с женщиной. Лицо Ольгиной партнерши показалось Крюкову знакомым, но шквал отрицательных эмоций заставил его прокрутить неприятные кадры побыстрее.

«Что это я, влюбился, что ли, на старости лет?» — неодобрительно подумал он о себе.

Через две кассеты капитан, наконец, добрался и до своей сцены. Со стороны происходящее казалось менее приятным, чем было на самом деле.

«Нет, «это» надо делать, а не наблюдать, — подумал Крюков. — Совсем не тот эффект».

— Копии есть? — грозно спросил он.

— Откуда? На оригиналы пленки не хватает, — пожаловался Сережа.

Крюков забрал кассету с компрой на себя и на Ольгу. Он уже собрался было подняться, чтобы уйти, когда до него дошел очевидный факт. На кассетах он видел практически всех сколько-нибудь заметных участников шоу и съемочной группы. Среди них не было только одного — продюсера Сароева.

— Слушай, а Сароев в ваших оргиях разве не участвовал? — поинтересовался Крюков у Сережи.

— Сароев не участвовал? — удивился тот. — Да тут каждая вторая кассета

была с его участием. Мы его между собой звали звездой порнухи. Куда же все делось?

— Вот и мне это интересно, — Крюков встал с кресла и быстрым шагом покинул аппаратную.

Яго сидел в столовой студии и задумчиво ел банан за бананом. Рядом с ним на столе высилась гора желтой кожуры.

— Плохо не будет? — спросил его Крюков, входя в комнату.

— Не выбрасывать же. Испортятся, вон их еще сколько, — ответил Яго, разоблачая очередной плод.

Крюков оседлал табурет напротив него и уставился в задумчивые прекрасные глаза любимца женщин. Впрочем, и мужчин тоже.

— Как временно исполняющий обязанности начальника местной службы безопасности хочу узнать. зачем ты спер в аппаратной кассеты с Сароевым и убил несчастного Сережу? — небрежно поинтересовался он у красавца.

Тот побледнел и едва не подавился пока еще почти целым бананом. Крюков одним прыжком подскочил к нему, прихватил за густые кудри одной рукой, а ладонью другой вдавил тропический фрукт ему в рот до самого конца.

Яго сложился пополам и забился в судорожном кашле. Крюков приложил его кулаком по хребту. Не сильно, но кости хрустнули.

— Не следишь за позвоночником, — озабоченно сообщил он. — Молодой, красивый, а остеохондроз уже, можно сказать, вступил в свои права. Кончай каркать и внимательно слушай мои вопросы. Если в течение трех секунд ты не сумеешь дать на них правильные ответы, то сразу отсюда отправишься в реанимацию. Здесь столько банановой кожуры, что, если сбросить ее на пол, то обилие твоих черепно-мозговых травм ни у кого не вызовет удивления. Медицины мы скажем, что ты поскользнулся, упал и ударился головой. Потом попытался встать, но снова поскользнулся и снова ударился. И так восемнадцать раз. Я скажу, что видел это собственными глазами и плакал оттого, что ничем не могу помочь. Потому что если бы вошел сюда, то и сам непременно поскользнулся бы и упал.

— Но у меня нет никаких черепно-мозговых травм! — в страхе воскликнул Яго.

— Они у тебя сейчас будут, причем в избыточном количестве, — обнадежил его Крюков. — Колись, педрила, зачем ударил подручного Камермана? Или хочешь получить кайф от включенной лампочки в заднице? Вон на столе стоит «миньонка». Изумительная фаллическая форма. Будешь сиять, как ленинский план ГОЭЛРО на съезде советов.

Яго поспешно закивал головой.

— Я только хотел взять кассеты... Он правда мертв? Я не хотел...

— Живой он, не беспокойся. Зачем тебе понадобилась компра на продюсера Сароева, — более миролюбивым тоном продолжал Крюков.

Он отпустил Яго и позволил ему сесть на стул.

— Сароев толкает в победительницы эту телку, любовницу депутата Карпушкина. А Задославский обещал победу мне.

— И, поскольку подставить свою задницу Сароеву ты не можешь, так какой испытывает оргазм только от шороха баксов, ты решил заняться шантажом. Ну и дурак.

— Почему? — Яго скорее удивился, чем обиделся.

— Сароев не хозяин, а только распорядитель. Тебе нужно выйти на Карпушкина. Он, кстати, на зоне парился, может, ему твоя задница понравится больше, чем передок его подруги. Попробуй. Только смотри, чтобы она тебя из ревности не прикончила. — Крюков подхватил стоявший рядом стул и уселся напротив собеседника. — Или вот еще любопытная информация. Дарю безвозмездно. Деньги Карпа вместе с героином Расула захапал Лось. Такая информация должна депутату понравиться. У него скоро выборы, каждая копейка на счету.

— Это точно? — Яго чуть не затрясся от возбуждения.

— Документально подтвердить не могу, но слышал признание от самого Лося в присутствии его шефа — Бормана. В суде такой материал не прокатит, поэтому отдаю тебе. А ты, наивняк, хотел шантажировать Сароева детской порнушкой? Клал он на нее с прибором. Он же не прокурор и не дипломат. Ты ему только рейтинг повысишь.

Яго обиженно засопел.

— Я не такой дурак, — гордо заявил он. — Порнуху я для другого брал. Там на одной кассете он бабу дерет, она у него финансовый директор. А у бабы этой муж ревнивый и дурной, но большая шишка. Короче, я на нее нажал, и узнал интересную вещь, только...

Крюков презрительно усмехнулся.

— Телись, раз уж начал. Мне от твоих откровений не жарко и не холодно. Но когда тебя, дурака и шантажиста самодельного, убьют, а я в этом не сомневаюсь, я хоть знать буду, кому хомут подвесить. Ты же хочешь, чтобы твоего убийцу в конце концов поймали?

Яго не до конца понял мысль Крюкова, но в целом с ней согласился. Он понизил голос до шепота.

— Сароев вложил деньги в призовой фонд игры и еще кое-какие средства в наркотики. Хотел прокрутить по-быстрому, а они и пропали. Но Карпушкин еще про это не знает. Поэтому Сароев больше всех заинтересован в том, чтобы сорвать шоу и не довести его до конца.

Крюков с удивлением посмотрел на красавца, никак не ожидая от него подобной проницательности.

— И все же будь осторожен, — посоветовал он. — Такие игры на моей памяти еще никого не делали миллионером. Все больше покойниками...

Крюков спустился в вестибюль, чтобы подкрепиться в «Горячем питании». Кроме того, он хотел спокойно обдумать полученную информацию. За столиком уличного кафе он заметил сияющего, как новенькая монетка евро, участкового Чапаева. Тот как раз откупорил свою традиционную чекушку и готовился к обязательному утреннему обряду возлияния.

— Пять капель примешь? — предложил он Крюкову.

— А почему только пять? — неожиданно возразил сыщик. — Тут такие дела творятся, что без поллитры не разберешься. Как говорится, картина «Война в Крыму, все в дыму и ни хрена не видно». Вот и у вас так.

Чапаев аккуратно разлил водку себе и Крюкову.

— Слышал я про твои подвиги. Только это, брат, еще не война. Это только подготовка, сама война впереди. Так-то. Давай махнем за победу.

— За нашу победу, — уточнил Крюков и выпил, не поморщившись...

Пятисотый «Мерседес-Брабус» депутата Карпушкина приближался к Приокску во главе небольшой колонны солидных, но менее представительных машин. В салоне «Мерседеса» работал маленький телевизор. На его экране женщины в белых халатах мотали проволоку на катушки-соленоиды. Диктор бодрым жизнерадостным голосом вещал:

«Приокский механический завод возобновил производство переносных ракетных комплексов «Дротик». Денег спонсоров, к сожалению, не хватило на современное оборудование. Многие операции приходится делать вручную, но продукция завода пользуется высоким спросом. Система эта не новая, зато она успела хорошо зарекомендовать себя на практике. Компактная, но мощная ракета прожигает лобовую броню танков, безотказно работает по низколетящим целям...»

Сидевший рядом с Карпушкиным интеллигентный человек в очках с тонкой золотой оправой громко расхохотался. Это был в недавнем прошлом полевой командир, а ныне — находящийся в розыске в связи со взрывами домов в Москве и Буйнакске сотрудник министерства шариятской безопасности Ичкерии Исмаил Джафаров.

Смеялся он долго. Наконец утер слезы и произнес:

— Извини, Юрий, но вы, русские, очень смешной народ. Объясни мне, для кого вы собираетесь выпускать эти ракеты? Чьи танки прожигать насквозь и чьи низколетящие цели сбивать? Немецкие? Американские? Наши? Да ведь «Дротик» — оружие, специально созданное для партизан и террористов. Это же ваши танки и вертолеты мы будем им подбивать!

Карпушкин вежливо улыбнулся, всем своим видом демонстрируя полное равнодушие.

— Я наладил здесь производство этого оружия именно для того, чтобы им торговать. Не армии же его дарить. В долг я не продаю. Особенно банкротам. Тебе, арабам, зулусам — мне наплевать, кто его купит и кто в кого будет стрелять. Разве пекаря интересует, кто будет есть его пироги? Важно только, сколько мне будут платить и в какой валюте.

Джафаров самодовольно ухмыльнулся.

— Моя валюта инфляции не боится. Героин был, есть и будет. И качество — «четыре девятки». К тому же налога с продажи платить не надо.

— А куда же Расула девать? Выбрасывать из дела? Он ведь земляк твой. Не жалко?

Джафаров снова засмеялся.

— Какой земляк, слушай? Плевал я на таких земляков. Его земля — Мамаево ханство. Вот пусть он там и сидит. Без него торговать будем, нам это очень выгодно будет. Расул слишком много накручивал. Теперь ты будешь брать товар намного дешевле, а я продавать — значительно дороже. Но меня беспокоит пропажа денег и товара. Когда ты разберешься с похитителями? Такое нельзя прощать.

— Дай срок, я уже почти вычислил этих козлов, — заверил партнера депутат. — Не сегодня-завтра возьму. Шкуру сдери заживо! И впредь, будь уверен, такое не повторится.

Джафаров наклонил голову в знак согласия.

— Я верю тебе, иначе нашел бы других партнеров. Но не забывай, даже для очень большого человека бывает достаточно всего одного меткого выстрела.

Спереди послышался звук, отдаленно напоминающий выстрел. Карпушкин и Джафаров одновременно устали в спину водителя и зажали носы пальцами. Водитель виновато оглянулся. Это был Бульдозер.

— Извините, босс! Я не при чем, это все дисбактериоз!

— Да хоть сатириаз! — Карпушкин едва сдерживался, чтобы не засмеяться. — Вот говорят в народе — мал клоп, да вонюч! Но ты-то ведь не маленький. А, Бульдозер? В тебе же весу полтора центнера! Одно из двух. Или придется машину заказывать с герметической переборкой, или шофера менять.

Депутат повернулся к Джафарову.

— Это единственный вид оружия, которого мне следует опасаться, — оба партнера весело рассмеялись.

За деревьями из-за поворота показались верхние закопченные этажи «Башни смерти». Выстрел снайперской винтовки, неслышимый с такого расстояния, был произведен с верхнего этажа гостиницы.

Пуля вошла в колесо, тяжелую машину тут же повело в сторону. Водитель попытался выровнять ее и затормозить одновременно. Это было ошибкой. «Мерседес» занесло и, выбив ограждение, он не вписался в поворот, слетел с насыпи и рухнул прямо в начинавшееся от самой дороги болото. Упав на бок, машина начала быстро погружаться в трясину...

Война в городе понемногу затихла, стороны затаились. накапливая силы к новой схватке. Поэтому позиционная война требовала новых подходов к управлению. Борман снова собрал в своем кабинете бригадиров.

— Что будем делать?

Слово взял Лось. После гибели Коржика и других конкурентов он все силы положил на то, чтобы подмять под себя других командиров. И это ему практически удалось. Лось обвел всех собравшихся тяжелым взглядом.

— Кавказцы нас сделали. Позорно, но факт. Расуловцы закрепились на нашем берегу и без долгой войны мы их со своего берега не скинем. А на войну у нас сил почти не осталось. Много братвы погибло, требуется пополнение. Оружие нужно. И у торгашей в связи с войной дела пошли плохо. Ну, раз-другой мы с них еще что-то выжмем. А дальше? Война больших денег требует. Да и времени нет на то, чтобы торгашей к покорности приводить. Что скажете, братва?

С места поднялся жилистый, с узким, словно колун, лицом бригадир по кличке Жало.

— Чего там базарить? Город у нас один, отступить нам некуда. Пока все путем было, мы жили не тужили. Сладко пили-ели, баб любили... Теперь война, надо брать стволы и мочить козлов. А не хватит, так и погибнуть не в падлу. Короче, я за войну до победы! У Расула сил тоже не осталось. Порвем его или сами поляжем! — совершенно в духе «Слова о полку Игореве» закончил выступление браток.

Его выступление было встречено редкими возгласами одобрения. Большинство бригадиров, похоже, вовсе не горело желанием погибнуть со славой. Ведь в таком случае сладко есть, пить и трахаться вместо них будет кто угодно, только не они.

Не вставая с дивана, подал голос немолодой массивный мужик. Видимо, в

прошлом борец.

— Я с Жалом не согласен. Чтобы погибнуть, большого ума не надо. А в нынешних условиях это — как два пальца обсморгать. Мало одного Расула, так из ментовки мне кореша доносят, что мусора не по делу гоношатся. Ясно как пень — какую-то гадость затевают. С двух сторон нас задавить хотят. Поэтому я за мир. Расул на нашем берегу все равно не сумеет надолго закрепиться. Завод его водочный сторел, рынок тоже. Его люди здесь чужие. Мы ничего не потеряем, если пойдем на переговоры.

— Можно мне сказать? — явно приbedнясь, демократично попросил дать ему слово Борман. — Я так скажу. И ты, Жало, прав, и ты, Борец.

— А разве так может быть, чтобы оба правы были? — удивился Лось.

— И ты прав, — кивнул ему Борман. — Я вам так скажу. Мир с Расулом — позорный и похабный. Но пойти на него придется. Но только еще до того, как мы с Расулом ударим по рукам, прямо сейчас, надо готовиться к новой войне. Вербовать пацанов, особенно из числа чеченских дембелей, запастись оружием и откармливать торгашей. Сейчас бы нам очень не повредила торговля героином — это большие бабки.

— А Расул согласится пойти на мировую? — с сомнением в голосе спросил Лось.

— Конечно согласится, куда ему деваться? У него дела идут еще хуже, чем у нас. Если бы не подлая измена ментов с Сидоровым во главе, мы бы и сейчас с расуловцами справились. Нет, пауза сейчас нужна всем — и нам, и Расулу.

Внезапно в дверь постучали.

— Что там? — громко и недовольно спросил Борман.

— Вас к телефону, — ответил вошедший на цыпочках секретарь, подавая ему трубку мобильного. — Расул Мартанов.

— Ха! А что я вам говорил? — с торжеством в голосе прокричал Борман и поднес трубку к уху.

Бригадиры затаили дыхание. Сильная мембрана в трубке телефона Бормана позволяла им и без громкой связи слышать весь диалог.

— Салам, дорогой Расул, — вежливо поприветствовал врага Борман, как будто между ними ничего не произошло. — Ты хотел мне что-то предложить?

— Я хочу сказать, — начал Большой Расул, — что нам пора прекратить эту бессмысленную бойню. Мы с тобой и так до предела ослабили друг друга. И у вас, и у нас погибло много храбрых джигитов. Сейчас любой отморозок может прийти и завладеть нашими территориями.

Борман обвел своих бригадиров торжествующим взглядом и притворно вздохнул.

— Я согласен с тобой, уважаемый Расул. Эта война ни тебе, ни мне ни к чему, с ней нужно покончить, и чем скорее, тем лучше. Предлагаю вернуться к довоенным границам и не предъявлять друг другу никаких претензий. За тобой по-прежнему остается территория Заречного рынка, и ты можешь привозить к нам свою водку. Все хотят мира. Кроме того, мне нужно похоронить мою дочь, а тебе сына. Я предлагаю сделать это завтра на городском кладбище.

Расул, прежде чем выразить свое согласие, помолчал, или, скорее всего, использовал возникшую паузу для получения одобрения со стороны своих единоплеменников.

— Хоп, пусть будет так! Я и без того нарушил наш закон. Моего мальчика следовало похоронить до захода солнца в день его смерти, а я этого не сделал. Желание отомстить ослепило меня. Пусть завтрашний день станет днем примирения.

— Мои люди придут на кладбище без оружия, — торжественно заявил Борман.

— Мои тоже, — заверил его Мартанов.

Борман положил трубку и объявил совещание закрытым. Затем он велел всем готовиться к похоронам. Слова своего насчет оружия он нарушать не собирался, но и дураком себя не считал. Просто те, кто не пойдет на кладбище, будут держать при себе не только свое оружие, но и оружие своих товарищей...

Этот день закончился для Крюкова неприятностями. Для начала его уволили, а вслед за этим — спасибо, что не посадили.

Вечером в гостиницу ввалился злой, как молодой Ленин, депутат Карпушкин, и заявил, что его машина была обстреляна снайпером и сорвалась в болото. К счастью, водитель и пассажиры успели спастись, правда с трудом, но материальный урон был невосполним. Поиски и подъем машины вылились бы в сумму, едва ли не равную стоимости самой иномарки. Хуже всего было то, что страховая контора потребовала доказательств аварии, в буквальном смысле канувших в болото. Поэтому Карпушкин был зол вдвойне. Кроме того, после извлечения из болота его партнер Исмаил Джафаров, напоминавший в своем некогда элегантном, а ныне пропитанном илом, разодранном в нескольких местах костюме парижского клошара, выразил серьезные сомнения в целесообразности дальнейшего сотрудничества с депутатом.

Разъяренный депутат налетел на Крюкова, как торнадо.

— Какой ты, мать твою, начальник безопасности, — заорал он, не помня себя от злости, — если у тебя над головой киллеры гнездятся!

К сожалению, именно в этот момент сыщик был не в настроении выслушивать чьи бы то ни было обвинения, даже не самые голословные. Он уже давно пришел к выводу, что отпуск его складывается не самым лучшим образом.

— Знаешь, мудила, ты лучше свою мать — это самое... Дешевле обойдется, — посоветовал ему Крюков и отправился собирать вещи.

Так депутата еще никто никогда не оскорблял. Когда он наконец справился с приступом бешенства, то рассудил здраво, что если никто этого не слышал и не видел, то и оскорбления вроде как не было. С обнаглевшим же охранником он легко разберется и без публичного оглашения сути их конфликта. Чтобы ни у кого и в мыслях не было, что его, депутата и всеми уважаемого человека, можно вот так вывозить харей в навозе.

К тому же у Карпушкина были и более серьезные заботы. Он срочно вызвал к себе Бульдозера. Через еекунду исполнительный богатырь стоял у него в кабинете.

— Звали, босс?

— Звал, — депутат прошелся по кабинету, попыхивая ароматной сигарой. — Хочешь занять место Бодрова в службе безопасности?

— Ясное дело, — расплылся в улыбке богатырь.

— Тогда слушай. Будет у меня к тебе одно маленькое, но очень ответствен-

ное поручение. Выполнишь — на всю жизнь себя обеспечишь. Провалишь — себе и мне приговор подпишешь. Ты готов выполнить мое поручение?

— Всегда готов! — рявкнул Бульдозер.

— Тогда присядь и слушай, — депутат толкнул богатыря в кресло и наклонился к нему. — Завтра похороны, поэтому сегодня ночью ты поедешь на кладбище...

В дальнейшем их разговор шел на пониженных тонах, близких к шепоту...

Приехавший со следственной группой все того же Кибальчиша полковник Сидоров сделал все возможное, чтобы привязать Крюкова к покушению. Но у того на момент выстрела было крепкое алиби. В присутствии как минимум десяти человек он ругался с режиссером, пытавшимся переложить на его голову отсутствие организации и дисциплины среди сотрудников. Тем не менее полковник наложил на него домашний арест, ограничив, вопреки, заметим, всем писаным законам, свободу передвижения Крюкова пределами гостиницы. Обязанности по контролю за узником были возложены на Чапаева. Услышав о новой поставленной руководством задаче, тот только крякнул.

— Да если, блин, я этого Крюкова начну по полной программе контролировать, мы через три дня совсем сопьемся!

Но приговор был оставлен в силе, поскольку обжалованию не подлежал...

Наутро Чапаев поднял Крюкова ни свет ни заря.

— Эй, поднадзорный, вставай! Магазин уже открылся. А то что все я тебя угощаю? Пора и тебе раскошелиться!

Крюков с трудом продрал глаза, позевал и принялся одеваться, понимая, что участковый все равно не отстанет.

— Умываться не будешь? — спросил Чапаев своего подконвойного, когда тот направился к выходу из занимаемого им номера.

— Зачем? — искренне удивился тот. — Я ведь не пачкался. А потом то, что у человека снаружи — это все тлен и мишура. Главное внутренняя чистота. Ты чего застыл-то? Или остаешься?

— Как же я останусь? — заторопился Чапаев. — Ты же поднадзорный. Тебе одному нельзя.

Утро было свежим, ветер гнал с реки прохладный воздух. Приняв по пятьдесят натошак, они сразу почувствовали себя бодрыми, будто зарядку сделали.

— Когда шоу откроется? — спросил участковый.

— Без понятия, — отозвался Крюков. — К тому же я там больше не работаю. Так что до пятницы я совершенно свободен. — Он зевнул.

Чапаев с тревогой посмотрел на приятеля.

— Действие препарата кончается, — озабоченно сообщил он. — Надо повторить.

Они повторили. Потом, правда, пришлось это сделать еще раз. И еще.

— Вот так, — удовлетворенно констатировал участковый, — с утра выпил — весь день свободен.

— А с утра не выпьешь — день пропал, — согласился Крюков.

— Это разумно, — подтвердил Чапаев.

За разум они еще не пили. За него вообще мало пьют, чаще за здоровье или деньги. Надо было это как-то исправить. Исправили. За разумом наступил че-

ред обмыванию смысла жизни, потом выпили за неуклонное снижение преступности, потом за рост раскрываемости. Закончили не скоро. Пили за освоение Солнечной системы. Крюков, как знаток астрономии, знал по названиям все ее девять планет плюс кое-какие спутники и астероиды. На комете Галилея Галилея (так ее назвал Крюков) деньги кончились. Было хорошо, хотелось жить и жить...

— На кладбище хочешь? — спросил своего друга и единомышленника Чапаев.

— С детства мечтаю, — откровенно признался Крюков.

— Тогда пошли? — спросил Чапаев. — Сегодня Динку борманову и расулова парня хоронят. Представляешь, что там будет?

— В жизни себе не прошу, если не увижу этого собственными глазами! — побожился Крюков.

— Так что же мы тут расселись-то? Блин! — Чапаев встал и довольно ровно зашагал к автобусной остановке.

Но Крюков задержал его.

— Остановись, друг! Я повезу тебя на машине.

Чапаев посмотрел на него испытующе.

— А ты, часом, не выпимши? Ведь выпимши за руль нельзя.

Крюков счел аргумент вполне резонным. Он задумался.

— Нет, — ответил он после длительного периода раздумья. — Признаюсь тебе, друг мой — я абсолютно трезв. Ну сам посуди, смог бы я, будучись... будучи выпимшись... Одним словом, если бы я, к примеру, был пьян, то как мог бы я сохранять такую ясность мысли, такую совершенную координацию движений? — при этом он слегка покачнулся.

— Нет, не смог бы, — убежденно заявил участковый. — Так чего же мы ждем? Где твоя машина?

— На стоянке за углом. «Волга». Бронированная, между прочим, — шепотом сообщил Крюков. — Цвет старого такси.

«Волгу» за углом они увидели сразу.

— Открывай, — сказал Чапаев, когда они подошли к машине, и с уважением постучал кулаком по броне.

— Не могу, — ответил Крюков, подергав закрытую дверь. — Открывалку забыл. Вернемся?

— Ни за что! — отрезал Чапаев. — Возвращаться плоха-а-ая примета! «Я тебя-а-а никогда-а-а не уви-жу-у-у!» — запел он с душой.

Не прерывая арии, участковый раскрыл свою неременную спутницу — папку-лентяйку — и извлек из нее узкую металлическую линейку. Одно привычное движение — и дверь со щелчком открылась.

— А как заведем, — спросил Крюков, усаживаясь на водительское место, — тоже линейкой?

— Взломаем замок зажигания и законтачим провода, — назидательным тоном произнес искушенный жизнью мент. — Или тебе для друга говна жалко?

— Для друга? — удивился Крюков и недоуменно покрутил головой в поисках такового: не сразу, но вспомнил. — Для друга мне ничего не жалко. Говна особенно.

С этими словами он отодрал приборную панель и принялся возиться с проводами. Двигатель чихнул и заработал.

— Поехали! — сказал Чапаев и махнул рукой.

Машина тронулась и пошла как-то странно. Рывками.

— Движок холодный, — пояснил Крюков. — Сейчас разогреется.

Но движок не желал разогреваться и продолжал чихать. Крюков прислушался к работе двигателя.

— Идет, блин, как неродная, — пожаловался он.

— Бывает, — Чапаев прикрыл глаза и дремал вполглаза.

— Нет, правда, — Крюков уже не скрывал своего раздражения. — Я, в натуре, не узнаю свою тачку. У меня вообще создается впечатление, что это не моя машина.

— Да? — участковый открыл один глаз. — Почему? Мотивируй!

— Смотри сюда, — Крюков оставил руль и с пьяным упрямством принялся загибать одной рукой пальцы на другой. — Движок не тянет — раз!

— Раз, — согласился Чапаев. — Но это не аргумент. Машина старая, должна же когда-нибудь сломаться.

— Хорошо, — не сдавался Крюков. — Идем дальше. Цвет не мой, поносный какой-то. Это — два!

— Как не твой? — удивился Чапаев. — Ты же сказал — цвета такси!

— Но у меня салатная в шашечках, как раньше красили. А эта желтая. И стояла она, по-моему, в другом месте. Нет, что-то тут не так. Ты не находишь?

Чапаев снисходительно усмехнулся.

— Эх ты, а еще сыщик! Напряги свой дедуктивный орган.

— Какой? — Крюков не понял, но на всякий случай поглядел себе промеж ног.

— Элементарно, — Чапаев был все еще в плену своих умозаключений. — Просто тачку твою кто-то угнать хотел. Поэтому он откатил ее в другое место и перекрасил.

— А почему же тогда не угнал? — ехидно подначил мыслителя Крюков.

— Еще элементарнее, — смутить Чапаева было труднее, чем античного философа-циника. — Движок сломался. Сам же говоришь, совсем не тянет.

Крюков был поражен глубиной анализа и стройностью логических построений участкового.

«До чего же умный мужик», — с уважением подумал он.

Спустя десять минут, поколесив немного по городу, они подкатили к кладбищу...

К самому кладбищу было не проехать. За квартал от него тянулись вереницы припаркованных машин. Инспектора ГАИ безуспешно пытались организовать в возникшей пробке хоть какое-то подобие движения. Крюков поступил легко, хотя и до ужаса неприлично. Он просто остановился, затем растолкал капитально заснувшего Чапаева и вытолкал его из машины. Потом вылез сам и подозрительно, искоса, чтобы не привлекать внимания товарищей по цеху, оглядел тачку еще раз. Точно не его, чужая!

Крюков постоял, опершись на капот. Потом сделал маленький, почти незаметный шаг в сторону. Потом еще шаг. И в конце концов взял участкового под руку и увел в сторону. У ворот кладбища он осторожно оглянулся. Кажется, за ними никто не увязался.

Городское кладбище исторически делилось на две части: христианскую и мусульманскую, поскольку представители этих религий на протяжении

нескольких сот лет жили, работали и умирали рядом, и только на погосте расходились по своим национальным квартирам.

Крюков в сопровождении участкового двигался в неопределенном направлении, пока не столкнулся с самим Большим Расулом. Тот узнал Крюкова издалека, отделился от толпы родственников и в сопровождении двоих свирепо косившихся на Крюкова бойцов подошел к нему.

— Салам! — поприветствовал он сыщика.

— И тебе салам, уважаемый! — ответил Крюков. — Я приношу свои соболезнования.

— Спасибо. На похороны не зову. Тебя мои ребята почему-то не любят, — сообщил Расул. — Но, говорят, ты и у Бормана не пришелся ко двору?

Крюков махнул рукой, отчего его немного повело в сторону, но он включил свой вестибулярный аппарат и принял прежнее положение.

— Там наоборот получилось. У быков я в авторитете, а вот начальнику их не показался. Как Ваня Солнцев капитану Енакиеву. Что поделаешь? На всех не угодишь, — Крюков внимательно огляделся. — Скажи, Расул, ты не боишься, что полковник Сидоров устроит какую-нибудь подлянку? Он, как я понял, на это большой мастер.

— Вокруг кладбища дежурят мои люди и люди Бормана. Ему сейчас война тоже ни к чему, поэтому мы можем доверять друг другу. Правда, ненадолго. А это кто с тобой? — указал Расул на Чапаева.

— Это моя охрана. Подарок от фирмы Сидорова.

Мартанов ощупал участкового взглядом, заметил папку-лентяйку его руке, выдававшую профессиональную принадлежность крюковского спутника, несмотря на то, что тот был в штатском.

— Охрана или конвой? — мудрая улыбка на мгновение сделала Мартанова похожим на кардинала Ришелье. — Ладно, я пойду. Если живы будем, увидимся.

Расул вернулся к своим. Спустя несколько минут печальная похоронная процессия, сопровождаемая плачем женщин, тронулась в путь. На противоположной стороне кладбища Крюков заметил другую толпу: там Борман хоронил Дину.

Крюков под пристальными взглядами охранников Расула двинулся вдоль цепочки машин, пропущенных прямо на кладбище.

— Ты что, все свою тачку ищешь? — поинтересовался Чапаев. — По моим часам пора лекарство принимать.

— Давай передохнем немного, — взмолился Крюков. — Я же не такой тренированный. Да и перегаром от нас несет...

Он потянул носом и ощутил, что в воздухе веет не только перегаром. И тут он замер в удивлении. Приткнувшись немного в стороне, в тени большой раскидистой липы стояла «Лада» восьмой модели с затененными стеклами. Та самая, которую Крюков арендовал у покойного Коржика и в которой Анджела скрылась от него.

Подсознательно Крюков оценил выгодность позиции, занятой водителем «восьмерки». Машина совершенно терялась в тени и была неприметна, из нее же можно было прекрасно наблюдать за передвижением обеих траурных процессий. И еще один штрих приковал внимание сыщика. Когда он обошел машину сзади, то увидел край яркой оплетки провода, прищемленного крышкой

багажника машины.

Из всех возможных вариантов поведения в данной ситуации Крюков почему-то выбрал наименее приемлемый. Он тронул за плечо измученного жаждой участкового.

— Чего надо? — раздраженно и недовольно бросил тот.

— Видишь «восьмеру»? — ткнул его сыщик локтем под ребра.

— Вижу. Это и есть твоя тачка? А что же ты мне мозги шнуровал насчет «Волги»? Салимся и поехали в магазин. — безапелляционно заявил Чапаев.

— Никаких особых доказательств у меня нет, но интуиция подсказывает, что с минуты на минуту мы услышим взрыв, а возможно сразу пару.

Участковый с удивлением оглядел машину и попытался проникнуть взглядом за ее зеркально-черные стекла. Разумеется, тщетно. Тогда, не мудрствуя лукаво, он наклонился, подобрал с земли приличных размеров камень и швырнул в стекло машины.

Звон разбитого стекла вдруг сменился грохотом. Земля дрогнула раз. за ним другой. «Восьмерка» сорвалась с места и вылетела за ворота кладбища. Все присутствующие застыли на миг, но тут же пауза сменилась адом. Одни в ужасе падали на землю и закрывали голову руками. Другие, таких было большинство, устремились в разные стороны к выходам с кладбища. Давка, крики, бегущие люди — все это внушало страх, усиливало панику. С неба падали осколки и целые глыбы надгробных камней.

Все эти сцены, напомнившие Крюкову последний день Помпеи, на глазах сменялись поистине апокалиптической картиной. В разных концах ритуального комплекса, в том числе на местах, где были вырыты две свежие могилы и куда, благодаря вмешательству спугнувшего преступников Чапаева, не успели пройти траурные процессии, продолжали взрываться радиоуправляемые фугасы, высоко в небо вздымались столбы земли, дыма и пламени. «О, Господи, и это на кладбище, — подумал с горечью Крюков. — Они же всех мертвецов подняли раньше Страшного суда!»

Глава девятая Новая власть

Благодаря вмешательству Крюкова и Чапаева взрывы прозвучали прежде положенного срока. Только по этой причине число жертв оказалось сравнительно небольшим. Погибли главным образом боевики, стоявшие в оцеплении, и землекопы — сотрудники кладбища. Если бы обе похоронные процессии успели дойти до могил, количество убитых и раненых исчислялось бы сотнями.

На земле лежали камни, куски земли и разорванные человеческие тела, а Крюков уже тянул участкового за рукав.

— Валим отсюда в темпе, сейчас начнется раздача слонов!

Тот был еще в шоке, и не сразу последовал за сыщиком. Но далеко уйти они не успели. С разных сторон на территорию кладбища ворвались люди в черных комбинезонах, вооруженные автоматами, которые начали беспорядочно палить в белый свет, словно ожидали нападения с воздуха. Но снаружи, за стенами кладбища, дела обстояли куда серьезнее. Оттуда слышались звуки активной стрельбы, грохнуло несколько взрывов.

Крюков с Чапаевым рухнули в поросшую травкой ложбинку.

— Тьфу, блин, словно в чужую могилу улеглись, — выругался участковый.

— Лучше лежать в чужой могиле, чем в своей, — парировал Крюков. — Глянь-ка, что за публика нас окучивает.

Чапаев посмотрел в рекомендованном направлении и с удивлением обнаружил, что, кроме бойцов ОМОНа, на кладбище действуют экипированные в точно такую же черную униформу сотрудники частного охранного предприятия «Ягуар». Различить их можно было только по желтым нашивкам на спине, да по не совсем похожему оружию. У «частников» вместо укороченных автоматов Калашникова в руках были сходные с ними по внешнему виду и конструкции, сокрушительные по убойности гладкоствольные полуавтоматы «сайга» двенадцатого калибра.

— А кто это? — удивился участковый.

— Мои коллеги. Уже бывшие. Со вчерашнего дня меня выперли из службы безопасности.

Задержанных люди в черном строили вдоль старой кирпичной стены кладбища. Крюкова и Чапаева также подняли из их убежища и отвели к остальным.

— Расстрел коммунаров у одноименной стены на кладбище Пер-Ляшез, — прокомментировал событие Крюков, получил прикладом по хребту и присоединился к толпе арестантов.

Многие его узнали, поэтому он предпочел примкнуть к группе бормановских быков. Эти встретили сыщика возгласами приветствия. От бойцов же Расула можно было и заточку в бок получить.

Предводителей обеих группировок отвели в сторону. И Борман, и Расул были бледны. Они понимали, что только чудом избежали верной смерти. Сейчас каждый из них лихорадочно обдумывал последствия случившегося и прикидывал варианты своего дальнейшего поведения. Расул старался держаться молодцом, считая, что полковник Сидоров на его стороне, Борман же определен-

но впал в состояние тихой паники.

Бойня продолжалась на улицах города. Постепенно выстрелы стихли в отдалении. Судя по всему, часть быков, окруженных сводными силами ОМОНа и «Ягуара», сумела прорвать кольцо и вырваться.

Чапаев подмигнул Крюкову.

— Пора выходить на свободу.

Он подозвал ближайшего милиционера, сказал ему пару слов. Тот вывел участкового из толпы задержанных и повел к начальству. У толстого полковника с Чапаевым завязался оживленный разговор. Участковый что-то ему доказывал, тыча пальцем в сторону Крюкова, но начальник в ответ только отрицательно мотал головой. Наконец Чапаев плюнул, повернулся к Крюкову и развел руками. Ничего, дескать, не получается, начальник не отпускает. При этом он подмигнул сыщику, давая ему понять, что попыток его освобождения прекращать не собирается.

Задержанных загрузили в большой автобус и повезли в городское управление милиции. Выезжая с кладбища, Крюков был поражен огромным количеством машин с красным крестом, буквально запрудившим соседние улицы. Видно, побоище возле кладбища было до безобразия кровопролитным.

Теперь Крюкову стал понятен смысл событий последних дней. Сначала был спровоцирован конфликт между враждующими группировками Бормана и Расула. И он принял в нем живейшее участие. Затем правоохранительными органами был наведен порядок. В течение получаса город Приокск и его окрестности перешли во владение полковника Сидорова и его нового союзника — депутата Карпушкина. Сейчас совместными усилиями они добивали разрозненные и деморализованные остатки группировок Расула и Бормана, и лишь случай — в лице Крюкова — спас жизнь самим авторитетам и их ближайшему окружению.

И только сейчас капитан понял истинную роль в этих событиях красавчика Яго. Будучи штатным стукачом Сидорова, он стал связным между ним и депутатом. А наивный Крюков еще и подбросил ему информацию о Лосе. Впрочем, он и сам узнал от него кое-что интересное.

Непонятно было другое: зачем Карпушкину понадобился этот забытый Богом угол подмосковной земли?

В Управлении, куда доставили всех задержанных, царил полный беспорядок. Единственный островок спокойствия являл собой могучий милицейский прапорщик с большим красным носом. Он сидел в дежурке и разгадывал кроссворд.

— «Трагедия Шекспира из шести букв». Первая «М»! — провозгласил он вдруг, перекрывая многоголосый гомон.

— «Мцыри», — подсказал Крюков, проходя мимо.

Прапорщик грозно поглядел на него поверх стойки обезьянника, куда партиями загоняли задержанных.

— Там что, два «Р»? — спросил он.

— Нет, два «Ц», — пояснил Крюков.

При Управлении имелся небольшой следственный изолятор, состоявший из десятка камер. Сейчас часть из них была очищена от постояльцев и отдана в распоряжение вновь прибывших клиентов. Камеры загружали, исходя из групповой принадлежности задержанных. Крюкова снова поместили в компа-

нию бормановой братвы. Всех по очереди переписали. Дошла очередь и до капитана. На его несчастье, как раз в этот момент нелегкая принесла самого полковника Сидорова. Увидев старого знакомого, он велел дежурному:

— Этого в этапку!

И прошествовал в свой кабинет в сопровождении свиты.

— Фамилия, имя! — строго спросил Крюкова дежурный. — Паспорт!

— Иван Телогрейкин. Документов нет.

Дежурный записал данные с его слов и вызвал следующего. Крюкова отвели в одну из камер. Дверь, снабженная цепочкой в руку толщиной, приоткрылась ровно настолько, чтобы он смог протиснуться внутрь. Камера была небольшой и душной.

Крюков вошел и поздоровался. Настроение у него заметно испортилось. Вместо того чтобы очутиться в камере с братвой Бормана, где он был бы за героя, или, хотя бы, среди боевиков Расула, с которыми можно было попытаться найти общий язык, он попал как кур в ощи́п. На шконках сидели и лежали полуголые люди, сплошь разукрашенные поблекшими от времени татуировками. И если они узнают об истинной специальности Крюкова... Но, с другой стороны, откуда они могут это узнать?

— Проходи, мусорок. Что ты там у тормозов жмешься? — поприветствовал его из коронного угла тощий жилистый арестант с темным, посеченным морщинами лицом. Крюков сразу безошибочно определил в нем «смотрящего за хатой».

С других шконок также раздались недружелюбные выкрики:

— Канай, козлинка, раз Китаец велит! Шевели копытами, недолго осталось!

Крюков прошел вдоль шконок, остановился напротив Китайца, затем ногой небрежно подвинул развалившегося по соседству уркагана и присел.

— Благодарю за приглашение, — кивнул он смотрящему. — Только с чего вы взяли, что я мусор? Неужто прогон был?

Китаец ощерил золотой прикус.

— Техника! Идем нога в ногу со временем! — он показал Крюкову мобильник.

— На говногу, говоришь, идете? Это хорошо, — одобрил Крюков. Но нельзя ли ближе к делу? Надеюсь, я не к «шерстяным» попал? Так что прошу разъяснить суть претензий.

— Секи, Китаец, мусор-то с понятием! — радостно заржал кто-то по соседству. — Такого на перо поставить — ломовой кайф!

Лицо смотрящего оставалось непроницаемым.

— Пришла с воли малява, что на нашу хату должен заехать мусор Крюков, тухлый дракон, который щемил нашего брата по полному беспределу. Нахалку крутил, показания нужные выбивал. Вот такой на тебя цинк от людей, — сообщил он. — А хата наша не шерстяная. Правильная хата. Мы тут все с «особняка» на «крытую» идем.

Крюков и без этих подробностей догадывался, что дела его совсем хреновые, но все же решил немного побарахтаться перед тем, как пойти ко дну.

— А что за люди маляву кинули? Может, я их знаю? Врать не буду, вашего брата и в зону укатал немало, а кого-то и в землю. Но только по необходимости. Беспредела же никогда не творил. Так что порожняк на меня могут только сами мусора, либо из ваших ссученные.

Китаец задумался. Остальные арестанты из уважения к нему притихли.

— Я и то думаю, — произнес наконец Китаец, — а с чего это тебя твои же менты к нам на убой сунули. Не прокладка ли это? Ты вот про людей спрашивал. А сам кого из людей знаешь?

Крюков пожал плечами:

— Есть у меня два друга. С детства с ними корешился. Один, вроде, завязал, Лях его погоняло. А другого, слышал, откороновали.

— Как его дразнят? — спросил смотрящий.

— Графом.

Смотрящий прикрыл глаза. На веках у него было наколото: «Не будить до звонка».

— Ляха я знал. Правильный вор, с понятиями. Жалко, если он в завязке. А с Графом нас на Соликамской разворовке прессовали. С тех пор я кровью харкаю. Да...

Старый вор наклонился, взял трубку мобильного и набрал по памяти номер. Подождал немного, потом спросил.

— Граф, ты что ли? Ну, здорово, родной! Китаец тебя «на голосовую» вызывает. Не забыл, как в кандее загибались? Ну, как там на воле? Мне ее, видно, уже не нюхать, дохожу, брат. Тут со мной однокрытник один нары полирует, говорит, знает тебя. Крюковым дразнится... Так... Ясно, братуха. Ну, бывай, все длинно. Может и свидимся.

Смотрящий убрал трубку и обвел камеру пристальным взглядом.

— Так вот, урки, слушайте такой базар. За этого мусорка сам Граф мазу тянет. Кто ему предъявит — тот беспредельщик со всеми вытекающими. Вопросы есть?

— А на общак твой мусорок отстегнуть собирается или он ждет, что его профсоюз кормить будет? — подал голос молодой, крепкий арестант, похожий на Немцова.

— Да нет вопросов, — рассмеялся Крюков. — Я бы сразу отстегнул, да в непонятке был. Может, запахло посчитаете ментовской грев принять.

Смотрящий глухо прокашлялся. У него определенно был туберкулез в тяжелой форме.

— Если от чистого сердца, то и от мента не запахло. Бабок нам твоих не надо, братва нам еще на пересылке грев подогнала. А вот скажи, штанов тебе для общества не жалко? Тут ведь ни в одной розетки нет, чаю заварить не на чем. Специально, шакалы, такую хату оборудовали, чтобы нашего брата-терпигорца посильнее щемить. А без чая, сам знаешь, арестанту не выжить. Полотенца-то мы уже все пожгли, а на твоих джинсах чифирь заварить — полный марафет будет.

— Эх, где наша не пропадала, — вздохнул Крюков. — Треники хоть какие найдете? — и принялся расстегивать пуговицы на юбилейных «левисах».

— Зачем треники? Вот, гляди, твой размер!

Молодой вор протягивал ему черные, судя по всему очень дорогие брюки. Пощупав их, Крюков сразу понял, что из такого материала может шить только Армани.

— К ним еще лапсердак такой, с блестящим воротником прилагался... Ага, точно, смокинг, — пояснил крепыш. — Я этот костюмчик у одного фраера в стос взял. Клифт корешу презентовал, он в нем на суд уехал и с концами. А

шкары вот, тебе пригодились. Бери, не жалко. Не мой фасон.

Юбилейные фирменные джинсы, которые перепали Крюкову почти задаром, всего за сто пятьдесят долларов, были разрезаны на полоски. Скрученные из полосок фитили пошли на топливо. Пламя они и в самом деле давали яркое и горячее.

Крюков не верил своим глазам. В разрезанной пополам пластиковой бутылке урки варили чай. Бутылка плавилась, истекала прозрачными каплями, но темно-бурый ароматный напиток все больше набирал цвет и крепость. Наконец Китаец распорядился:

— Хорош, оставь на вторяк. Другим разом «купца» замутим. А сейчас и «росомаху» можно заделать.

— Сделаем! — Крепыш плеснул в кружку с чифирем изрядную порцию спирта.

Из восьми человек обитателей камеры к кружке были допущены четверо, в том числе и Крюков. Остальные не удостоились — вероятно, были шнырями или числились в обиженке.

Крюков вслед за остальными «троил» крепчайший напиток, забыв, что пьет из одной кружки с туберкулезником. Китаец же пустился в воспоминания о славном прошлом, о понятиях и обычаях тюрьмы. Крюков, как и все, слушал его с большим интересом. Ему не хотелось думать о том, что, если бы не заступничество Графа, он сейчас мог бы лежать под шконкой с заточкой в сердце или с перетянутым струной горлом. Ему ужасно хотелось узнать, кто же успел позвонить вору на мобильник и заложить его, если никто здесь не знал, что он опер? Или почти никто...

Наутро Крюкова вывели из камеры и он увидел, как новый дежурный, не тот, что вчера закрывал сыщика, а его сменщик, махал бумажками и что-то объяснял участковому Чапаеву, который на этот раз был в форме, придававшей ему вес и казенный вид.

— Я же тебе толкую, это мое доверенное лицо. Ну, поддал человек, с кем не бывает. А его пол вчерашнюю гребенку с урками законопатили!

Старшина подвел Крюкова к спорящим.

— Этот, что ли? — спросил он.

— Ага, точно он, с глупой рожей! — Чапаев указал на Крюкова.

Дежурный обратился к Крюкову, держа перед глазами список задержанных.

— Фамилия?

Крюков с гримасой страдания на лице изо всех сил напряг память и полутвердительно сказал:

— Кадушкин?

Дежурный углубился в список и прочитал его из конца в конец сначала сверху вниз, а потом в обратном порядке.

— Нет такого, — констатировал он. — Слушай, а тебя когда доставили? Может раньше?

— Телогрейкин! — радостно крикнул Крюков. — Посмотрите внимательно, Телогрейкин должен быть!

Дежурный снова углубился в изучение списка.

— Вот теперь другое дело, — с удовлетворением заключил он. — Телогрей-

кин имеется. Выходи с вещами. Во народ! Так нажрут, что свою фамилию уже не помнят!

Подталкиваемый в спину участковым, Крюков покинул гостеприимные стены Управления внутренних дел.

Чапаев вывел Крюкова из здания, и они направились через дорогу к скверу, ориентируясь на возвышавшийся на постаменте памятник Ленину.

— Ну, блин, если это дело всплывет, меня как минимум уволят без пенсии и выходного пособия, — посетовал Чапаев. — Хорошо хоть, что тебя никто не узнал.

— Сидоров узнал, — возразил Крюков. — И кто-то стукнул уркам, что я мент. Еще до того, как меня к ним посадили. А кто здесь знал, что я мент?

— Ну, я знал, — уныло признался участковый. — Но я тебя не сдавал. И зачем бы тогда сейчас вытащил?

Крюков пожал плечами.

— Кто тебя знает? А по пьяни не мог никому сказать?

Участковый обиделся.

— По пьяни я становлюсь хмур и необщителен. Да и пить предпочитаю в одиночестве.

Сзади, со стороны милицейского управления, послышался шум. Чапаев оглянулся и увидел спешивших к ним милиционеров. Значит, Крюкова уже хватились. Участковый вцепился в руку сыщика и крикнул:

— Бей меня по голове и беги!

Крюков никогда не страдал замедленной реакцией. Он сразу понял, в чем суть дела, развернулся, вмазал с размаху, но не сильно, как в театре, Чапаеву между глаз и рванул через густые кусты мимо памятника Ленину к оживленной трассе. Участковый картинно отлетел к мусорным урнам, сбив одну из них, и остался лежать в окружении как пищевых, так и непищевых отходов.

Бросок Крюкова по пересеченной местности нарушил экологическое равновесие на маленьком островке зелени в центре города. На деревьях закричали вороны, из кустов вышел интеллигентного вида бомж со скорбным лицом и пластиковым стаканом в руке, за ним последовал его собутыльник, похожий на переночевавшего в винной бочке Диогена.

— Гляди, Петрович, — сказал он, указывая на неподвижное тело, — все возвращается на круги своя. Прах к праху, мусор к мусору.

— Аминь! — отозвался тот и, страдальчески морщась, осушил пластмассовую емкость...

Погоня за Крюковым шла довольно азартно. Стрелять, правда, не стреляли. Видно он понадобился кому-то живым.

«Ну уж это хрен! Живым я вам не сдамся!» — думал Крюков, ломая по пути кусты и лапы голубых елей.

Он выкатился на шоссе в буквальном смысле слова и едва не очутился под колесами «Фольксваген-Гольф». Машина резка затормозила, из окна высунулась девушка.

— Вы что, сумасшедший? А, это ты, Крюков! — дверца иномарки гостеприимно распахнулась.

За рулем сидела Анжела. Крюков резво вскочил на ноги и нырнул в маши-

ну.

— Гони, у меня на хвосте отморозки!

— Но ведь гонятся-то они за тобой. А если я тебе помогу, то тогда погонятся и за мной, — логично рассудила она, но почему-то все же тронула машину с места.

— Имей в виду, — предупредил Крюков. — Это ужасные люди. Если они нас догонят, тебя убьют на месте, а меня изнасилуют. Бр-р-р! Ужасно!

— А не наоборот? — удивилась Анжела. — Мне почему-то казалось, что в таком случае скорее убьют тебя, а изнасилуют меня.

— Нет, что ты, — успокоил ее Крюков. — Они, конечно, звери, но не до такой же степени. Слушай, в твоей тачке педаль газа существует или только тормоз и сцепление?

Он прижал своей стопой ногу Анжелы к педали газа. Машина рванулась вперед. Анжела все же успела разглядеть преследователей в зеркало заднего вида.

— Какие же это отморозки? Это милиция.

В подтверждение ее слов позади послышалось громкое мяуканье милицейской сирены.

— Здешняя милиция и есть полные отморозки, — резонно возразил Крюков. — Хочешь сама в этом убедиться?

— Нет. Я всегда считала, что если и вступать в контакт, то не с правоохранительными органами, а с половыми.

Анжела вела машину вполне грамотно. Перед поворотом чуть притормаживала, сам же поворот проходила, набирая скорость. Не ленилась переходить на пониженную передачу, работая сцеплением, как профессионал. Ее правая рука все время находилась на ручке переключения скоростей. Отпускала она ее только затем, чтобы перехватить руль при особенно крутом повороте.

Ее мастерство скоро принесло результаты. Вой сирены на хвосте стал затихать. Но тут откуда-то справа выскочила бело-голубая милицейская «десятка» и активно включилась в преследование. Как ни странно, даже на прямой она не отставала.

— Наверно на ней роторный движок стоит, — предположила Анжела.

— Просто у тебя тачка слишком приметная, — тонко намекнул Крюков на их недавнее приключение.

— Я не выбирала, мне ее один знакомый одолжил, — объяснила появление машины Анжела.

— Догадываюсь, кто это, — хмыкнул Крюков. — А старую где оставила?

— На площади возле милиции.

— А не возле кладбища? Нет? Я почему-то так подумал, — в его голосе слышалась нескрываемая ирония. — Сейчас менты тебя поблагодарят за ценный подарок. Смотри, площадь перекрыли. Встречают с конфетти и серпантином.

И действительно, выезд на небольшую площадь впереди них загораживали автобус и милицейский «бобик».

Анжела вывернула руль, машина вломилась в заросли декоративного кустарника на газоне и протаранила их насквозь. К счастью, в кустах в это время никто не совокуплялся и не устраивал пикников, иначе это могло бы стать для пьющих в терновнике последним удовольствием в жизни...

Минутой позже «Фольксваген» вихрем промчался по заваленному мусором двору почерневшего от времени домика деревенского типа, пробил и без того покосившийся забор и рухнул с высоты двух метров в небольшой овражек. Перевернувшись, он снова встал на колеса и замер.

— Поздравляю с мягкой посадкой, — хрипло сказал Крюков и расправил руками разбитые о приборную доску губы. — Ты цела?

— Кажется, да, — простионала в ответ Анжела. — Сейчас постараюсь выбраться. А ты как?

— Будто заново родился, — признался Крюков. — Никогда в жизни не чувствовал такой легкости во всем теле. В целом довольно приятное ощущение. Вот только какая-то жидкая говнятина за шиворот натекла. Чья, не знаешь?

Анжела обиделась и с вызовом заявила:

— Это не говнятина, а крем из моей сумочки. Он, между прочим, полштуки за баночку стоит.

— Значит, это не смертельно?

— Ничего страшного, если только у тебя не жирная кожа.

Крюков задумался.

— А кто ее знает. Но я бы не сказал, что она у меня уж очень жирная...

За такими пустыми разговорами, охая от каждого движения и помогая друг другу по мере необходимости, они выбрались из сплюсненной с полюсов машины. Анжела поковыляла вперед, Крюков захромал следом за ней.

— Не везет мне с машинами, — грустно вздохнула она.

— А мне с женщинами, — поддержал ее Крюков. — А куда мы идем?

— Ко мне. Только обещай не приставать.

— Я? Приставать? — Крюков казался оскорбленным до глубины души. — Мне это понятие незнакомо.

— Так, может быть, ты девственник? — с сарказмом поинтересовалась журналистка.

— Нет, — признание далось Крюкову нелегко. — Как раз наоборот. Я жертва женского шовинизма и сексуальных домогательств. Видишь ли, у меня два недостатка: врожденная деликатность и дефект речи — не могу сказать женщине «нет». Для джентльмена это равносильно нарушению дуэльного кодекса.

Стеная и охая, они забрались в подошедший автобус, довезший их до района новостройки. Здесь Анжела предложила Крюкову выйти, и он со скрипом спустился на землю, не забыв при этом подать даме РУКУ.

— Здесь я и обитаю, — указала она на двадцатиэтажную башню.

— Но ты же говорила, что первый раз в этом городе, — напомнил ей Крюков.

— Я немного преувеличила. А разве ты всегда говоришь правду? — возразила Анжела. — Тогда скажи, как тебя зовут? Имя у тебя есть?

— Ну, понимаешь... — он замялся и замолчал.

— Ладно, не хочешь, можешь не говорить.

Они поднялись на лифте на последний этаж и после небольшой манипуляции с ключами, открыв дверь, вошли в квартиру...

Эта ночь далась обоим нелегко. У них ныли избитые тела, и даже умеренная пальпация вызывала боль. А как прикажете совокупляться, не прикасаясь

друг к другу?

— Нет, так не получится, давай перевернемся, — потребовала Анжела. — Видишь, у тебя на правом бедре синяк, а у меня на левом. Попробуем позу «шестьдесят девять».

— Далась вам всем эта поза «шестьдесят девять», — проворчал Крюков тоном старого брюзги. — Неужели шестидесяти восьми мало?

Они провожались, в лучшем смысле этого слова, всю ночь, но все-таки к утру Крюков заставил партнершу прооргазмивать девять или десять раз. благополучно эякулировал сам и заснул с чистой совестью и ощущением, что эти сутки были прожиты не зря...

Утром Крюкова разбудил стук входной двери. Открыв глаза, капитан постарался сориентироваться в пространстве: он лежал в чем мать родила на широкой, как футбольное поле, четырехспальной кровати, рядом, по-детски подложив в ладошку под щеку, посапывала Анжела в костюме Евы. Прямо перед ним в проеме двери, словно позируя для парадного портрета, стоял Яго и сиял фальшивым блеском, как второй комплект олимпийских золотых медалей по фигурному катанию.

— И ты здесь! — без всяких на то оснований обрадовался он, увидев знакомое лицо.

Крюков меньше всего был склонен разделить его радость: у него была трудная, можно сказать трудовая, ночь, и он практически не выспался.

— А этот что тут делает? — недовольно поинтересовался он у проснувшейся подружки.

— Живу я здесь, — обиженно ответил за нее Яго. — Это, между прочим, моя квартира. Что-то не нравится?

— Не знаю, я ее толком не разглядел, — капитан, кряхтя, принял вертикальное положение. — А где мои джинсы?

Окинув взглядом комнату, он заметил лежавшие на полу элегантные, правда, изрядно помятые, запыленные и чуть надорванные на одном колене, дорогие черные брюки. И тут он все вспомнил. Усилием воли сыщик подавил зародившийся было в груди глухой стон.

Анжела села на кровати и, вытащив из-за себя подушку, кое-как прикрылась ею. Подушка явно была ей коротка.

— Ты что такой довольный? — задала она риторический вопрос хозяину квартиры.

— А я большое дело сделал, — похвастался Яго. — С самим Карпушкиным встретился. Мы нашли полное взаимопонимание.

— Лося заложил? — предположил Крюков.

— Нет, — хитренько ухмыльнулся Яго. — Так сразу, в лоб, нельзя. Тут особый подход нужен. Доказательств-то ни у тебя, ни у меня нет. Если такое без подготовки ляпнуть, Карп подумает, что я спецом пургу гоню, чтобы его с Борманом рогами столкнуть. Ничего, есть у меня одна идея.

— Не поделишься?

— А на фига? — изумился Яго. — В советах не нуждаюсь. Спасибо, сам не дурак.

— Ольгу давно видел? — спросил Крюков, натягивая свои буржуазные штаны.

— Нет, — поспешно и совершенно ненатурально соврал Яго. — Завтра с ней встретимся, если шоу все-таки начнется. А вы чего это оба в синяках?

— Это следы от засосов. Результат половой распущенности, — строго насупив брови, пояснил Крюков. — Да и матрас у тебя жестковат.

— Не нравится, валите! — посоветовал обиженный хозяин квартиры. — Если жрать захотите, растворимый кофе в холодильнике, больше ничего нет.

Он повернулся и вышел, хлопнув на прощание дверью...

— Растворимый так растворимый, — пробурчал Крюков, направляясь в ванную. — Поживешь в вашей дыре, научишься пить всякую гадость.

Но далеко уйти ему не удалось: Анжела схватила его за брюки и потянула к себе.

— Ты куда? — поинтересовалась она. — Когда женщина просит?

— Не надо было Яшку отпускать, — постарался отбрыкнуться Крюков. — Кстати. Карп знает, что ты у него живешь? Ревновать не будет?

— А ты думаешь, у него с Яшкой уже что-то было? — нахально возразила Анжела и неожиданно сильным движением повергла сыщика обратно на постель. — Нет, Яшка — не то! У тебя гораздо лучше получается.

И оседлала сыщика. Черные брюки снова совершили перелет с Крюкова на паркет.

«Вот так она и Бодрова завалила», — почему-то грустно подумалось капитану.

Сил на сопротивление энергичной самке у него просто не осталось. В моменты оргазма она так цинично орала, что Крюкову было неудобно перед незнакомыми соседями. А если у них есть дети, которые учатся во вторую смену? Это было бы ужасно...

Позже, когда они пили жуткий растворимый кофе, Анжела вдруг сама завела разговор о депутате Карпушкине и его глобальных планах.

— Слышать не хочу про этого козла, — заявил Крюков. — Мне на него наплевать, пусть торгует своим героином, пусть подомнет под себя хоть всю Московскую область!

— Значит ты в курсе? — спросила Анжела.

— В курсе чего?

— Того, что депутат Карпушкин собирается монополизировать поставки героина в Москву. Для этого он напрямую связался с Исмаилом Джафаровым. А в обмен он будет отправлять боевикам оружие для борьбы с российскими танками и вертолетами. То самое оружие, производство которого он же и наладил на Приокском механическом заводе.

— Зря ты это мне рассказываешь, — перебил ее Крюков. — Карп меня уволил и в шоу я больше на него не работаю. Меня занимает только одно — найти того, кто убил Игната. Одного из убийц я знаю. Это Лось. Он, правда, божился, что Игната убила его напарница — Дина. Но я сомневаюсь, что с ним в тот вечер была именно она.

— И что ты собираешься делать дальше? — спросила Анжела.

— Отведу тебя в «Башню смерти» и сдам под расписку охране. А там посмотрим.

— Ну нет, так просто ты от меня не отделаешься! — огорошила его Анжела и потащила обратно в койку.

Крюков был так деморализован, что даже не стал роптать. Ох, и тяжела ты,

суровая мужская доля!

В это же время в президентском «люксе» «Башни смерти» депутат Карпушкин за стаканчиком подогретого сакэ вел неспешную беседу с Исмаилом Джафаровым.

— К сожалению, желаемый эффект не был достигнут, — говорил депутат. — Потери оказались намного меньше запланированных. Но и то, что удалось, тоже неплохо. Как видите, в городе воцарился полный порядок. С бандитами покончено.

— А они не возобновят своих попыток взять реванш? — осведомился Джафаров.

— Я не собираюсь давать им такую возможность, — депутат вальяжно развалился в кресле. — Сразу после открытия шоу я приглашу одного из местных авторитетов, Бормана, и сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Зачем вам вообще понадобилось связываться с этим дурацким шоу? — спросил Джафаров.

Карпушкин снисходительно улыбнулся.

— Все, включая прохиндеев-журналистов, убеждены, что мой интерес в этом городе — это, как вы справедливо заметили, дурацкое шоу. Каждый дурак, считающий себя проницательнее других, уверен, что весь мой интерес сводится к продвижению собственной любовницы в победительницы конкурса. Ну и на здоровье, пусть так и считают. Пока все будут заняты открытием шоу, мы сможем спокойно прокатиться на завод и все там осмотреть, не привлекая ничьего внимания.

Джафаров удовлетворенно кивнул.

— Это разумное решение. А как подвигается розыск похитителей предыдущей партии товара? Их суровое наказание я расцениваю как залог наших будущих добрых отношений.

Карпушкин пил сакэ маленькими глотками.

— Это вопрос одного-двух дней. Я встречался с одним типом, стукачом здешнего главного мента Сидорова. С парнем надо поработать. Уверен, он что-то знает об ограблении, но почему-то пока молчит.

Брови Исмаила Джафарова удивленно поползли вверх.

— А почему бы не взять его и не выпотрошить? Думаю, будет несложно заставить его говорить.

— Нет, этого пока делать нельзя, — решительно возразил депутат. — Скоро открывается шоу, а он один из участников. Их там и так осталось — раз-два и обчелся. Подождем открытия, а тогда и потолкуем. Сейчас на повестке дня главное. Первая партия снарядов уже выгружена в «Башне» пол видом телеаппаратуры. Где наркотики?

Исмаил многозначительно улыбнулся.

— Вах! А разве ты не видел, как бригада дагестанцев-ремонтников выгружала возле гостиницы мешки с побелкой и гипсом? Мой товар тоже давно в гостинице. Но сначала съездим на завод. Я сам хочу посмотреть снаряды в действии.

Депутат изобразил крайнюю степень радушия.

— О чем ты говоришь, дорогой! Рядом с заводом небольшой полигон, там

все и увидишь лично. Только жалко, что низколетящих целей я не могу тебе обеспечить. Но танк сможешь подбить своими собственными руками...

К моменту возобновления трансляции и начала второго этапа шоу «За зеркалом» у подножия «Башни смерти» снова собрался весь город. Теперь число зевак и бездельников даже превосходило по количеству население Приокска, так как многие приехали сюда из Москвы и соседних городов. Центральное телевидение хотя и не выразило желания пригласить шоу на свои каналы, но репортеры криминальной и светской хроники СМИ были здесь представлены в большом количестве.

Как ни странно, ни владельца гостиницы Бормана, ни главного спонсора телешоу депутата Карпушкина нигде не было видно.

Над площадью перед гостиницей парили поднятые на привязных аэроста-тах портреты Дины и Руслана, окаймленные траурными лентами. Четверо оставшихся участников — Ольга, Анжела, Лось и Яго — стояли на окруженной людским морем круглой трибуне, похожей на Лобное место, и махали окружавшей их толпе флажками с изображением «Башни смерти».

Крюкова удивило участие Лося во втором этапе шоу. Сыщик считал, что тот уже давно должен находиться где-то далеко от Приокска. Заметив каким-то чудом в толпе участкового. Крюков пробился к нему сквозь толпу и хлопнул по плечу.

— Что я вижу? Такой орел и на воле? Тебя не уволили и не зарыли? Стран-ный у вас городишко, в других местах пособничество особо опасному преступ-нику обычно карается без всякой пощады.

— Я легко отделался, — весело отозвался Чапаев, — переведен дежурным в вырезвитель.

— Там точно сопьешься, — вынес беспощадный вердикт Крюков. — А ты мне еще нужен для небольшого дельца.

— Что за дельце? — скривился Чапаев. — Все твои дела заканчиваются мор-гом.

— Говорят, Исмаил Джафаров в городе, — сообщил Крюков. — Без бороды, в очках и элегантном костюме его просто не узнать, поэтому он свободно гуляет у нас под носом.

— Тебя в этих элегантных брюках тоже не узнать. Куда свои джинсы дел? В камере с урками счифирил? — снова удивил сыщика своими дедуктивными способностями Чапаев. — Ты лучше скажи, где нам этого террориста искать. Интеллигента, блин, в очках и шляпе.

— Есть тут одно место. Думаю, сегодня ему в самый раз туда наведаться. Где у вас Приокский механический?

— Пошли покажу, — Чапаев повернулся и, рассекая плечом толпу, как броненосец «Потемкин» воды Черного моря, направился прочь от гостиницы.

Крюков следовал за ним в кильватере...

Режиссер Задославский и продюсер Сароев стояли возле трибуны, на кото-рой принимали овации участники шоу, ведущие и представители местной ад-министрации. Выступал прокурор. Кажется, он собирался принять участие в предстоящих выборах мэра города.

— Трагические события заставили нас прервать проведение нашего ре-

ал-шоу. Но теперь законность и порядок восторжествовали! — надрываясь, кричал представитель прокуратуры. — У преступности нет границ, у преступников — национальности! Все они будут сурово наказаны в соответствии с демократическим законодательством. Как говорили римляне, дура лекс, сед лекс, то есть закон суров, но это закон!

Толпа неистовствовала. Задославский самодовольным жестом указал Сароеву на бушующее море публики.

— Ну, как тебе наша баночка с пауками? Наши конкуренты делают упор на интерактив и ошибаются. Эти бараны-зрители сами не знают, чего они хотят. Только сюжет, интрига, навязанная профанам творцом-режиссером, способны по настоящему захватить и увлечь толпу! Ты слышал, что теперь милиция дежурит на кладбище?

— Это из-за взрывов? — предположил продюсер.

— Нет, из-за них, — режиссер указал на портреты Дины и Руслана в траурных рамках. — На их могилах уже было совершено несколько попыток самоубийства. Нет, ты только подумай — на совершенно пустом месте, буквально из праха взять и создать кумиров толпы! А? Это же прерогатива богов! Ты разве не испытываешь гордости?

— Испытываю, — кисло согласился продюсер.

Режиссер недовольно нахмурился.

— Ты, что-то не очень рад нашему триумфу.

Продюсер окончательно вышел из себя.

— Да пошли вы все к едрене матери с вашим кошачим театром! Надоело!

Задославский подозрительно прищурился.

— Вчера Карпушкин как-то странно говорил о призовых деньгах. У тебя их что, действительно нет?

— Завтра будут.

— Откуда?

— Не твое дело! — Сароев резко развернулся, чтобы уйти, но режиссер удержал его за рукав.

— Послушай, Карп в разговоре со мной обещал представить какого-то свидетеля, который тебя утопит. У меня сильное подозрение, что кто-то из наших хомячков заложил тебя с потрохами.

— Кто?

— Не знаю, сам угадай, — Задославский выпустил рукав продюсера, надел на лицо обаятельную улыбку и направился на трибуну принимать поздравления...

С площади праздник переместился в холл гостиницы. Любопытствующие прилипли к стеклянным стенам отеля, едва не выдавливая их. Все четыре гостиничных лифта сновали вверх и вниз без передышки, доставляя на десятый этаж и обратно участников проекта, гостей, репортеров и обслуживающий персонал.

Неожиданно толпа на улице заволновалась. Передние ряды зевак снаружи гостиницы еще плотнее прижались к стеклам холла: внутри творилось что-то непонятное.

— Что? Что там случилось? — спрашивали друг у друга зрители.

— Да ерунда, лифт застрял. Вон двери открывают.

Снаружи было хорошо видно, как прибывшему дежурному механику с чьей-то помощью удалось разжать створки дверей. Пронзительный женский крик был слышен даже на улице.

Спустя секунду толпа репортеров и вспышки фотокамер сделали картину совершенно недоступной для обозрения извне, но и за это время те, кто стоял в передних рядах, успели рассмотреть жуткую сцену. На полу кабины лифта, привалясь к стене, полулежал Яго. Его светлый костюм, часть стены и пол под ним были залиты кровью...

А Крюков в компании участкового тем временем двигался вдоль реки к окраине города. Туда, где упирались в небо трубы Приокского механического.

По дороге они остановились попить пива и перекусить в небольшой закуской. Пока Крюков чистил за стоячим столиком воблу, Чапаев принес пиво.

— Слышал, что народ базарит? — доложил он новость дня. — В «Башне смерти» новый прикол. Яшку зарезали.

— Ах ты ж, блин! — в сердцах выругался Крюков.

— Ты чего? — не понял его реакции участковый.

— Об кость укололся, — пояснил сыщик. — Так ты говоришь, Яшу пришили? И кто не известно?

— Ясный пень! Лежал в лифте. Открыли дверь — море крови. Там такой бардак был в связи с открытием их геморройного представления, что никто ничего и не заметил.

— То есть подозревать можно любого? — уточнил Крюков.

— Точно, в цвет попал, командир, — согласился Чапаев. — А кому это было нужно больше всех?

Крюков сделал огромный глоток пива. С янтарной полоской воблы во рту, стоя на сквознячке, философствовать и выстраивать логические конструкции было ничуть не менее приятно, чем сидя в кресле с трубкой в зубах на какой-нибудь Бейкер-стрит.

— Первый кандидат — продюсер Сароев. Яго стукнул Карпу, что Сароев вложил в наркоту все призовые деньги. Хотел прокрутить с наваром, а их, сам знаешь, свистнули.

— Горячо, — одобрил версию Чапаев. — А другие варианты имеются?

— Я стукнул Яшке, что наркоту Расула и бабки Карпа взял Лось с помощницей. Возможно с Диной.

— Значит Лось? — предположил участковый.

— Или помощница.

— Но ведь Дину убили!

— Я же сказал — возможно! Она что, единственная кандидатка в киллеры на весь Приокск? Я вот тут с одной покувыркался. — Крюков закричал: так свежи были воспоминания о прошедшей оргии, — так чуть до смерти не заездила. Допивай и трогаемся, не фигу на пивной пене гадать. На завод, пролетарий! Машина вас ждет, товарищ!

Крюков отвел бывшего участкового, а ныне командующего вытрезвителем, на платную стоянку, где оставил свою старую верную «рябуху». Увидев ее, Чапаев был крайне удивлен.

— У тебя же в прошлый раз была желтая, или я что-то путаю?

Крюков не заставил долго себя упрашивать и просветил его.

— Просто в прошлый раз мы с тобой угнали чье-то такси. Не нарочно, ко-

нечно, так получилось. Но все равно нехорошо.

— Нехорошо, — согласился Чапаев. — Теперь обязательно неприятный осадок останется. А ведь это еще один шаг к инфаркту.

— Не волнуйся, тебе это не грозит, — утешил его Крюков. — Из того места, куда мы направляемся, живым нам вряд ли выбраться. Наверняка нас там примут с распростертыми объятьями.

И он полез под сиденье за отверткой, чтобы завести машину...

Вообще-то никто их на заводе не ждал, а если бы и встретили случайно, то вряд ли хлебом. Скорее, солью. Из обоих стволов. И даже не солью, а кое-чем покрепче. Когда они подъехали к предприятию, Чапаев показал капитану, где лучше поставить его «рябуху». Заглушив двигатель, Крюков извлек из-под водительского сиденья свой большой еврейский пистолет, а затем и коробку с патронами под парабеллум. Он высыпал на ладонь горсть тускло посверкивающих томпаковой плакировкой цилиндриков и задумался.

— Ну не странно ли? Пистолет еврейский, а маслята к нему немецко-фашистские. Где же логика? Где, наконец, политкорректность?

— Хорошо звездить, — нелюбезно оборвал его рассуждения Чапаев, совершенно не интересовавшийся, в отличие от многих других представителей милицейского корпуса, расовыми и национальными проблемами. — Я вообще за Интернационал. Лучше объясни, куда и зачем мы тащимся?

Крюков словно и не заметил грубости в тоне напарника.

— Охотно, — согласился он. — Мы на пути к почестям и славе. Не исключено, что посмертной. Твоим именем, возможно, назовут пароход или город. Так вот — мы будем брать Исмаила Джафарова. Возражения имеются?

Чапаев возражать не стал, а извлек из папки-лентяйки вытертый добела ТТ со спиленным номером и проверил наличие патронов в магазине. При этом он еле слышно ворчал себе под нос, что вообще-то не является СОБРОм, ни ОМОНОм, чтобы заниматься всякой ерундой.

Завод бывший участковый знал, как свои пять пальцев. Когда-то сам начинал здесь свой трудовой путь, позже ему не раз приходилось участвовать в общегородских рейдах по отлову алкашей. А, поскольку объект был режимным и его проходная охранялась строже, чем государственная граница, то единственным путем для его трудящихся «поправиться» после очередною пролетарского праздника типа аванса или получки оставалась «партизанская тропа» или «дорога жизни», как ее еще называли. Этим путем можно было пробраться на завод, минуя посты охраны.

Здесь надо отдать должное патриотизму советских людей. Ни один из заводских забулдыг, как бы ему ни хотелось опохмелиться, ни за стакан, ни даже за бутылку не открыл данной тропы американским и прочим капиталистическим шпионам, которые комариной тучей вились вокруг этого секретного оборонного предприятия.

Сейчас, правда, основную часть рабочих завода составляли женщины, и тропа изрядно заросла. Впрочем, Крюкову и Чапаеву это не помешало. Сначала они забрались в непролазные заросли высокого, выше человеческого роста, бурьяна. Дальше — с камня на камень, с кирпича на кирпич, оттуда на кучу мусора, а с нее на крышу старого гаража. Гараж стоял вплотную к заводской стене. Здесь протянутая поверх нее колючая проволока была аккуратно раз-

двинута распорками, а провода высокого напряжения давно обесточены. На свет денег не хватало, не то что на всякую ерунду.

Крюков вслед за проводником перебрался через стену. При этом он, разумеется, все-таки уцепился дорогими брюками от Армани за колючку проволоки и добавил на них еще одну дырку. Ну что поделаешь, если он не умеет носить такие вещи? Не дано такую таланта!

На территории завода было тихо. Никакие трубы, конечно, не дымили. Не тот профиль работы. Да и бесконечно длинные здания цехов, похожие на лежащие небоскребы, функционировали далеко не все. Крюков сразу определил по черным фигуркам сотрудников охраны, которые слонялись перед воротами цеха. И без бинокля на спинах охранников было хорошо видно название частного охранного предприятия «Ягуар».

— А вы что здесь делаете? И кто вы такие?

Неприятный голос заставил обоих резко обернуться. Перед разведчиками стоял высокий лысый тип в сером халате, надетом поверх костюма-тройки. Наверняка, сменный инженер или что-то в этом роде.

«Объяснил бы я тебе, кто мы и что здесь делаем», — подумал Крюков, но вслух строго произнес.

— Я начальник отдела безопасности охранной фирмы «Ягуар», — он протянул лысому удостоверение. — А это мой помощник. Мы проверяем периметр стен и уже нашли массу лазеек. Тут слона можно вынести! Почему администрация не принимает меры к пресечению подобного безобразия? Это же прямое пособничество ворами и промышленным шпионам! В нашем договоре специально оговорены санкции за такие вопиющие нарушения. Вы лично будете оштрафованы! Как, кстати, ваша фамилия?

Лысый совершенно опешил от такого наката.

— Но я... Я не начальник, я просто ведущий инженер по тех... Они все сейчас обедают, я, собственно, как раз и шел туда.

— Пойдемте вместе, ведущий инженер Потех, — сурово приказал Крюков. — Там и поговорим. Ступайте вперед. Бежать не советую. Странная у вас фамилия для режимного предприятия. Вы, случайно, не еврей? Родственников за границей не имеете? Хорошо, тогда ведите!

Несчастный «ведущий инженер Потех» даже не посмел возразить. Он обреченно поплелся вперед, ощущая затылком пронизывающий как рентген взгляд «товарища из безопасности».

— Откуда у тебя ксива? — шепотом спросил Чапаев.

— У Бодрова из стола вытащил, когда исполнял обязанности начальника, — также тихо ответил запасливый сыщик.

Вслед за инженером они проследовали в большой двухэтажный корпус с колоннами. Судя по недавнему ремонту, здесь располагалась администрация. Попадавшиеся по пути охранники в черных комбинезонах словно не замечали посторонних. Их внимание было приковано к другим объектам.

— Они там, на втором этаже, — робко пояснил инженер. — Сами понимаете, мне туда нельзя.

Крюков сухо кивнул.

— Хорошо, вы пока свободны. Посмотрю, что можно для вас сделать. Может быть, отделаетесь выговором.

Они с Чапаевым направились по лестнице наверх. Держались оба все так

же свободно и вальяжно, поэтому болтавшимся в вестибюле ягуаровцам и в голову не пришло потребовать у них документы. Впрочем, охранный холдинг «Ягуар» был настолько крупной и разветвленной структурой, что его сотрудники вполне могли и не знать друг друга в лицо.

— Куда мы идем? — сквозь зубы процедил Чапаев.

— Ты же слышал — на второй этаж.

— Зачем?

— Придем — узнаем. Этот придурок инженер все еще торчит внизу. Обратной дороги нет.

Едва они поднялись в верхний вестибюль, как к ним бросился толстяк с холуйской мордой. Крюков с трудом переборол желание шлепнуть его удостоверением по носу. Он ограничился тем, что потряс им у того перед глазами.

— Где все? — задал сыщик универсальный вопрос.

Толстяк сделал страшные глаза.

— Совещание давно началось, они уже полчаса как вернулись с полигона. Я не могу вас туда пропустить. Может быть, пройдете в «греческий зал»? Перекусите пока и все такое?

Крюков вопросительно посмотрел на Чапаева. Тот выждал секунду-другую и с важностью кивнул.

— Ладно, подождем.

Они прошли в комнату, где обычно обедает заводское руководство высшего звена. Толстяк пригласил Крюкова и Чапаева за столик у окна, затем сделал неуловимый знак, и накрахмаленная буфетчица тут же поставила перед гостями графинчик с прозрачной жидкостью.

Затем появились салат из овощей, мясное ассорти, грибы и селедка под шубой. Крюков, вооружившись ножом и вилкой, в нерешительности застыл, оглядывая стоявшие перед ним яства.

— И чего мы ждем? — поинтересовался участковый.

— Может быть, воздержимся? — предложил Крюков. — Ранения, особенно в брюшную полость, лучше получать натоцк.

— А помирать лучше на сытый желудок, — совершенно резонно возразил ему бывший участковый и потянулся к графину.

Через раскрытую форточку до них доносились обрывки разговора из соседнего кабинета, вероятно, того самого, где совещались хозяева. Крюков прислушался. Всего расслышать он не смог, но и того, что узнал, было достаточно, чтобы понять, куда они влезли.

Чапаев хотел что-то спросить, однако Крюков жестом велел ему замолчать и весь обратился в слух. Наконец он, позволив себе расслабиться, протянул Чапаеву свою рюмку.

— Наливай. Они здесь, за стеной. Вернулись с полигона. Проверяли противотанковые и зенитные реактивные снаряды, которые уважаемый депутат собирает впарить чехам в обмен на наркоту. Кажется, наш чеченский друг доволен. Как я понял, партия снарядов уже на месте, героин в количестве двухсот килограммов тоже. Это тебе не сумка Расула.

— Ты не забыл выяснить, где это место? — язвительно поинтересовался у сыщика Чапаев.

— Карп сам сказал. Да, какие там жучки и направленные микрофоны! В нужное время форточку открыл — и полная информация. А место — мог бы и

сам догадаться — «Башня смерти». Где самое темное место? Правильно, под фонарем. Стоп, соберись, они выходят!

Крюков напрягся и незаметно поправил свой «иерихон», чтобы без помех извлечь его из-за пояса в случае необходимости. Система самовзвода позволяла начать огонь без подготовки. Из кабинета вышел интеллигентного вида человек с лицом южной типа, дверь за ним захлопнулась. Крюков моментально сориентировался. Он поднялся и подскочил к интеллектуалисту, махнул перед его глазами удостоверением и выпалил наугад:

— Господин Джафаров, мне поручено вас сопровождать. Машина внизу, ждет.

Джафаров удивления не показал, возможно, сочтя, что так и должно быть. Они направился вниз по лестнице. Чапаев поспешно опрокинул в рот рюмку водки, достал ТТ, передернул затвор и бросился догонять Крюкова. На площадке между этажами Крюков остановил Джафарова.

— Уважаемый Исмаил, у меня в руке большой автоматический пистолет. Если ты не будешь исполнять моих приказаний, я тебя застрелю. Внизу охрана. Меня они, может, и убьют. Потом, если догонят. А может, и нет. Но тебя завалить я успею. Если что-то тебя заинтересовало, спроси сейчас.

По ступенькам застучали шаги. В глазах Джафарова мелькнула было, но тут же погасла надежда. Сверху спускался Чапаев.

— Ну, как, уже обрадовал? — поинтересовался он у Крюкова. — Значится, так. Выводим клиента через заднюю дверь, она здесь, прямо под лестницей. Пошли.

Деловитой походкой, в быстром, не допускающем сомнений темпе, они спустились вниз и нырнули под лестницу на глазах удивленных, но ко всему привычных охранников из «Ягуара».

Пока люди ждали его у парадного выхода на площадь, он тем временем под конвоем Крюкова и Чапаева широким шагом пересекал заваленный хламом заводской двор. Чапаев ориентировался на заводе, как у себя дома. Крюков признался сам себе, что один он наверняка заблудился бы среди однообразных заводских корпусов.

Несколько раз им пришлось прятаться от проходившего по территории завода патруля. Наконец они добрались до забора. Джафаров вел себя дисциплинированно, ни малейшей склонности к побегу не проявлял, и даже не дергался: сказывались опыт и привычка к экстремальным ситуациям. Но Крюков каждым нервом ощущал напряженность в поведении пленника и не сомневался: случись подходящая ситуация, тот своего шанса не упустит.

— Что вы хотите со мной сделать? — нарушил наконец молчание Джафаров; он пришел к выводу, что ситуация складывается не в его пользу.

Крюков помедлил, выбирая тактику общения с опытным террористом. «Пожалуй, — решил он, — в этой ситуации нет ничего лучше правды».

— Убивать-то тебя, конечно, не хочется. Разве что в крайнем случае, если сам попросишь. Если все пройдет нормально, мы тебя у пакуем и сдадим в самое главное милицейское управление. За это нам отвалят премию в сто рублей и присвоят внеочередные звания. Василь Иванович, ты не против комбрига получить?

— Хватит паясничать! — у бывшего полевого командира явно начали сдавать нервы. — Я предлагаю вам по пять тысяч долларов. Прямо сейчас.

Крюков задумался, потом тряхнул головой.

— Не пойдет. Две с половиной и через месяц. Вот мое слово! Василь Иванович, ты что скажешь?

— Чапай думать будет, — буркнул бывший участковый. — Нет, оно, конечно, можно бы. Но боязно. У меня начальник дюже сердитый.

— Идиоты! Хватит паясничать, — произнес Джафаров громким шепотом: ему определенно не хотелось получить пулю при попытке к бегству. — Вы же не от денег, отказываетесь, а от жизни!

— Да, наверное, ты прав, — тяжело вздохнул Крюков. — Но с этим уже ничего не поделаешь. А насчет жизни — одному Аллаху известно, когда ей конец придет. Так что ты иди, не задерживайся. — И он подтолкнул пленника «иерихоном» в нужном направлении.

До места, где можно было перелезть через забор оставалось не больше двадцати метров, когда позади они услышали слоновий топот и матерную брань. Крюков мата не любил и поморщился. Потом оглянулся, не выпуская в то же время из поля зрения свою пленника.

Группа преследования насчитывала около десятка человек. Во главе топал старый знакомый — Бульдозер. Проводником у них был все тот же ведущий «инженер Потех».

— Вон там я их встретил! А вон и они сами! — орал он на бегу, хотя противники и без того успели хорошо разглядеть друг друга.

И тут в дюйме от головы сыщика засвистели первые пули. Они не имели ничего общего с жаканами «сайги». Частные охранники стреляли из самых настоящих боевых автоматов Калашникова, хотя законом это было им категорически запрещено. Но, видимо, здесь, внутри заводских стен, они не считали нужным стесняться.

Крюкову показалось, что первым выстрелил именно Бульдозер, хотя под присягой он этого утверждать бы не стал. Но факт остается фактом. Первая же пуля, выпущенная преследователями, ударила в голову бывшего полевого командира Джафарова, прямо в тонкую дужку позолоченных очков, которые при жизни придавали его лицу столь интеллигентный вид. Ноги у него подкосились, и он упал на спину, крепко приложившись затылком, но уже этого не почувствовав. Его открытые глаза уставились в далекое небо, будто в нем, как в зеркале, он надеялся увидеть свое отражение.

— Во, блин, даже заложника не уберегли! — расстроился Чапаев. — Чем же теперь прикрываться будем?

— Зато теперь отходить налегке, — обрадовал его сыщик и несколько раз выстрелил в сторону преследователей, ни в кого особенно не целясь, просто чтобы заставить их залечь и сбить прицел.

— Двигай за мной! — Чапаев кардинально изменил направление движения и повел Крюкова практически назад, туда, откуда они только что пришли.

— Они ведь теперь не отвяжутся, — высказал предположение Крюков. — А убивать их не хочется.

— Ты и Джафарова не хотел убивать, — язвительно напомнил Чапаев. — Я тебе уже говорил, что ты дружишь с моргом не разлей вода. Ладно, пацифист хренов, что-нибудь придумаем. Завод большой, тут всем места хватит. Хоть целый день бегай.

Чапаев провел Крюкова через старый заваленный металлическим ломом

склад. Выйдя на улицу через маленькую железную дверь в стене, они, пригибаясь как шпионы в кино, перебежали на другую сторону и укрылись в заброшенном цеху. И как раз вовремя, так как в проходе между цехом и складом появились четверо бойцов «Ягуара».

— Разделились, — шепнул Крюкову Чапаев. — Эх, знать бы, где другая группа!

— Ща узнаем!

Крюков подобрал с пола большую ржавую гайку и метнул ее в разбитое окно склада. Она пролетела внутрь, запрыгала и загремела там по металлу. Грохот отозвался гулким эхом. Преследователи бегом рванули в ангар, поливая там все из автоматов.

Неожиданно в ответ тоже ударили очереди. Отдельные пули долетали до цеха, где прятались незадачливые разведчики.

— Ну, как дети, ей-богу, — неодобрительно проворчал Крюков. — Нельзя же быть такими лопухами. Ты как думаешь, кто победит?

Как всегда, победила дружба. Выстрелы смолкли и на смену им послышалась усиленная сводами ангара матерная брань:

— Хорош, мать вашу, по своим шмалять!

Крюков расстроился, узнав голос Бульдозера. Значит, ему в этой перестрелке ничего не перепало. А жаль!

Чапаев молча тронул Крюкова за плечо и жестом позвал за собой. Они так долго шли по бесконечно длинному пустому цеху, что его монотонно повторяющиеся архитектурные детали стали вызывать у Крюкова реакцию торможения. Наконец Чапаев подвел его к узкому простенку, толкнул неприметную дверь.

— Здесь вход в подвал, — пояснил он.

За первой дверью оказалась вторая, за ней третья. Отворив последнюю, они попали в систему подземных ходов гражданской обороны. Бывший участковый и здесь был в своей тарелке. Из безотказной папки-лентяйки он извлек электрический фонарик и с его помощью начал лавировать между кучами мусора, попутно распугивая полчища крыс.

— Рейды, рейды, — бормотал Чапаев себе под нос. — Я тут чуть ли не на пузе каждый закоулок изучил. Сатанисты здесь одно время кучковались. Кошкам головы рубили, а кровью на стенах всякую дрянь писали. На поверку-то оказалось — так. обычное хулиганье, только с загибонами...

Когда Крюкову стало казаться, что он, подобно Дюймовочке в кротовой норе, никогда больше не увидит солнечного света, его провожатый по преисподней толкнул последнюю дверь.

— Кажись, выбрались, — сообщил он.

Они находились под обыкновенной лестницей в обыкновенном подъезде. Воздух, пропитанный запахами быта и мочи, показался Крюкову слаще райского эфира с берегов пресловутого Гвадалквивира. Он вышел на улицу, радостно жмурясь. Последний раз так бесконечно счастлив он был лет в десять, когда развелись его родители. Тогда он получил на день рождения сразу два подарка: и железную дорогу, и велосипед.

— Надо бы машину забрать, — напомнил Чапаев.

— Пусть постоит, сейчас не до нее, — возразил ему сыщик. — У нас проблемы. Мы засветились. Бульдозер меня узнал... Он еще какое-то время побеждает

по территории завода, но когда-нибудь все-таки поймет, что рыбка сорвалась с крючка. И перенесет охоту в город. А мне не хотелось бы умирать в этом месяце. Я еще так мало сделал в жизни!

Ноги сами, как по щучьему веленью, понесли Чапаева к киоску с пивом. Он автоматически взял две бутылки и протянул одну Крюкову. Похоже, пить пиво для него было так же естественно, как необходимость дышать.

— И что будем делать? — спросил он. — Сматываться из города?

— Да разве от них смотаешься? — обреченно вздохнул Крюков. — Придется мочить врага на площадях, в банях и уютных сортирах. Надо вызывать тяжелую кавалерию. Возможно, это нас спасет. Иначе они и Джафара на нас повесят.

И он достал из кармана мобильный телефон...

Телефон дежурного по Управлению, где Крюков обычно нес свою нелегкую службу, долго не отвечал. Потом дежурный никак не мог понять, что от него требуется. Наконец, сообразив, что к чему, он провел необходимые консультации — на это тоже ушло время — и заявил:

— Подожди, я такие вопросы не решаю. Сейчас я свяжу тебя с генералом Амфибьевым.

На этот раз пауза тянулась недолго, гораздо меньше последнего ледникового периода. Видимо, начальник Управления сначала выслушал доклад дежурного, потом некоторое время размышлял, стоит ли вступать в переговоры с легендарным разгильдяем. И наконец — о именины сердца! — в трубке раздался его недовольный голос.

— Это вы, Крюков? Опять у вас все не слава богу? Что на сей раз? Докладывайте.

Крюков так живо представил себе кислое выражение лица начальника, что у него сразу свело челюсти, как от оскомины. Ужасно захотелось сплунуть или хотя бы высморкаться. Но он сдержался. С максимальной доступностью, членораздельно, как дрессировщик умной собаке, он принялся объяснять генералу причину своего звонка.

— Я нахожусь в городе Приокске... — сообщил сыщик.

Генерал понял, в чем дело, по долгу службы он был в курсе тамошних событий.

— А, это там, где телевизионный бордель снимают, — перебил он Крюкова, — толи «Под стеклом», то ли «За зеркалом»? Значит, вот куда вас занесло? И что вы хотите? Пригласить меня развлечься? Извините. Крюков, времени нет. Мы тут, знаете ли, работаем. В отличие от некоторых.

Крюков не стал состязаться в остроумии с начальником и сразу же перешел к изложению сути вопроса.

— Здесь, в здании гостиницы «Наука», где происходит телешоу, готовится бартерный обмен большой партии наркотиков на партию краденого оружия. Товар уже на месте.

— И вы, Крюков, предлагаете мне вложить деньги в это выгодное предприятие? — с показной серьезностью спросил генерал: в отличие от многих своих коллег он не был лишен чувства юмора.

— Я предлагаю вам подтянуть сюда наш СОБР, вызвать областной ОМОН, окружить здание и обыскать, — Крюков и сам понимал, что требует невоз-

можно, но ему было также известно, что чем больше просишь, тем больше получаешь.

— А в милицию звонить не пробовал? — поинтересовался генерал и сам не заметил, как перешел на ты. — Туда звонок бесплатный.

— Начальник местного Управления внутренних дел тоже участвует в этом деле... — Крюков уже пожалел, что связался со своей тухлой конторой, но продолжал по инерции, — организатор преступления — депутат Госдумы Карпушкин.

Генерал разочарованно хмыкнул в трубку.

— Только депутат? Не министр, не сотрудник аппарата президента? И на том спасибо! И у тебя всему этому есть доказательства или это, как ты выражаешься, оперативная информация?

Отступить было некуда, и Крюков вынужденно признался:

— Это оперативная информация. Депутат Карпушкин при мне договаривался с Исмаилом Джафаровым.

Генерал замолчал: то ли задумался, то ли изобретал ответ позаковыристее.

— Значит, ты хочешь, чтобы я устроил перед телевизионными камерами большое «Маски-шоу» вдобавок к их «Зазеркалью»? И, между делом, обвинил депутата в контрабанде наркотиков? Слушай, Крюков, скажи честно, я тебя чем-то обидел или, может быть, ты всерьез метишь на мое место? Так давай я просто застрелюсь. Меньше мороки будет. Кстати, где сейчас Джафаров? Он ведь, получается, главный свидетель.

— Убит в перестрелке, — нехотя признался Крюков.

— Я почему-то так и подумал, — без энтузиазма констатировал генерал. — А ты никогда не пробовал живым кого-нибудь взять?

— Я пытался, — начал было оправдаться сыщик. — но Джафарова подстрелили свои. То есть убить-то они хотели меня, а попали в него.

— Да, очень жалко, что так получилось. А не наоборот, — в голосе начальника вдруг зазвенел металл. — Так вот, Крюков, вы в отпуске — и продолжайте отдыхать. У меня все!

Короткие гудки в трубке почему-то напомнили сыщику погребальный колокольный звон... Некоторое время Крюков без единой мысли в обоих полушариях мозга продолжал держать трубку у виска, потом отключил мобильник и посмотрел на Чапаева:

— Кавалерия не придет.

— Будем вешаться? — предложил бывший участковый.

Крюков отрицательно покрутил головой.

— У меня веревки нет. И мыла тоже. Пойду-ка я к Расулу.

— Хорошая идея, — одобрил его решение Чапаев. — Для тебя у него обязательно веревка найдется. А может быть, он даже пули не пожалеет.

Крюков поднялся и хлопнул участкового по плечу.

— Это наш единственный выход. Иначе — точно кердык. Нашу информацию требуется срочно слить заинтересованным сторонам. Тогда им всем будет не до нас.

Чапаев сначала скептически хмыкнул, потом, прикинув варианты, кивнул в знак согласия.

— Ладно, делай как знаешь. Вот возьми, это спирт, — он протянул Крюкову плоскую карманную фляжку. — Это я хранил на черный день. Считаю, что он

наступил.

— Вообще-то, — заметил Крюков, — джентльмен, особенно если он на работе, не должен пить до пяти часов дня.

— Но ты-то в отпуске, — парировал с железной логикой Чапаев, — мало ли что может случиться? В трудную минуту двести грамм никому не помешают. Или вставишь фитиль и используешь как бомбу.

— Спасибо. — Крюков убрал фляжку в карман. — Ты не в курсе, где сейчас Расул прячется?..

Большой Расул снова обосновался в хачапурне. Хотя теперь близость милиции внушала ему скорее опасения. Он так и не понял, с чего вдруг полковник Сидоров сначала предад своего друга Бормана и стал помогать ему, Расулу. А потом — так же необъяснимо — переметнулся в лагерь депутата Карпушкина. Хотя подозрения у него были. Верные люди доложили, что с некоторых пор Карп стал появляться в обществе Исмаила Джафарова. Расул Мартанов больше всего на свете боялся, что Исмаил и Карпушкин договорятся о поставках напрямую, через его, Расула, голову. Боялся и не хотел верить очевидному.

Как раз в этот момент горестных размышлений и позвонил ему Крюков. Он попросил о немедленной встрече.

— Ты уверен, что мне это нужно? — с сомнением в голосе спросил Большой Расул.

— Это гораздо важнее, чем ты себе можешь представить, — заявил сыщик. — Только сделай одолжение, предупреди своих людей, чтобы держались от меня на расстоянии. Если мне придется защищаться, я могу поневоле положить пару-тройку твоих джигитов. А они тебе очень скоро самому понадобятся.

Расул некоторое время молчал, в трубке слышалось только его кряхтение. «Все-таки он сильно сдал после гибели сына», — подумал Крюков.

Наконец его собеседник произнес хриплым голосом:

— Хорошо, только не надо меня запугивать. Я пришлю за тобой Лему...

Лема встретил Крюкова напротив хачапурни и проводил его внутрь помещения. В отличие от предыдущего посещения сейчас обстановка здесь напоминала штаб революции Смольный накануне вооруженного восстания.

Большой Расул принял сыщика в той же комнате с коврами, где и в первый раз. Капитан опустился на пол рядом с хозяином, который сам налил гостю чаю в пиалу. Лема остался стоять у двери. Крюков сделал глоток и отставил пиалу в сторону.

— Так о чем ты хотел меня предупредить? — спросил его Мартанов после того, как все условности были соблюдены.

Крюков посмотрел в глаза собеседнику.

— Твои партнеры по торговле героином решили впредь обходиться без тебя.

Расул побледнел и стиснул зубы.

— Что ты об этом знаешь? Говори, иначе...

Крюков не удержался от смеха.

— А зачем же, по-твоему, я к тебе пришел? Чайку попить? Так вот, слушай. Сегодня Карп и Исмаил Джафаров договорились о прямых поставках героина

в обмен на оружие с Приокского завода. Ты лишний.

— Это правда? — Большой Расул так сжал в руке пиалу, что она с треском рассыпалась.

— Я слышал это собственными ушами, так же хорошо, как слышу сейчас тебя, — спокойно ответил сыщик.

— Исмаил, собака! — Расул закрипел зубами так громко, что этот звук можно было услышать на улице. — Я дал кров этому шакалу, когда у него на хвосте висели милиция и ФСБ. От прокуратуры откупил! И он так мне отплатил за добро!

Лема осторожно прокашлялся, привлекая внимание шефа, и вкрадчиво сказал:

— А если этот необрезанный врет? — его голос дрожал от ненависти к визитеру. — Почему мы должны ему верить?

Расул метнул на помощника гневный взгляд.

— Ты ему верить не обязан, потому что тебя никто не спрашивает. Крутость свою тебе стоило показать раньше, когда ты с ним дрался. Я ему верю, и этого достаточно. А верю потому, что и сам давно подозревал — эти ишаки сговариваются за моей спиной. Вот зачем этот жирный мент Сидоров предал сначала Бормана, а потом меня! Но он зря радуется. Карп сам продаст его при первой возможности. Ему нужны были завод и город, и он их получил.

Лема цокнул языком.

— Тогда им обоим нужно отрезать головы. Сначала Исмаилу, потом Карну.

Расул так ударил кулаком по столу, что столешница раскололась пополам и посуда посыпалась на ковер.

— И как ты собираешься это делать? Половина моих людей сидит в изоляторе в ста метрах отсюда. Что мне. силой их освободить?

— А почему бы и нет? — удивленно спросил Лема, который всегда и во всем был сторонником простых решений.

Руслан покивал, одобряя ход мыслей своего помощника и обратился к гостю:

— А ты что умного скажешь?

— Что скажу? — переспросил Крюков. — Боюсь, что с Исмаилом ты опоздал.

— Ты убил его?

— Не совсем так. Стрелял в него не я. Но если бы не мое вмешательство, он и сейчас был бы живее всех живых, — Крюков поднялся. — Это все. теперь мне надо идти. Хочу предупредить Бормана.

Расул задумался. С одной стороны, этот пропахший водкой тип с лицом голливудского актера засветился везде, где только можно, сует нос во все щели. Давно пора поставить его на место. Вернее, зарыть в землю. А с другой стороны, война завела в тупик обе команды — и его, и Бормана, от нее выигрывает третья сила, Карпушкин. В этой ситуации Крюков может пригодиться в качестве посредника. Пусть еще немного поживет, недолго осталось.

— Я бы не связывался с этой свиньей, — благожелательным тоном сказал Мартанов, — он подставит тебя. Впрочем, делай как знаешь...

Выйдя от Расула, Крюков сразу же созвонился с Бурминым и предложил ему встретиться. Тот не выразил особой радости по поводу закон возможно-

сти, но, подумав, согласился его принять. Крюков поймал машину и поехал в особняк бывшего хозяина города. Теперь владения Бормана сократились до периметра высокого железобетонного забора вокруг его резиденции.

У ворот особняка Крюков вылез и расплатился с таксистом. Быки из охраны на воротах узнали его издали и приветственно помахали ему мощными ручищами, толщиной напоминавшими ноги среднестатистического россиянина.

— Привет, ребята! Я к шефу, он меня ждет, — кивнул бойцам Крюков.

— Что творится в городе? — спросил старший из охранников. — Расул, сука, поди все захавал?

— Расул в такой же заднице, как и вы, — просветил бойцов Крюков. — В городе всем заправляет Карп. Сидор у него на подхвате.

— Тогда понятно, зачем этот скунс к шефу приезжал, — взгляд качка сфокусировался где-то за спиной Крюкова, на входе в особняк.

Сыщик машинально оглянулся и увидел, как из дверей дома выходит его старый знакомый. Бульдозер. Похоже, депутат Карпушкин счел возможным возложить на него обязанности парламентаря. Что ж, достойная кандидатура: договорится о перемирии — хорошо, а убьют — невелика потеря.

— Я гляжу, пердун делает у Карпа головокружительную карьеру, — прокомментировал его визит Крюков. — Если шею не свернет, глядишь — в помощники депутата выбьется, а то и в Думу попадет.

— А то там без него вони мало, — заметил охранник и махнул Крюкову: — Заходи, шеф тебя ждет.

Борман принял Крюкова в своем кабинете. Лося с ним не было, он выступал в роли телезвезды. Борман предложил Крюкову выпить, затем внимательно выслушал его рассказ. Сыщик рассказал ему то же, что и Расулу. Но нажим делал не на торговлю героином, а на захват власти в городе.

— И еще, — добавил он в заключение, — теперь я абсолютно уверен — Дину убил не Руслан. И в тот вечер, когда захватили наркотики и устроили пожар в гостинице, с Лосем была не она.

— Тогда кто?

Крюков пожал плечами.

— Об этом лучше спросить Лося. И как можно скорее. Подозреваю, что после убийства Яшки он следующий на очереди. Кстати, того, кто убил Яшку, разумеется, не нашли? Я так и думал.

Крюкову очень не понравилась новая манера Бормана отводить глаза при разговоре. Раньше он за ним такого не замечал. Неужели Расул оказался прав, и ему не следовало сюда ехать?

Его подозрения вскоре подтвердились. Не успел сыщик покинуть негостеприимные стены дома низверженного авторитета, как им занялись вплотную. Едва он вышел на обочину дороги перед особняком и поднял руку, чтобы тормознуть проходящую машину, как сбоку из кустов вывернул «Гран-Чероки». Он притормозил рядом с Крюковым и из его распахнувшихся дверей, словно черти из шкатулки, выскочили бойцы в черных комбинезонах с нарукавной эмблемой в виде оскаленной кошачьей головы. Направив на сыщика пистолеты, они предложили ему прокатиться с ними.

— Лезь в машину! — приказал один из налетчиков.

Сквозь затемненное стекло Крюков разглядел внутри салона могучий за-

гривок Бульдозера.

— Никогда, — твердо заявил сыщик. — Полчаса трястись в одной тачке с этим пердуном? Лучше умереть.

Но его не стали слушать, а закинули внутрь, сели сами и захлопнули дверцы. Джип сорвался с места и помчался к городу. Машина, несмотря на мощный двигатель, шла тяжело, так как была забита людьми под завязку. Бульдозер в тесноте с трудом повернулся к пленнику и отвесил ему затрецину.

— Это тебе за пердуна, — пояснил он.

Крюков покрутил головой, ожидая, когда в ней затихнет гул от полученного удара, и произнес:

— Знаешь, Бульдозер, человек твоей комплекции должен быть гораздо добрее. Между прочим, есть прямая зависимость: чем ты злее, тем больше воняешь.

От второй затрецины сыщик ненадолго погрузился в тяжелое забытие...

Когда Крюков очнулся, то обнаружил, что лежит на сиденье джипа, а тот стоит во внутреннем дворе Приокского Управления милиции. Похитители вышли из машины и курили рядом, Бульдозера нигде не было видно. Крюков ощупал себя руками, чтобы убедиться, все ли кости целы, на случай, если его били ногами, пока он был без сознания. Ощувив под рукой металл фляжки во внутреннем кармане куртки, он вспомнил о подарке Чапаева и его вещих словах.

«Что ж, момент самый подходящий», — решил сыщик, выливая себе в глотку все содержимое фляги, примерно граммов двести-двести пятьдесят.

И вовремя. Почти в тот же момент из здания Управления вышел Бульдозер и отдал короткое распоряжение. Сыщик предпочел сделать вид, что все еще находится без сознания, предоставив конвоирам возможность втащить себя внутрь здания.

Его внесли в большой кабинет и усадили на огромный кожаный диван времен первых сталинских пятилеток. Из-под приспущенных век он разглядел полковника Сидорова, восседавшего за гигантским, достойным Гаргантюа, столом под модным в наши дни плакатом. На нем схематично представленный милиционер с лицом, словно вырубленным из полена, вопреки всем правилам хорошего тона указывал на зрителя своим гипертрофированным пальцем. Надпись под рисунком гласила: «Товарищ, помни — если ты еще на свободе, то это не твоя заслуга, а наша недоработка».

Сидоров вскочил из-за стола и что было сил заорал на Бульдозера и его подчиненных:

— Кого вы мне привезли? Пьянь какую-то! Он же лыка не вяжет. Как я его должен допрашивать?

Однако те сами были в недоумении, и не смогли связно объяснить, когда Крюкову удалось нализаться до такой степени. Поняв, что с такими помощниками каши не сварить, полковник взял телефонную трубку и набрал номер.

— Карпушкин? Всеволод Адольфович? Полковник Сидоров беспокоит. Да, твои орлы доставили этого фрукта. Пьян в дымину. Не знаю, они его угощали или он их, но беседовать с ним сейчас невозможно. Что буду делать? Суну в общую камеру. Нет, пресс-хаты у меня нет, это же не тюрьма. Не волнуйся, к вечеру мне привезут пару отморозков, тогда и разберемся. Двое не справятся?

Ну, тогда десяток. Устроит? Ладно, пока.

Полковник в раздражении бросил трубку и снова кинулся на Бульдозера и его команду.

— Ну, что вылупились? Берите его и тащите в изолятор, там сдадите дежурному!

Крюков почувствовал, что его опять куда-то несут, и на этот раз действительно отключился по-настоящему...

Проснулся Крюков уже в камере. Он лежал на шконке. Не у дверей, но и не под окном. Посередке. Народу в камере было немного, сыщик заметил даже несколько свободных мест.

Он поднялся и сел. Голова не болела, только очень хотелось пить. Постепенно в памяти всплывали картины минувшего дня. Выходило, что Расул оказался прав. Скотина Борман сдал его Карпу, а тот велел Бульдозеру доставить его к Сидорову. Хорошего было мало и становилось все меньше.

Сквозь решетку пробивался слабый свет. В камере горела лампочка.

— Это утро или вечер? — спросил Крюков у соседа, занимавшего койку прямо возле окна.

— Вечер.

Своим видом сосед напоминал матерого уголовника: щербатые зубы, наколки по всему телу. Да и чувствовал он себя здесь как дома. Капитан догадался, что в камере он главный, «угловой». Он внимательно оглядел Крюкова, особенно его замечательные черные брюки от Армани. Сейчас вряд ли кто-нибудь угадал бы в этих обносках руку элитного закройщика.

— Это ты тот мусорок, который с Китайцем в этапке парился? — спросил угловой.

— Я, — не стал скрывать очевидного сыщик. — Как узнал?

— По шкарам. Китаец прогон пустил, чтобы правильные люди за тебя мазу держали, если по новой на хату заедешь. Только дело твое табак. Наши тебя, ясный пень, не тронут. А вот твои менты точно у катают, это я тебе в цвет базарю. Сидор-пидор спецом бригаду шерстяных с крытки подтянул. Они так делают, когда ломать кого-то надо. Держи ступень. Авось отмашешься.

И угловой бросил Крюкову тускло блеснувшую металлическую пластину. Это был выдранный из ботинка, заточенный с одной стороны ступинатор. Крюков подобрал его и убрал в карман.

— Благодарю.

Он был в курсе того, что «спасибо» в тюрьме говорить не принято.

Угловой закурил.

— Менты, суки, полный беспредел творят. Не был бы ты мусором, за тебя весь острог вписался бы. А так, извини. Урки нас не поймут.

Крюков не успел ответить. Щелкнул засов на двери камеры и сыщику велели выходить. На прощанье он кивнул угловому.

— До встречи на воле!

Тот в ответ только криво ухмыльнулся.

Конвоир провел Крюкова вдоль всего коридора в другой его конец. Здесь он приказал:

— К стене, руки в стороны!

Затем неторопливо обхлопал карманы Крюкова. Добрался и до ступинатора. Послеалкогольное состояние мешало сыщику соображать и быстро действовать.

Конвоир покрутил заточку в руках.

— Слышь, а ты правда из наших? — тихо спросил он.

Крюков обычно на дурацкие вопросы не отвечал, но на этот раз, ввиду важности момента, предпочел все же уточнить.

— Из кого это «из ваших»?

— Ну, из ментов.

Темнить перед смертью капитану не было никакого смысла, тем более что его инкогнито было давно раскрыто.

— Да, — признался он. — Опер я. Из спецухи. Кердык вашему Сидору. Не сегодня-завтра сам здесь окажется. Только ненадолго. Думаю, в первую же ночь повесится в камере, дольше не протянет. Так что держись от него подальше, чтобы, когда он рухнет, тебя не придавило.

— А что я? — пробурчал конвоир себе под нос. — Мы люди маленькие.

Он постучал ступинатором по ладони и сунул его обратно в карман Крюкову.

— Ты это, — еще тише сказал он, — как наседать начнут, сразу в тормоза ломись, в дверь то есть. Я тут, поблизости буду. Сразу открою. Держись, опер, авось прорвешься.

Крюков вошел в камеру. Она была относительно просторной. Вдоль одной из стен тянулись двухъярусные шконки. В углу возвышался «совмещенный санузел» — унитаз, над которым торчал кран. Центр камеры занимал стол с двумя скамейками.

На шконках сидели и курили трое мохнорылых юнцов. Все были плечисты и крепки, как сказочные богатыри. С появлением Крюкова вся троица уставилась на него чистыми прозрачными глазами наркоманов. И в их пустых взглядах сыщик прочел свой смертный приговор.

Глава десятая Разоблачение

Всякий раз, когда в прессе вновь муссировался вопрос о целесообразности введения смертной казни, Крюков вспоминал не о маньяках-потрошителях, не о братве, которая косит друг друга на разборках, а именно о таких спокойных, хорошо развитых физически молодых людях. На следственных экспериментах они очень подробно и обстоятельно показывали, как набрасывали своим жертвам петлю на шею, пронзали тело ножом или били молотком по голове. И проделывали они это не из ненависти к тем, кого убивали или насиловали, и не из-за куска хлеба, а исключительно с целью получить удовольствие: оргазм, дозу наркотиков или, на худой конец, стакан водки.

Их патологическая склонность к насилию вызывала страх у окружающих, создавала им авторитет. Но только на воле. Зона их обламывала. Удел «шерстяных», такова была их кастовая принадлежность, гарантировал каждому из них место в «обиженке», поломанные конечности, отбитые внутренности, а то и место на кладбище. В зависимости от тяжести совершенного против «правильных понятий» преступления.

Но таких выродков очень высоко ценила тюремная администрация. Их, как опасных зверей, изолировали от остальных обитателей тюрьмы в пресс-хатах. Там они и отработывали свою спокойную сытую жизнь, калеча и насилая тех, кого администрация время от времени швыряла им на съедение. Это помогало держать остальных заключенных в страхе, ибо каждый строптивый зэк знал — после пресс-хаты он станет либо «опущенным», либо инвалидом. Не был редкостью и летальный исход. В итоге все они погибали страшной смертью, ибо рано или поздно администрация переводила их в общую камеру, а на их место сажала новых обреченных.

На вид все трое отморозков выглядели вполне прилично, даже интеллигентно. Юношей с такими одухотворенными лицами скорее можно было бы встретить где-нибудь в университетской библиотеке или на дискотеке, чем в камере изолятора. При виде очередной жертвы на их лицах появилось выражение блудливой радости, только что слюни не потекли.

Крюков про себя отметил, что полковник Сидоров обманул своего друга-депутата. Двумя отморозками, правда, как и обещал, не ограничился, но и серьезное его предупреждение не воспринял. А зря.

Дверь камеры еще не успела закрыться, а Крюков уже обрушился на растерявшихся от такой прыти юнцов. Он не мог ждать, пока они окружают его и «растащат» на три стороны. Возись он с одним или даже двумя, третий запросто отоварит его по голове чем-нибудь тяжелым. О дальнейшей своей участи при таком раскладе сил даже думать не хотелось.

Первый из аборигенов камеры, не успев даже среагировать, получил ребром стопы в кадык, впечатался в стену и захрипел. Крюков подумал, что перестарался, но угрызениями совести не мучился. Вопрос касался его жизни и здоровья. К тому же он знал, что перед ним самое настоящее отребье как с точки зрения законопослушных граждан, так и уголовников.

Двое оставшихся интуитивно сработали грамотно — рванулись в разные стороны. Но одного из них Крюков успел перехватить — того, кто шарахнулся

прямо ему под руку.

Еще в детстве, когда он занимался в боксерской секции, его тренер часто повторял: «Разнообразие ударов и комбинаций вещь хорошая, но нужно до автоматизма отрабатывать один-два коронных». И Крюков до седьмого пота отрабатывал «коронную тройку» — встречный «кросс» свингом правой в голову — апперкот левой в печень и правой в челюсть. В то время спортивные чиновники делали ставку на комбинационный, игровой бокс. Крюков с его нокаутирующей «коронкой» плохо вписывался в их политику. Поэтому из бокса Капитан вскоре ушел, но тренировок не бросал, присоединив к ним позже дзюдо и каратэ.

Второго отморозка он подсек зацепом. Парня развернуло, но упасть ему помешала стена, и он, врубившись в нее спиной, замер от секундного шока после удара. Крюкову это было достаточно. Бить свинг было не во что, он ограничился двумя апперкотами. При ударе в челюсть что-то хрустнуло, затем затылок молодца с гулким стуком врезался в поверхность стены, так что посыпалась штукатурка.

Менее опытный боец не смог бы отказать себе в удовольствии замереть хоть на миг и с видом художника поглядеть на дело рук своих — как медленно стекает по шершавой стене тело врага, теряя жесткие очертания и превращаясь в округлую бесформенную массу. Но Крюков сразу после удара отскочил вправо, сделав наугад выпад назад ногой. И вовремя. Третий мерзавец, как гвардеец кардинала, нанес удар заточенным электродом как раз в то место, где секунду назад находился сыщик.

Пинок ногой пришелся неточно и только оттолкнул нападавшего. Но острое электрода, зажатого в его руке, успело пронзить тело падающего напарника. Крюков прыгнул назад и, схватив незадачливого фехтовальщика за шкуру, попытался пробить брешь в стене его стриженной головой. Потом, несмотря на неудачу, повторил процедуру еще раз. Молодой человек потерял всякий интерес к сопротивлению и присоединился к двум своим сокамерникам, уже лежавшим на полу.

Теперь осталось заняться профилактикой. В свое время он получил на этот счет исчерпывающие инструкции от друзей — Ляха и Графа. Жалеть поверженного противника в такой ситуации — значило обречь себя на верную смерть. «Шерстяные» его благородства оценить не могли. У них был приказ «опустить» или убить опера, и его неисполнение оборачивалось смертным приговором для них самих. Поэтому, рано или поздно, они бы до него добрались, а как долго им предстоит жить в одной камере, не знал никто. Сколько начальник захочет.

Отморозков требовалось обезвредить, такова была суровая необходимость. Крюков поморщился. При массе других недостатков садистом он не был. Но никуда не денешься, надо.

Он вернулся к первому из поверженных врагов. Тот понемногу приходил в себя. Увидев приближающегося мстителя, он засучил ногами и попытался забиться под шконку.

— Куда? — Крюков поймал его за ногу, ударил кулаком в голень другой ноги, которой тот неуклюже попытался его лягнуть, и выволок из укрытия.

— Не надо! — скулил деморализованный подонок. — Я не хотел, меня заставили! Я больше не буду!

— Конечно не будешь, — успокоил его Крюков. — Ты же не Маресьев, чтобы плясать на протезах.

Он прихватил плачущего богатыря за запястье, покручивая его руку и так и этак. Прикидывал, в каком месте ее лучше сломать. Внезапно где-то совсем рядом раздался взрыв. С потолка камеры посыпалась штукатурка. В коридоре раздались крики и выстрелы.

Что это? На память Крюкову пришла картинка из детской книжки с подписью: «Восстание рабов под предводительством Спартака». Прокатившись по коридору, гул затих. Перепуганный отморозок даже скулить перестал. Он прекрасно понимал, что если в изоляторе вспыхнет бунт, он сломанной рукой не отделается.

Снаружи камеры загредел засов, дверь немного приоткрылась, пропуская внутрь Чапаева. Крюков не смог удержаться от смеха.

— Вот это приколы! И тебя закрыли?

— Не дождешься, — отрезал бывший участковый. — Я за тобой. Объясни, почему я все время должен вытаскивать тебя с кичи?

В дверь осторожно просунулась голова коридорного вертухая. Он внимательно оглядел поле битвы и вздохнул с заметным облегчением.

— Как ты тут? Порядок, сам справился? А я думаю, чего ты в тормоз не колотишь? Может, уже замочили, суки?

Крюков оставил в покое недоломанного противника и обратился к вошедшим.

— Что там за шум снаружи? Народ штурмует дворец Трех Толстяков?

Чапаев усмехнулся.

— Нет, просто Расул взял штурмом изолятор и освободил всех своих. Но это еще не все. Сидоров, этот мудака, догадался свалить все изъятое у группировок Расула и Бормана оружие прямо здесь, на втором этаже изолятора. Так что теперь Расулу на стволы тратить не нужно. Получил бойцов вместе с боекомплектком.

Крюков не удивился. Он ждал чего-то в этом роде.

— И что Расул собирается делать дальше? Брат почту, телеграф и телефон? Или захватит Домодедово, поднимет самолеты и будет таранить Белый дом?

Чапаев пожал плечами.

— Не знаю, но мне кажется, после смерти сына у него совсем крыша поехала. Короче, нефига гадать. Сейчас сюда твой друг Сидоров прикатит. Пойдем лучше пивка попьем и поглядим, что дальше будет.

В свете произошедших событий Крюков счел предложение бывшего участкового вполне разумным. Они попрощались с дежурным надзирателем, вышли через выломанные двери изолятора и отправились к ближайшему месторождению пива...

Возобновленное телешоу занимало весь десятый этаж «Башни смерти». На одиннадцатом в это же самое время проходила историческая встреча двух криминальных гигантов.

Депутат Карпушкин чувствовал себя хозяином положения. Он и вел себя соответствующим образом, вальяжно и снисходительно. Борман, напротив, болезненно переживал свою полную беспомощность. Ему оставалось только жаловаться и роптать на нового хозяина города.

— Ты развязал руки Расулу, — ныл Борман. — Он окопался в городе и теперь его отсюда не выгонишь. Подожди, не сегодня-завтра он и до тебя доберется.

Карпушкин раздраженно отмахнулся.

— Ерунда! Я его уже, считай, скрутил в бараний рог. Завтра же вышвырну его обратно за реку. Все будет как и прежде. Мне не нужен весь город. Я оставлю тебе все твои торговые точки. Но чтобы твоя шпана и на пушечный выстрел к моему заводу не приближалась. Хочу тебя успокоить: Расул мне больше не нужен. Остается простая формальность — сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

Неожиданно снизу послышался шум, крики и выстрелы.

— Что там за бардак? — возмутился Карпушкин.

Он полагал, что полностью контролирует город. Нелепая гибель Исмаила Джафарова вывела его из себя. Он только-только с большим трудом утряс эту проблему с людьми, которые стояли за Исмаилом. И тут на тебе, опять какой-то сюрприз.

Дверь распахнулась, и в нее сунулся перепуганный Бульдозер. Борман замер. Он уже связал возникшую панику со своей особой. А что, если Карп надумал разделаться с ним прямо здесь? Но Бульдозер не обратил на него никакого внимания.

— Гостиница захвачена расуловцами! — сообщил он. — Все нижние этажи. Они наверх ломаются!..

С момента освобождения Крюкова из заточения прошло уже несколько часов. Моросил дождь, небо было затянуто тяжелыми тучами. Крюков сидел с Чапаевым за столиком под тентом летнего кафе напротив гостиницы, пил пиво и наблюдал, как прямо перед ними разворачиваются специализированные подразделения милиции и ФСБ. Окутав напарников облаком выхлопных газов, мимо них протарахтел БТР. Постовые в плащах и плащ-накидках мокли под дождем в оцеплении.

Чапаев только что вернулся из разведки. Поддев снизу пробку бутылки ногтем большого пальца, он одним движением, будто подбрасывая монету, скинул ее с горлышка и со вздохом облегчения развалился на пластмассовом стуле, буквально застонавшим под его мощной фигурой.

— Ну и что ты там нашпионил? — лениво поинтересовался у него Крюков. — Где Расул прячется?

Бывший участковый одним глотком ополовинил содержимое бутылки и представил диспозицию.

По его данным, абреки Расула ворвались в «Башню» внезапно. Пока одни отвлекали внимание внизу, другие на лифтах поднялись наверх. Теперь там, в гостинице, получился форменный слоеный пирог. Внизу люди Расула, но его самого с ними нет. Выше, на десятом этаже, охрана шоу и телевизионщики. Над ними вроде сам Расул со своей гвардией. Выше — Карпушкин с охранниками из «Ягуара» и с ними Борман со своими быками. У них там стрелка была. А сверху, на крышке, снова расуловцы. Теперь все сидят, как в мышеловке, друг друга караулят. А снизу наши, менты, и фээсбешники их капитально обложили. Говорят, вертолет вызвали. Только и ждут сигнала к штурму.

— А почему же не начинают?

— Расул грозит взорвать гостиницу. Говорит, что она вся заминирована. Похоже, не врет.

— А что это моего друга полковника Сидорова нигде не видно? — покрутил головой Крюков, озирая площадь с прилегающими окрестностями.

Чапаев сделал загадочное лицо.

— Теперь не скоро увидишь. На него материал собрали — лет на пятнадцать, если судья попадетсЯ добрый и в хорошем настроении.

Крюков подозрительно посмотрел на своего спасителя.

— А ты, часом, к этому материалу отношения не имеешь?

— Как тебе сказать, чтобы не обидеть? — протянул Чапаев. — Лучше не спрашивай. Давай подумаем, что дальше делать будем?

Крюков беспечно махнул рукой.

— Что делать? Сейчас допьем пиво, заберемсЯ внутрь этой долбаной башни и разнесем там все к едрене фене. Тебе что-нибудь в моем плане не нравится?

— Почему? Нормальный план. — Чапаев, казалось, целиком погрузился в изучение пивной этикетки. — А что мы там внутри забыли? Смотри, и без нас желающих хоть отбавляй. И наш ментовский СОБР, и фээсбешники. Еще бы, тут же телевидение работает! На весь мир прославиться можно!

— Или обфоршмачиться, что более вероятно, — поправил Крюков. — К тому же знаю я этих крутых пацанов. Натопчут, наломают, а пользы — ноль. В лучшем случае возьмут трупы.

— А за кого ты, собственно, переживаешь? — не понял Чапаев. — Педик-режиссер покоя не дает, или у Карпа телку увести надумал?

— Я обещал кое-что Игнату, — сказал серьезно Крюков, — и должен довести это дело до конца, я и так все время отвлекаюсь.

— Хороший был парень, — вздохнул Чапаев. — Я его неплохо узнал, когда он начальником безопасности в «Башне смерти» стал работать. Жалко, что так получилось... Так ты уже знаешь, кто его убил? В смысле баба или мужик? Кто тогда был с Лосем?

— Конечно.

— И скажешь мне?

— Ну разумеется, — Крюков сделал большой глоток пива и лукаво улыбнулся. — Но только если ты пойдешь со мной в «Башню смерти».

— А если нас там замочат? При таком количестве конфликтующих сторон это проще пареной репы.

Крюков рассмеялся и покровительственно похлопал коллегу по плечу.

— Не волнуйся, в таком случае перед смертью я открою тебе имя убийцы.

— Спасибо, братан. Ничего не скажешь, умеешь ты утешить человека в трудную минуту, — едва не прослезился донельзя растроганный Чапаев.

— А как мы проникнем в «Башню»? — Крюков внимательно оглядел здание снизу доверху. — Я подумал, может быть, подземные коммуникации проложены не только под заводом, но и под гостиницей? Ты там случайно не партизанил? Все-таки это твой участок.

— Случалось.

— Тогда чего мы ждем?

— Когда я допью свое пиво. Быть может, это последняя бутылка в моей жизни.

И бывший участковый с величайшим удовольствием вылил в рот послед-

ние капли народного напитка номер два.

Осажденные собрались в большом конференц-зале гостиницы. Постепенно они рассредоточились по залу, время от времени то собираясь в кучки, то снова расходясь в разные стороны. Со стороны этот процесс напоминал броуновское движение молекул, снятое в замедленном темпе.

Депутата Карпушкина охранял Бульдозер с парой ассистентов в форме «Ягуара»; Бормана сопровождали двое телохранителей. Здесь же присутствовали режиссер и продюсер шоу. Сароев неподвижно, как египетский фараон на троне, сидел на стуле, отрешенно уставившись в одну точку. Задославский торопливо ходил взад и вперед по залу, вздрагивая при малейшем шорохе, словно пациент невропатолога. Несколько быков Бормана и охранников депутата перекрывали выходы на лестницу и к лифтам. Те же из блокадников, кто не имел отношения к службам безопасности, вооружились стаканами и бутылками с алкоголем, без всякой меры используя их содержимое в качестве транквилизатора.

Основная часть съемочной группы под защитой охранников из «Ягуара» расположилась двумя этажами ниже. Разделяющий их этаж был занят боевиками Расула. Они же контролировали нижние этажи «Башни смерти» и, надо отметить, времени даром не теряли, трудились в поте лица, минировав несущие опоры. Представители сил правопорядка бестолково слонялись вокруг гостиницы, блокируя вход и выход из здания...

Депутат Карпушкин отложил в сторону трубку мобильного, но которому разговаривал с руководителем антитеррористической операции. Присутствующие смотрели на него с надеждой, словно хоббиты на Гэндальфа. В ответ на их немые вопросы он лишь отрицательно покачал головой.

— Спецназ обложил гостиницу, но войти не может.

— А если нашим людям ударить сверху? — посоветовал Борман. — Тогда спецназ сможет ворваться в здание и разблокировать его.

— Ничего не выйдет, — возразил депутат. — Расул все здесь взорвет. А тут героина на два лимона. И на столько же оружия и боеприпасов.

— О чем это ты? — попытался вернуть депутата к реальности продюсер Сароев. — Здесь кроме твоего товара еще и мы сами находимся! Если ты взлетишь на воздух, твой товар тебе уже не понадобится.

Задославский неожиданно прекратил свои монотонные экскурсии из конца в конец зала, встал в позитуру и ткнул пальцем в сторону продюсера.

— А ведь во всем виноват ты! — закричал он высоким фальцетом. — Этого ты хотел? Славная вышла банка с пауками! Это не просто пауки — тарантулы. «Черной вдовы» только не хватает. И мы среди них, а центральное телевидение нас снимает. А хоронить нас будут в братской могиле на казенный счет как жертвы экстремизма. Сейчас это очень модно. Так ты о таком за пределами рейтинга мечтал?

— Заткнись! — рявкнул на него Сароев. — Моей была только идея. А участников набирал ты! Мог бы догадаться, к чему это приведет! Обострять все до такой степени тебя никто не просил!

— Нет, это ты заткнись! — Карпушкин в сердцах запустил в продюсера стаканом, но промахнулся. — Ты здесь получишь право голоса, когда вернешь призовые деньги! И не надейся на форс-мажорные обстоятельства. Тебе это не

поможет. Все до копейки взыщу!

Страсти накалялись, приближаясь к точке кипения. Агрессивное настроение лидеров начало передаваться и присутствующим, которые постепенно стали перераспределяться по залу в соответствии с невидимыми силовыми линиями и полюсами взаимной неприязни. Тут не выдержал Борман.

— А сам-то хорош! — набросился он на депутата. — Сначала втравил меня в войну с кавказцами, потом помог им захватить город, затем начал злить Расула. Ты же орал, что у тебя все схвачено, все под контролем! Сам ты под контролем, и мы с тобой заодно!

Карлушкин, юродствуя, по-бабьи всплеснул руками.

— Ну конечно, это же мои люди захватили героин и четверть лимона баксов! Это я весь в говне, а ты в белом смокинге! А кто здесь облажался везде, где только можно? Так что лучше сам заткнись, пока мы друг друга не перестреляли. Лично я облегчать Расулу работу по нашему уничтожению не собираюсь...

Нервы у Бормана не выдержали, и он выплеснул содержимое своего стакана в лицо оппоненту. Как заметил в свое время Аристотель, в основе человеческого поведения лежит принцип подражания. В ту же секунду представители конфликтующих сторон, как дети в лягушатнике, начали поливать друг друга из всех подручных средств, в воздухе остро запахло спиртом, как гранаты, полетели пустые бутылки...

Минут через десять охранникам удалось развести распетушившихся борцов за денежные знаки по углам ринга, то бишь зала. Выпустив пар, единомышленники более или менее успокоились, привели себя в порядок и постепенно стали возвращаться к внутреннему употреблению спиртных напитков...

Крюков подогнал «рябуху» поближе к гостинице и извлек из тайничка под сиденьем спрятанное там удостоверение. С ним ему удалось пройти оцепление и подобраться к большезвездным руководителям операции. Крюков не чаял увидеть здесь своего генерала, поэтому он был приятно удивлен его присутствием. Зато тот, казалось, нисколько не обрадовался, заметив своего подчиненного.

— Здравия желаю, — поприветствовал сыщик молодого, немногим старше себя, начальника. — Все-таки надумали приехать?

— Что значит «надумали»? — генерал был обижен, но старался не подать вида. — Мы за этим Приокском давно следили. Если бы ваше появление здесь, Крюков, не спутало нам карты, этого безобразия не случилось бы.

Ничего другою Крюков, собственно, и не ожидал услышать. Но сейчас его меньше всего интересовала точка зрения главноначальствующих персон на события в городе и его собственную в них роль.

— А где же наши? Что-то никого не видно! — потерянно спросил капитан.

Генерал Амфибьев надулся от сознания важности порученной ему миссии:

— Я здесь не от нашего Управления. Мне поручено командовать сводным отрядом быстрого реагирования Министерства внутренних дел. Хочу сам возглавить штурм, но фээсбешники...

Крюков наклонился к генеральскому уху и, перебив начальника, обратился к нему на ты, благо разница в годах это вполне позволяла.

— Митя, не лезь куда не надо, и ребят побереги. У Расула явно проблемы с

головой, я его хорошо знаю. Он сам взорвется, и всех утробит. Тебе самому-то что больше хочется получить — орден или венок на могилу?

Генерал даже не обиделся на подобное панибратство со стороны какого-то старшего опера. Наоборот, он оживился, учуяв, какие широкие перспективы в смысле служебного роста открывает это дело.

— Ты знаешь Расула Мартанова? Тогда объясни, чего он хочет. Из его требований совершенно невозможно ничего понять.

Крюков задумался.

— Чего хочет этот старый харизматик? Думаю немногого. Оживить погибшего сына, вернуть свой пропавший без вести героин, восстановить сторевавший подпольный водочный цех и уничтожить Бормана вместе с его людьми. Он также хочет, как и раньше, продавать героин депутату Карпушкину и в то же время собирается убить его в наказание за предательство. У Большого Расула очень сложный внутренний мир.

— Он что, шизофреник? — догадался Амфибьев.

— Нет, я не могу считать шизофреником человека, который так высоко оценил мои способности и предлагал адекватно их оплатить, — не согласился с начальником Крюков. — Короче, он не дурак, поэтому лучше не лезьте вперед. Если коллеги-смежники из ФСБ рвутся в бой, флаг им на башню. У них и зарплата выше, и подготовка лучше. Но я бы и им не советовал горячиться. А то начнут свои приколы отмачивать — с крыши по веревкам спускаться и прочую показуху гнать, тут это не пройдет.

Неожиданно генерал закачался и, как ошпаренный, в испуге отскочил в сторону. Крышка канализационного люка под его ногами сначала приоткрылась, потом откатилась в сторону и, повертевшись со звоном, словно гигантская монета, застыла на месте. Из колодца показалось недовольное лицо бывшего участкового. Совершенно проигнорировав, вопреки всем правилам субординации, генерала, он обратился к Крюкову.

— Сколько тебя ждать? Или ты думаешь, что там все само собой рассосется? — перед тем как исчезнуть в глубине колодца, он протянул Крюкову его большой иудейский пистолет.

Крюков сунул оружие за пояс, развел руками и виновато улыбнулся начальнику.

— Извините. Ваше превосходительство, дела-с.

— Куда же вы, Крюков? — успел крикнуть генерал.

— Да так, шкурный вопрос решаю. Я же в отпуске, — напомнил сыщик, скрываясь в колодце. — И крышечку, если не трудно, на место положите, а то неровен час, упадет кто, ноги поломают...

Генерал послушно наклонился и с кряхтением водворил тяжелую чугунную крышку на место...

Спустя полчаса в осаде «Башни смерти» наступили изменения, позволявшие рассчитывать на некоторую определенность. Большой Расул, наконец, выдвинул свои требования. Заключались они в следующем: два миллиона долларов на покрытие издержек и затрат, понесенных им за последнее время, и большой транспортный вертолет. Иначе он взорвет здание вместе с заложниками.

Прибывший для переговоров заместитель председателя правительства

лично общался с террористом по системе громкой связи гостиницы. Специалисты ФСБ установили дополнительные динамики на фасаде здания, поэтому увлекательный радиоспектакль в реальном времени могли слышать все желающие.

— Расул Мартанов! Расул Мартанов! — гремел над площадью апокалиптический голос чиновника. — Сохраняйте спокойствие, вертолет уже вылетел! Деньги собирают, просто сейчас в банке нет такой суммы мелкими купюрами!

В ответ откуда-то с верхних этажей раздались гортанные выкрики:

— Вертолет давай! Деньги давай! Давай деньги!

Спустя еще полчаса в воздухе загудели винты вертолета.

— Расул Мартанов. Расул Мартанов! — продолжал орать зампред правительства. — Вертолет уже летит!

Это, собственно, было всем ясно и без его подтверждения...

На двенадцатом этаже в конференц-зале эти звуки встретили с большим оживлением. Депутат Карпушкин бросился к окну.

— Ну вот, порядок, граждане! Нас сейчас снимут сверху. За мной прислали вертолет, он уже садится.

— Вертолет?! — брызгал слюной Борман. — И сколько человек он заберет? Одного тебя с твоими шестерками?

— Это большой вертолет, транспортный! — возражал депутат. — Впрочем, если не хочешь, можешь не лететь. Оставайся здесь и жди Расула.

Режиссер остудил их пыл.

— О чем вы спорите? На верхних этажах засели эти бандиты. Они не пропустят нас на крышу.

— Прорвемся! — гордо заявил Карпушкин. — Я сам возьму автомат и пойду...

— Сиди уж! Тоже мне, Сальвадор Альенде нашелся! — нахально рассмеялся Борман. — Да кто за тобой, уркой, вертолет пришлет? Это они требования Расула выполняют.

Карпушкин вдруг как-то сник и расслабился.

— Да, ты прав, — согласился он. — Только у Расула, я думаю, требование одно — головы нам поотрезать. Сначала тебе, а потом мне.

— А почему это мне первому? — взвился Борман...

Расставшись с Крюковым, генерал Амфибьев вернулся в служебный «Мерседес», налил себе в солдатскую кружку чаю из термоса и щедро плеснул туда коньяку. Он чувствовал себя несправедливо обойденным. Его коллега из ФСБ, Земноводкин, руководивший операцией, уже примерял лавры победителя. А ведь они были в одном звании! Неужто нет справедливости в этом мире?..

Вертолет завис в сотне метров от гостиницы на уровне ее верхнего этажа. Снизу было видно, как на кромке крыши и окнах под ней появились люди Расула. Они что-то кричали и размахивали автоматами. Неожиданно с вертолета по ним ударила пулеметная очередь, винтокрылая машина переместилась в пространстве и теперь находилась точно над зданием. Дверь вертушки открылась, из нее, как горох из банки, посыпались на крышу спецназовцы. Из окон соседнего корпуса атаку сил правопорядка поддержали огнем снайперы.

Генерал не знал, что из окна этого самого корпуса был произведен выстрел, едва не убивший Ольгу и другой, оказавшийся смертельным для сына Расула Мартанова.

Спецназовцы, похоже, сумели закрепиться на крыше гостиницы. Через мгновение с нее полетели свободные концы тросов и десантники, словно люди-пауки, заскользили по ним вниз.

Едва они достигли окон верхнего этажа, как оттуда сквозь стекло по наступающим ударили автоматные очереди. Генерал от ФСБ удивился такой слаженности действий террористов, но тут же сообразил — они смотрят телевизор. Все происходящее снималось несколькими камерами и тут же шло в прямой эфир.

— Возвращайтесь! Всем отбой! — заорал в микрофон прямым текстом руководитель операции.

Но он опоздал. Край гостиничной крыши вдруг начал вспухать и распадаться на составляющие, в стороны полетели куски бетона, металла и рубероида. Чуть позже до стоявших на площади докатился звук взрывов. Всем стало ясно, что террористы успели заложить по периметру крыши небольшие, но достаточно мощные заряды.

Толпа зашлась в едином крике ужаса, люди бросились прочь от гостиницы. Но каменный дождь прошел раньше, чем им удалось выйти из зоны поражения. Висевшие на тросах десантники один за другим срывались и падали вниз с головокружительной высоты. Одновременно полыхнуло огнем и дымом из окон соседнего корпуса, где засели снайперы. Значит, взрывники успели поработать и там.

Генерал Земноводкин стоял блее мела. Потерпеть такое фиаско в присутствии вице-премьера и телевидения означало для него как минимум позорную отставку. Ну и погибших людей, конечно, было жалко, но это сейчас беспокоило его куда меньше.

Вслед за этим сверху донесся громopodobный рев. Оказывается, у большого Расула был припасен мегафон.

— Что, получили? — злорадно поинтересовался он. — Предупреждаю, еще одна такая попытка, и я взорву здесь все. Или вы опять не верите? Могу доказать!

В диалог с террористом снова вступил член правительства.

— Расул Мартанов. Расул Мартанов, сохраняйте спокойствие! Деньги уже в пути! — он принялся увещевать бандита с удвоенной энергией.

— Жду еще полчаса, потом взрываю! — рявкнул сверху мегафон, и над полем битвы воцарилась гнетущая тишина...

— Это какой этаж? — Крюков вцепился обеими руками в скобу металлической лестницы шахты лифта и перевел дух.

Без привычки подъем давался нелегко. Спасибо хоть лифты обесточили. Карабкаться по вертикальной лесенке без намеков на страховку на десятый этаж, когда мимо тебя снует кабина лифта — удовольствие определено ниже среднего.

Чапаев пыхтел где-то ниже. Хроническое увлечение пивом сейчас выходило ему боком, но он терпел и стойко переносил тяготы восхождения. Вниз он старался не смотреть.

— Кажись, добрались, тормози! — воззвал он из бездны.

Крюков перелез с лестницы на узенькую площадку и взялся за ручку дверцы. Через секунду Чапаев встал рядом с ним.

— Ты уверен, что они смогут здесь спуститься? — скептически спросил его сыщик.

— Жить захотят, спустятся, — обнадежил его бывший участковый и открыл металлическую дверь на этаж. И в ту же минуту захлопнул.

— Ты чего? — не понял Крюков.

— Там абреки!

— Откуда? Значит, они захватили десятый этаж? — изумился Крюков.

— Или я ошибся, и это одиннадцатый? — предположил Чапаев и скомандовал. — Срочно назад!

Они молнией, как матросы парусного судна по вантам, слетели вниз до следующей площадки. Когда Крюков уже открывал дверь на этаж, он услышал над головой до боли знакомый голос Лемы.

— Они по шахте лифта поднялись, слушай, давай сюда людей срочно, да!

Крюков, а за ним и Чапаев выкатились на пол коридора и захлопнули за собой дверь.

— Свои! Не стреляйте! — предупредил Крюков опешивших «ягуаровцев». — Давайте быстрее, чем дверь подпереть. Иначе сейчас здесь все расулово войско будет.

Один из охранников, более расторопный, чем другие, бросил сыщику металлическую табуретку, и тот заблокировал ножкой ручку двери. И вовремя, потому что она тут же затряслась от ударов с той стороны.

Крюков достал возвращенный ему Чапаевым пистолет и выстрелил в дверь так, чтобы не попасть в того, кто за ней стоял. Прислушался, с тревогой ожидая услышать удаляющийся крик и удар от падения тела. Но все было тихо.

Неожиданно с другого конца коридора раздался крик. Крюков с частью охранников бросился туда. Возле двери, выходящей на лестницу, лежал Лось. В спине у него торчал узкий, похожий на стилет, самодельный кинжал. Рядом с телом стояла Ольга. Глаза ее были широко открыты, она была в шоке.

В ответ на ее крик распахнулись двери аппаратной и студии. Показались перепуганные лица ассистента камермена Сережи и других членов съемочной группы.

— Что тут? Да вот, человека убили! — слышались с разных сторон возбужденные голоса.

Раздвинув толпу, неожиданно вперед вышла Анжела. Она посмотрела на Ольгу взглядом Фемиды и указала на нее пальцем.

— Это она убила! Я видела!

— Да, видела? — машинально отметил Крюков. — Значит, ты была поблизости от места преступления в момент убийства, и у тебя тоже нет алиби. Но с этим давайте разберемся чуть позже. Мы с Василь Ивановичем хотели вывести вас через шахту лифта, но теперь ничего не получится. Там уже люди Расула.

— И что же теперь делать? — спросил Сережа.

— Если выхода нет, надо вступать в переговоры, дорогой товарищ Камерман, — просветил его сыщик.

— Я камермен, — поправил Сережа. — А разве бандиты согласятся?

— А это мы сейчас узнаем. Василь Иваныч, организуй-ка здесь у двери круглосуточный пост. Но я думаю, что управлюсь быстрее.

Крюков осторожно открыл дверь и выглянул на площадку лестницы черного хода.

— Эй, наверху! — крикнул он. — Позови Лему!

— Зачем тебе Лема, свинья? — донесся сверху грубый голос.

— Не твое собачье дело. Передай ему, что Крюков хочет говорить с Расулом. Через несколько минут он снова услышал голос, на сей раз знакомый.

— Эй, Крюков, это я, Лема. Что ты хочешь сказать уважаемому Расулу?

— Передай ему, что я хочу назвать ему имя убийцы его сына и похитителя наркоты.

— Поднимайся сюда!

Крюков передал свой пистолет Чапаеву и, нарочно громко топая по гулким ступеням лестницы, стал подниматься на одиннадцатый этаж...

— Салам, уважаемый Расул, — сказал Крюков, входя в номер, занимаемый предводителем террористов.

— Это снова ты? — кивнул в ответ Мартанов. — Иногда мне кажется, что ты будешь преследовать меня до самой смерти. Чаю не предлагаю, электричества нет. Так ты можешь назвать мне имя убийцы? Не задаром, конечно? Что хочешь взамен?

— Ясности и покоя.

Большой Расул усмехнулся.

— Ха! Я тоже хочу ясности и покоя. И как ты себе это представляешь?

Крюков без приглашения опустился в кресло напротив авторитета.

— Это дело касается не только тебя. Я предлагаю тебе с твоими людьми подняться наверх. Там мы соберемся все вместе, и я расскажу все, что знаю. Потом ты уведешь своих людей.

Большой Расул задумался. Он долго сидел, прикрыв глаза тяжелыми веками, и, наконец, проговорил.

— Хорошо, я согласен. Ате, что наверху, согласятся?

— Думаю, да, — ответил Крюков. — Сейчас я поднимусь к ним и договорюсь. А ты пока приготовься.

— Я на всякий случай возьму с собой противоснайперский пульт, — сказал Расул. — На него выведены все взрывные устройства, заложенные моими людьми в обоих зданиях. Пока я буду держать эту красную кнопку, ничего не произойдет. Но как только отпущу — мы все взлетим на воздух. Передай это там, наверху.

— Не устанешь держать? Разговор может затянуться, — предупредил Крюков.

Расул снова усмехнулся и прикрыл глаза.

— Когда жить хочешь, можно и немножко вспотеть. Я уже жду.

Крюков направился к выходу, но в дверях оглянулся.

— А почему ты не ушел по шахте лифта?

Мартанов даже закричал от негодования.

— Слушай, зачем обижаешь? Я что, обезьяна — по лесенкам карабкаться? Годы не те, солидность не позволяет. Да и голова кружится, — неохотно признался он...

В конференц-зале на двенадцатом этаже собрались все участники трагических событий. Каждый квадратный сантиметр помещения был покрыт толстым слоем песка и цементной пыли, проникшими сюда в результате недавнего взрыва, в связи с чем интерьер зала полностью сменил свое цветовое решение. Воздух также был насыщен еще не осевшей пылью. Вошедшие тут же начали чихать и кашлять, впечатление было такое, будто все они в одну минуту стали жертвами массовой эпидемии гриппа. На этот раз телекамеры отсутствовали: таково было общее решение заинтересованных сторон, поскольку на саммите могли подниматься интимные вопросы, подпадающие под действие Уголовного кодекса.

В президиуме на почетном месте восседал Большой Расул в неизменной папахе, в левой руке он сжимал черную коробочку пульта. Эта позиция позволяла ему контролировать каждое движение в зале. Перед ним на столе, покрытом зеленой скатертью, тоже, впрочем, изменившей свою окраску, лежал автомат Калашникова. За его спиной, как башни в горах, возвышались Лема и еще два телохранителя.

Карпушкин уселся напротив него в первом ряду партера. Бульдозер и охранники «Ягуара» заняли места рядом с депутатом. Борман плюхнулся в кресло неподалеку, нахохлившись, как больной индюк... Известие о гибели Лося не прибавило ему уверенности в себе. И хотя с обеих сторон его подпирали сидевшие рядом быки, он не чувствовал себя в безопасности. Режиссер Задославский, продюсер Сароев и члены съемочной группы устроились в креслах второго ряда.

Бывший участковый Чапаев занял позицию у входа. Когда все присутствующие расселись по своим местам, Крюков вышел на середину сцены и произнес:

— Начнем, пожалуй.

— Прямо как в классическом детективе, — нервно хихикнул депутат Карпушкин. — Все сидят, развесив уши, а сыщик им мозги шнурует.

Крюков пропустил мимо ушей это сомнительный комплимент.

— Прежде, чем начать, хочу задать вопрос. Он касается господ Карпушкина, Бурмина и Мартанова. Если я сейчас укажу вам преступника, что вы собираетесь с ним сделать?

Все трое названных зашевелились и выступили в одном ключе.

— Я его убью! — воскликнул Большой Расул. — Это вопрос чести, я должен отомстить, иначе меня перестанут уважать!

— Я тоже убью, — развел руками Карпушкин. — Мне мои партнеры такое условие поставили.

Борман побагровел от гнева и закричал:

— А мне что, прикажете целоваться с подонком, который убил мою девочку! Только смерть!

Крюков огорченно вздохнул.

— Вы сами себе подписываете приговор. Только не смейтесь, но я считаю, что тот, кто похитил героин и деньги, убил дочь Бормана и сына Расула, должен предстать перед судом. Если вы не согласны, я вам больше не скажу ни слова.

Депутат Карпушкин выкрикнул с места:

— Тогда нам придется убить тебя. Выбирай, чья жизнь тебе дороже — своя или вора и убийцы.

Борман и Расул одобрительными возгласами поддержали его предложение. Крюков покачал головой.

— Что ж, другого выхода у меня, похоже, нет. Вообще-то я согласен с вами. Этот человек, безусловно, заслуживает смерти. Но не больше, чем любой из вас. Ведь все вы так же воруете и убиваете, у каждого руки по локти в крови. Ладно, я попробую сделать так, чтобы каждый получил то, к чему стремился. Но предупреждаю — не стреляйте друг в друга, пока не выслушаете все до конца. Итак, я начинаю.

Эта история началась как обычно. Люди Расула Мартанова привезли груз героина. Люди многоуважаемого депутата Карлушкина должны были его получить, но им помешали. В комнату на тринадцатом этаже, где происходил обмен, ворвались неизвестные и убили всех. Товар и деньги они забрали, а номер подожгли.

Но пока они возились с бензином и спичками, появился начальник гостиничной службы безопасности, Игнат. Мы с ним собирались вместе отследить продвижение груза, но я опоздал, и он решил действовать в одиночку. Игнат просчитал ход развития событий, он намеревался завладеть товаром и деньгами и спрятать их здесь, в этом здании, но где именно — неизвестно. Мой телефон в это время не работал. Сам уйти он не успел. Налетчики убили его и инсценировали несчастный случай — падение из окна.

Когда я приехал в Приокск по просьбе одного человека, все тут крутились вокруг гостиницы. Почему? Ответ напрашивался сам собой. И деньги, и товар оставались где-то в здании. Кроме непосредственных участников сделки, Мартанова и Карпушкина, в дело впрягся и господин Бурмин. Его раздражало, что бабки проплывают мимо его носа. Но, как он утверждает, захватывать груз и деньги он не собирался, а хотел только выторговать себе долю. Одним словом, все местные криминальные группировки стремились поковыряться в здании гостиницы, и тут как нельзя более кстати подвернулось это телевизионное шоу. Таким образом, представители всех заинтересованных сторон оказались «За зеркалом».

И результаты не заставили себя ждать. Проведение шоу субсидировал господин депутат, охрану несли его люди, поэтому они могли легально обшаривать и обстукивать стены и потолки здания в поисках денег и товара. Господину же Бурмину, хоть он и был владельцем «Башни», пришлось засылать своих разведчиков тайком. Я как-то случайно раз столкнулся с ними. Меня же самого то окунали в дерьмо по уши, то пытались использовать втемную, причем все стороны одновременно.

У господина Мартанова было меньше всего шансов добраться до своего товара. Поэтому он в конце концов не выдержал и поступил по обычаю гор — захватил гостиницу вместе с постояльцами. И вот все мы здесь, а ни товара, ни денег так никто и не нашел.

Но во время проведения шоу в «Башне» стали происходить странные вещи. Героин в красном пакете оказался у Дины. Получалось так, что груз все-таки захватили люди Бормана.

— Ах ты, ишак! Я так и знал! — Большой Расул, не вставая, потянулся к лежащему рядом автомату и направил его на Бормана.

Часть сидевших в зале бросилась на пол, остальные повскакивали с мест. Ждали очереди, но раздался лишь щелчок. Автомат был поставлен на предохранитель, а вторая рука Мартанова была занята кнопкой пульта, поэтому быстро перевести оружие в режим стрельбы он не успел. На секунду он застыл с коробочкой взрывателя в одной и автоматом в другой руке, словно это были держава и скипетр, символы его неограниченной власти.

Борман не стал ждать, пока Расул справится с затвором: он выхватил из-под пиджака пистолет, раздался выстрел. Под правым глазом Расула появилась красная точка, похожая издали на родимое пятно. Он откинулся на спинку стула и стал, не выпуская из рук взрывного устройства, медленно заваливаться на бок. Тяжелый автомат со стуком упал на стол. Мгновением раньше раздался ответный выстрел Лемы, и Борман в свою очередь распластался на полу с пулей в животе. Охранники Расула, используя стол президиума в качестве прикрытия, приготовились к отпору. Соплевание грозило перерасти в мамаево побоище: быки Бормана уже повытаскивали из подмышек свои стволы и направили их в сторону расуловцев.

Крюков, оказавшийся между двух огней, развернулся лицом к горцам и через стол ласточкой прыгнул на Лему, сбив его с ног. Подбежавший вслед за ним со стороны выхода Чапаев схватил со столешницы «калашник» Мартанова, вскочил на стол и, переведя флажок предохранителя, дал очередь поверх голов людей Расула. Те залегли, где стояли, отбросив, по требованию участкового, оружие в сторону.

Наиболее слабонервная часть аудитории во главе с депутатом в это время с топотом ретировалась к выходам из зала, оставляя за собой на пыльном полу четкие следы, словно действие происходило на поверхности Луны.

В последний момент пальцы Большого Расула, судорожно сжимавшие пульт взрывного устройства, стали разжиматься. Но Ольга, каким-то чудом оказалась рядом и успела перехватить кнопку. Взрыва не последовало!

Крюков поднялся с пола, придерживая Лечи за руку. Беглецы застыли в дверях конференц-зала, некоторые из них, сообразив, что ситуация под контролем, стали подтягиваться к сцене. Анжела была в их числе.

— «Скорою», срочно! — Крюков обвел присутствующих укоризненным взглядом. — Я же просил вас, пока не закончу, друг в друга не стрелять, все разборки оставим на потом. Может быть, сейчас разойдемся и продолжим в другом месте?

— Нет, почему же, место самое подходящее, — сказал депутат, как ни в чем не бывало, садясь. — Слушаем дальше.

— Только сначала перевяжите Бормана, — потребовал Крюков. — Он, кажется, еще жив.

И действительно, в отличие от неподвижно застывшего на полу Расула, Борман подавал признаки жизни. Охранники нашли бинт и принялись стаскивать с него одежду и накладывать повязку на простреленный живот.

Крюков посмотрел на Ольгу. Та, зажав черную коробочку в ладонях, изо всех сил давила большими пальцами обеих рук на злосчастную кнопку взрывателя.

— Выдержишь? — спросил он девушку.

Ольга в ответ молча кивнула.

— Тогда я продолжаю, — объявил Крюков во всеуслышание. — То, что геро-

ин оказался у Дины, еще не означало, что товар захватил ее отец.

— Я его не брал, — простонал Борман.

— Конечно, не брал, — согласился сыщик. — И Дина не брала, хотя Лось утверждал, что его помощницей была именно она. Просто она нашла у своего жениха пакет похищенного у Большого Расула героина. И поняла, что украл его Лось. Сам Лось больше всего боялся, что об этой акции узнает Борман. Но Дина ничего не сказала отцу, потому что любила Лося.

И только застукав его в постели с другой, она пригрозила ему, что все расскажет. В это время обе они уже были участницами вашего телевизионного шоу. И подруга, воспользовавшись моментом, подменила видеокассету и убила Дину. А потом подбросила ей красный пакет, который и узнал Руслан.

Но тут вмешался начальник службы безопасности Бодров. Он быстро разобрался в ситуации, из-за чего, кстати, и погиб. Когда он сказал мне, что знает убийцу Дины, но не хочет называть, я подумал, что это кто-то из людей его шефа. Но потом я узнал, что Бодров пытается этого убийцу шантажировать. Как бы он мог это сделать, если бы тот работал на его хозяина, на депутата Карпушкина? Только позже мне пришло в голову, что шантаж, возможно, касался не только убийства. Или совсем не убийства. И тогда этим человеком вполне мог быть кто-то из ваших приближенных, господин депутат. Тот, кто убил Дину, а затем подбросил ей красный пакет из-под украденного героина. Бодров все видел. Вряд ли вам, господин Карпушкин, понравилось бы, что кто-то из вашего ближайшего окружения скрысил ваш товар и вдобавок к этому кинул вас на четверть лимона баксов.

— Отца бы родного за такое не пощадил, убил бы на месте! — подтвердил, не вставая с места, депутат. — Тем более, от меня этого требуют мои новые партнеры. А они шутить не любят.

— Так вот, — продолжал Крюков, — Лось и его сообщник или сообщница подбросили Дине пакет, а Бодрова убили. И стали усиленно топить Руслана. Тем более что он сам делал все, чтобы облегчить работу своим противникам. Кончилось тем, что когда он набросился на меня, ему в руку сунули нож, которым были убиты Дина и Бодров. А спустя десять минут он был застрелен через закрытое непрозрачной панелью окно. Небанальное решение! Но здесь игру испортил я. По замыслу убийц, я должен был войти в комнату, откуда производился выстрел, и стать жертвой взрыва. Схема по такой легенде выстраивалась первоклассная. Руслан убивает Дину. У нею для этого была не одна причина, выбирай любую: ревность, месть и так далее. Плюс горячий темперамент и полное отсутствие тормозов. Сам он оказывается убит из снайперской винтовки, после чего мнимый снайпер, то есть я, погибает при взрыве. Но мне и в голову не могло прийти, что никакого снайпера не было и в помине.

— Что же, из винтовки Святой Дух стрелял? — ехидно спросил депутат, так и не научившийся правильно креститься.

— Нет. Винтовка была установлена и пристреляна одним из сообщников, Лосем. Это случилось, когда пуля пролетела над головой Ольги, а мы потом безуспешно искали снайпера на крыше. После убийства Руслана в студии был найден небольшой пульт с двумя кнопками. Одна активировала спусковой крючок винтовки, другая — обеспечивала подрыв самого устройства, а заодно и того дурака, который прибежит ловить несуществующего снайпера. Настоящий же убийца был рядом с Русланом, и как только голова Мартанова-юниора

оказалась в точке поражения, нажал на первую кнопку. А спустя некоторое время, когда он полагал, что я уже нахожусь в нужном месте в нужное время, на другую. Но со мной этот номер не прошел.

Затем началась настоящая война, и убийца смог расслабиться. Единственное, что он сделал, узнав, что я попал в камеру, позвонил вора и сообщил, что я опер. Но мне опять повезло.

Следующей жертвой оказался несчастный интриган Яшка. От меня он узнал, что героин Расулова и деньги депутата забрал Лось. Вместо того чтобы прямо сообщить об этом вам, господин Карпушкин, он обратился к человеку, который находился с вами в близких отношениях. Тому человеку, которого пытался шантажировать наивный Бодров. Догадались, о ком речь? О вашей подруге, которую вы хотели сделать победительницей конкурса. Которую вы, как оказалось, делили с Лосем и Игнатом.

Депутат Карпушкин был поражен в самое сердце. Он растерянно посмотрел на Ольгу... Та ответила ему дерзким взглядом.

— Да, а чего бы ты хотел? Видеть меня в роли половой тряпки или туалетной бумаги? Попользовался и выбросил?! Только не надо дергаться! У меня в руке пульт! Если я отпущу кнопку, вам всем предоставится возможность полетать без парашюта.

— Но и ты погибнешь! — прохрипел депутат, у которого пересохло в горле от волнения.

Ольга рассмеялась.

— А что мне терять? Разве ты оставил мне выход? Всем стоять, пусть хоть один из вас дернется, и я тут же отпущу кнопку!

Она подняла руку с пультом над головой.

— Слушайте внимательно! Даю вам всем ровно десять минут на то, чтобы спуститься вниз и выйти из «Башни». Кто не успеет, я не виновата! Касается всех кроме Карпа... и Крюкова.

Чапаев рванулся было на помощь сыщику, но тот толкнул ему навстречу стоявшую рядом с ним Анжелу.

— Выводи ее, я сам как-нибудь...

Все, кроме Карпушкина и Крюкова, устремились к лестнице черного хода. Последними зал покинули Лечи и его люди: на зеленой скатерти, снятой со стола президиума, они уносили труп Расула. Лечи, как величайшую святыню, нес в руках папаху покойного.

Борман остался лежать на полу: с такой раной он был абсолютно нетранспортабелен. К счастью для него, он потерял сознание. Гул голосов затихал по мере удаления участников и зрителей трагедии, но последнее ее действие было еще впереди...

Когда они остались одни, Ольга повернулась к Крюкову.

— И когда ты понял, что я не сестра Игната?

— Давно, — он поднял с пола опрокинутое кресло и сел в него. — Когда ты прокрутила мне кассету с записью его последних слов, меня насторожило, что запись идет на фоне тяжелого рока, которого Игнат терпеть не мог. Это могло быть сделано для того, чтобы скрыть помехи при монтаже. Да и в самой записи он не назвал имени сестры, а просил ей заняться, добавив, что кроме нее у него никого нет. Но до поры до времени меня это не интересовало. А ясно все

стало, когда в режиссерской я нашел кассеты с порнухой. Там ты трахалась с лесбиянкой и как будто получала от этого удовольствие.

— Ее звали Светланой. Я ее любила, — тихо сказала Ольга. — Ты ее знал?

— Конечно. Я убил ее чуть больше месяца назад на путях возле трех вокзалов в Москве, где она изображала мать-одиночку. А сдал ее Игнат. Он терпеть не мог наркоторговцев.

— Потому что сам никогда не сидел на игле! Да, я хотела его убить. Но погиб он почти случайно, поскользнулся и выпал из окна.

Крюков покачал головой.

— Почему-то я тебе верю, хотя и не должен. А меня ты разве не хотела убить?

Ольга неопределенно пожала плечами.

— Хотела. Но теперь не хочу. Какой в этом смысл, если сейчас я встречаюсь со Светланой?

Крюков недоуменно посмотрел на нее.

— А что я тогда тут делаю?

— Ты можешь идти. Просто мне хотелось поговорить с кем-нибудь напоследок. Не с этим же, — Ольга презрительно кивнула в сторону вжавшегося в кресло депутата.

— А его ты заберешь с собой? — спросил Крюков.

— Хочешь с ним поменяться?

По ее тону Крюков понял, что бессилён изменить ход событий.

— Прощай, — сказал он.

— До свидания. Когда спустишься, отойди вон к тем машинам и подними руку. Хорошо?

Крюков молча кивнул и направился к выходу из зала...

Внизу творилось невероятное. Скопище зевак, предупрежденных по громкой связи о возможности взрыва, в панике устремилось прочь от здания. В толпе громко гудели заблокированные людским потоком машины. Им вторили сирены пожарных.

Выйдя из дверей гостиницы, капитан увидел Чапаева, сохранявшего, в отличие от окружающих, полное самообладание.

— А где Анжела? — спросил Крюков бывшего участкового.

— Не знаю, — развел руками тот. — Куда-то делась, потерял я ее по дороге.

— Только этого не хватало! — выругался Крюков и вдруг увидел Анжелу.

С большой сумкой в руке она стояла возле его «рябухи» на вполне безопасном от «Башни смерти» расстоянии. Остальные, люди и техника, тоже успели отойти на необходимую дистанцию.

Крюков тяжело вздохнул и направился в указанную точку. Здесь он остановился, поискал глазами нужное окно: Ольги не было видно, но Крюков знал, что она ждет его сигнала. Он поднял руку и помахал ей на прощанье.

Через секунду мощный взрыв уничтожил несущие опоры здания на уровне конференц-зала. «Башня смерти» окуталась облаками пыли и черного дыма. Ее верхние этажи начали последовательно опускаться в нижние, словно части гигантской телескопической антенны...

На месте «Башни смерти» высилась груда обломков. В воздухе стоял кис-

лый запах отработанной взрывчатки, пыль еще продолжала оседать на землю. Крюков и Чапаев с разных сторон одновременно подошли к «рябухе».

— Ну что, поехал? — спросил Чапаев.

— Да, пора, — Крюков протянул напарнику на прощанье руку. — Не пей так много, комдив.

— Теперь не дадут, — проворчал бывший участковый. — Я тебе не сказал, все некогда было. Предложили снова начальником отдела розыска работать. Я сдуру согласился. Заезжай, что ли, при okazji.

Крюков сел за руль.

— И ты ко мне заглядывай. Телефон есть, звони.

— Она с тобой? — Чапаев взглянул на Анжелу, давно уже занявшую место в салоне.

— Куда же ее теперь девать? После всего, что было, я, как порядочный человек просто обязан... Хотя бы до Москвы подбросить. А там, может, и женюсь. Ну, пока!

— Счастливо! — Чапаев провожал «рябуху» взглядом, пока она не исчезла за поворотом шоссе...

Эпилог

Когда до Москвы оставалось несколько километров, Анжела вдруг впиалась пальцами Крюкову в плечо.

— Тормози!

От неожиданности он чуть не пустил «рябуху» юзом.

— Чтостряслось?

В ответ Анжела кивком показала ему на сверкающую огнями вывеску придорожного мотеля. Крюков нашел в себе силы не застонать. Сексуальная энергия новой подруги уже начала внушать ему священный ужас.

— А до Москвы потерпеть не можешь? — только и спросил он.

— Нет. Хочу сейчас! Немедленно!

— Надеюсь, не в машине? — уточнил сыщик. — Тогда немедленно не получится, сначала придется снять номер...

Едва войдя в комнату, они ринулись к ложу, на ходу срывая с себя одежду. Крюков, по обыкновению, отдался любимому делу целиком и полностью. Тем не менее минуты шли за минутами, а партнерша не проявляла готовности к оргазму.

— Ничего не понимаю, — пожаловалась она. — Со мной такого никогда не бывало. Может быть, это оттого, что я понервничала?

— Очень может быть, — пробормотал измученный половой жизнью Крюков.

Он покрылся потом. Усталость постепенно начала одолевать даже его тренированное тело. Ему припомнился любопытный опыт его сексуальных отношений с бедняжкой Диной.

«Не пора ли сказать девочке, как меня зовут? — подумал он. — Заодно узнаю, на всех ли мое имя действует одинаково».

— Слушай, а как тебя зовут? — вдруг спросила Анжела.

Крюков внутренне напрягся и ускорил темп.

— Пявчет, — членораздельно произнес он.

— Как? — девушка вдруг вывернулась из его объятий и уселась на постели.

— Пявчет, — растерянно произнес Крюков. — Это значит «Пятилетку в четыре года».

— Да знаю я, что это значит, — в отчаянии простонала Анжела и тихо заплакала.

Крюкову и вовсе стало не по себе: он никак не мог понять, в чем дело.

— Что с тобой? — спросил он с необычной для него мягкостью.

— Тебе Игнат разве не говорил, как звали нашу маму? — сквозь всхлипы спросила девушка.

— Нет. А как?

— Даздраперма — «Да здравствует первое мая». Когда я училась в пятом классе, мои одноклассники узнали об этом. Знаешь, как они меня стали после этого дразнить? Сперма-Даздраперма. И так до самого окончания школы! Как только я это вспоминаю... Прости, Крюков, мне с тобой было очень хорошо. Но больше я никогда не смогу ко... ко... кончить с тобой. Потому что теперь как только я тебя увижу, так вспомню, а как вспомню...

Она подошла к столу, раскрыла сумку и высыпала из нее целую кучу аккуратно перевязанных банковских пачек зеленоватого цвета.

— Это тебе на память, — грустно сказала она. — Игнат по телефону сказал мне, где лежат деньги, но не сказал, куда спрятал наркотики. Он не хотел, чтобы я их нашла. Возьми это и не обижайся.

Анжела оделась, подхватила сумку со своей половиной денег и решительно направилась к двери.

— Подожди, я тебя подвезу, — Крюков принялся поспешно одеваться. — Ты в таком состоянии и с кучей баксов... Я не хочу, чтобы тебя нашли завтра в расчлененном виде.

Через пять минут они пересекли границу царствующего града. У ближайшего метро Анжела попросила его остановиться.

— Спасибо, дальше я доберусь сама. И не ищи меня, пожалуйста.

С трудом сдерживая рыдания, она выскочила из машины и бросилась в уходивший под землю людской поток. Глядя ей вслед, Крюков вздохнул с чувством величайшего облегчения. Должно быть, так же чувствовал себя Степан Разин, расставшись со своей персиянкой. Но, в отличие от этого пирата и уголовника, совесть у Крюкова была чиста.

Капитан тронул «рябуху» и, не торопясь, поехал по ночной Москве, пропуская вперед обгонявших его лихачей. Он думал о том, как разумно и справедливо устроен мир. Мир, где счастье и радость приходят только к тем, кто их уже не ждет.